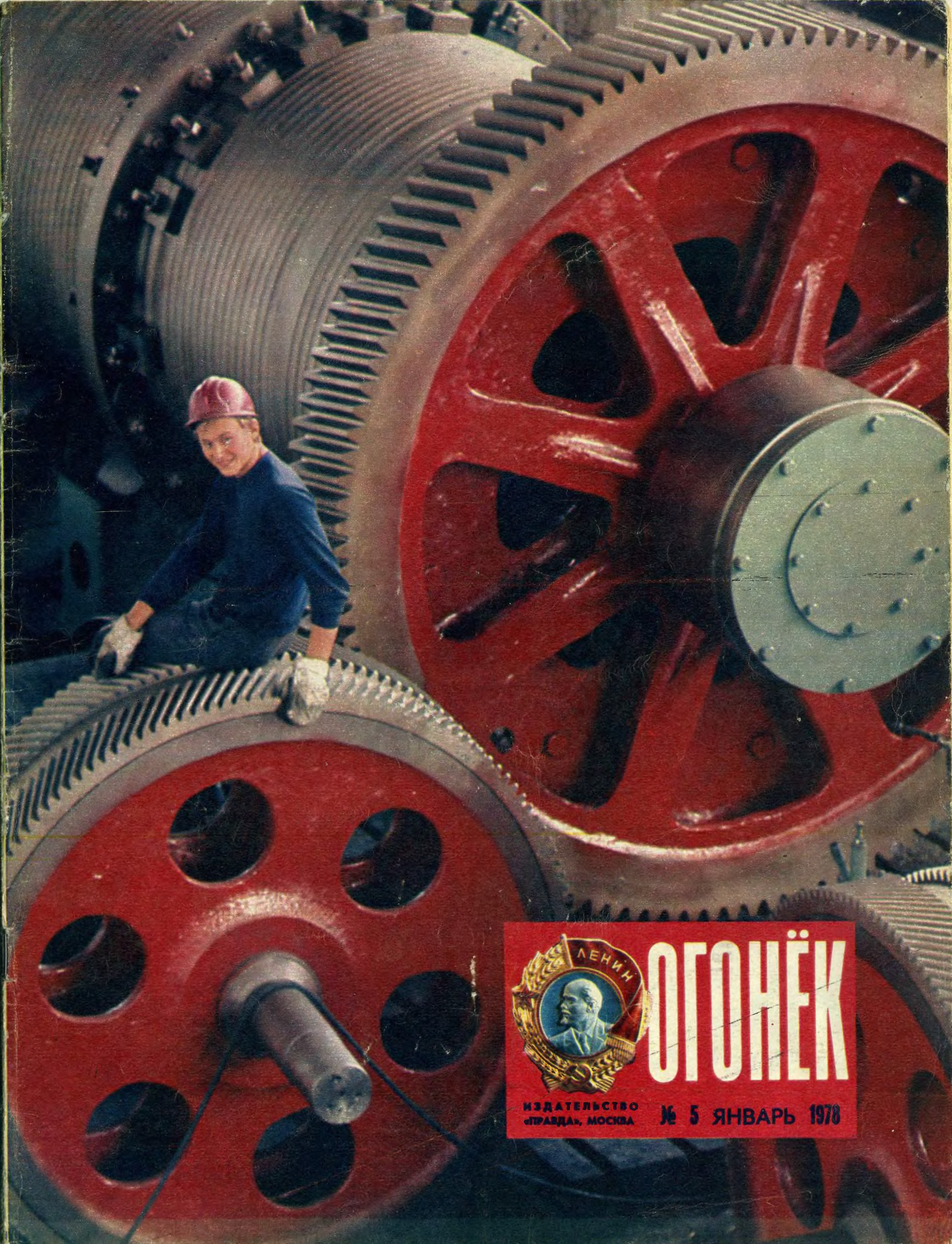
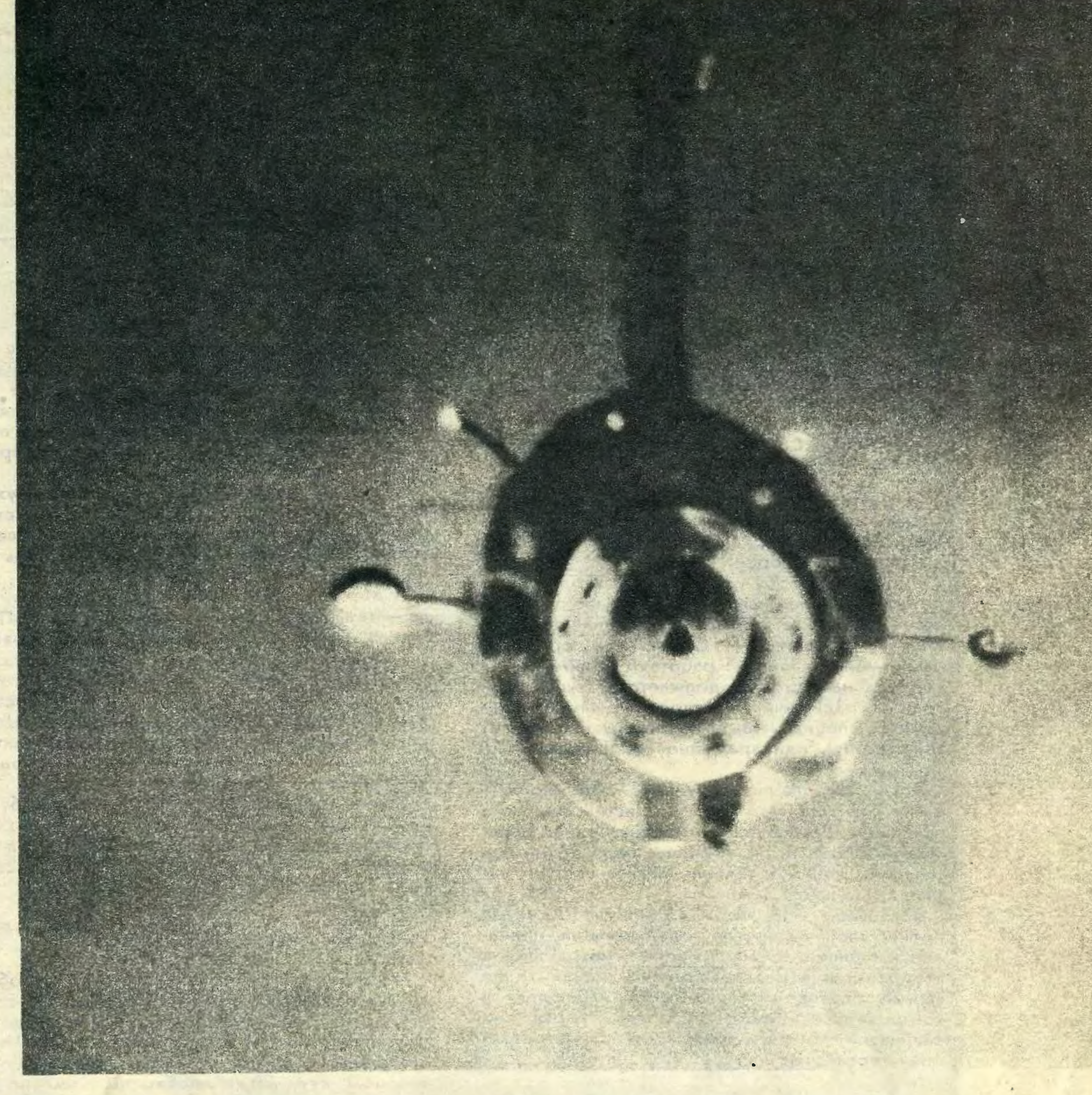

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1978

«Товарищ Лучо снова с нами! (Встреча в Кремле Л. И. Брежнева с Луисом Корваланом, освобожденным из застенков чилийской хунты)».

Этот снимок советского фотокорреспондента В. Мусаэльяна удостоен Главного приза на международной выставке «Интерпрессфото-77», состоявшейся в Москве. (См. в номере материал Г. Коваленко «Фотолетопись эпохи».)

Транспортный корабль «Прогресс-1» во время причаливания к орбитальному комплексу «Салют-6» — «Союз-27».

Снимок получен по телекосмической связи (ТАСС)

«САЛЮТ» — «ПРОГРЕСС»

Работу автоматического грузового транспортного корабля «Прогресс-1» комментирует руководитель полета дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Алексей Станиславович ЕЛИСЕЕВ

Еще, кажется, не утихла, не успокоилась байконурская степь от рева ракеты, уносящей Джанибекова и Макарова, а они уже выполнили свою программу полета и теперь вместе с другими специалистами провожали в тот же путь новую ракету. И опять, вырвавшись из объятий ферм, устремилась она ввысь, в космос, к «Салюту». И понесла драгоценный

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2638)

28 ЯНВАРЯ 1978

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1978

груз — новый беспилотный космический корабль «Прогресс-1»...

Мы в подмосковном Центре управления полетом.

— Алексей Станиславович, как работается в эти дни здесь, в Центре?

— В этом году впервые в мировой практике космических полетов установлена принципиально новая материальная связь с экипажем, работающим на орбите.

В эти дни Центру управления приходится работать с двойной нагрузкой. Так было при действии на орбите уникального комплекса «Союз-26» — «Салют-6» — «Союз-27». Теперь задача не менее сложная: работая с «Таймырами» (а у них на борту продолжается научная программа, радиосеансы пестрят бурными диалогами со специалистами, непрерывно поступает телеметрия), одновременно вести управление и «Прогрессом».

Когда корабль пилотируемый, мы и управляем и контролируем работу систем вместе с экипажем. Время для управления у нас большое — целый виток. А сейчас надо принимать решение одним в течение сеанса связи и управлять только с Земли.

22 января в 13 часов 12 минут 15 секунд произошло касание: грузовой корабль причалил к станции. Юрий и Георгий находились в этот момент в рабочем отсеке станции и по своему бортовому телевидению наблюдали и контролировали подход корабля. «Процесс выравнивания и стягивания протекает нормально»,— сообщили они.

— «Прогресс-1» создан на базе «Союза». Что же его отличает как грузовой корабль?

— Сохранены основные системы корабля, которые прошли многократную проверку, обводы, размеры, сохранена силовая схема и бо́льшая часть конструкций. Но есть и существенные отличия. Вместо орбитального отсека — новый грузовой. Пакеты, коробки, блоки всевозможных размеров укреплены специальными замками. Здесь нет традиционных болтов и гаек, которые надо откручивать. Замки разработаны специальные. Они и груз в пути держат крепко и открываются легко: космонавту достаточно просто повернуть ключ замка на 60 градусов.

Основная часть грузов «Прогресса-1» — материалы для обеспечения жизни и работы экипажа. Это регенераторы по очистке атмосферы, вентиляционные фильтры, новые тренировочно-нагрузочные костюмы, предметы гигиены: салфетки, полотенца, белье.

В специальных баллонах привезли воду. На станции есть и непривозная вода — та, что получается путем регенерации из конденсата атмосферной влаги, но для частых бань ее не хватает. Доставили и свежие продукты: соки, консервы, хлеб.

За сорок с лишним дней полета истрачено много пленки на снимки Земли, сейчас эти запасы будут пополнены. Есть также различная аппаратура и материалы для продолжения научных исследований.

В этом корабле нет спускаемого аппарата. Корабль должен сделать свое дело — обеспечить доставку и эвакуировать со станции все лишнее: отработавшую аппаратуру, емкости с отходами.

На месте спускаемого аппарата на корабле находится отсек-танкер. В нем топливо для маршевого двигателя и малых двигателей станции.

— Значит, в данном случае «Прогресс» выступает как заправщик?

— Заправляют же морские лайнеры во время плавания, самолеты в воздухе. Но космические корабли-заправщики до сих пор не создавались. Однако деятельность человека в космосе расширяется. Станции на орбите работают все дольше, и это не погоня за рекордами. Логика здесь проста: чем больше продолжительность работы, тем больше информации для науки и народного хозяйства.

Ничто не бесконечно. И на орбите нужно кормить не только космонавтов, но и... станцию. На различные маневры затрачивается топливо, и, конечно, выгоднее дозаправить ее, чем снарядить следующую.

И вот для этих целей на стыковочном узле — там, где сейчас пристроился «Прогресс»,— предусмотрительно вмонтированы гидроразъемы: один — для горючего, другой — для окислителя и два — по системе терморегулирования. По герметичным магистралям под управлением специалистов из Центра или же самими космонавтами будет выполняться сложнейшая операция — перекачивание компонентов топлива.

Такой процесс в условиях космоса будет осуществляться впервые, и хотя в земных лабораториях метод передавливания топлива неоднократно проверен, неизвестно, какие сюрпризы преподнесет невесомость.

— Специалисты считают присутствие человека на такой машине излишним...

— Для системы жизнеобеспечения подобного «экспедитора» корабль пришлось бы оснастить всеми ее элементами, а это значительно уменьшило бы вес его полезного груза. Человек должен лететь в космос для наиболее сложных дел, когда необходим именно он, специалист, взвешивающий, оценивающий, принимающий решения, привносящий в работу творчество. Это касается большинства научных экспериментов, спектро- и фотосъемки, в общем, работ с монтажом, настройкой приборов, выполнением специальной ориентации станции.

А в данном случае умный автомат, мы надеемся, прекрасно справится с заданием. Причем это только начало важного этапа отработки транспортных космических операций, задел для будущей длительной жизни орбитальной станции.

●

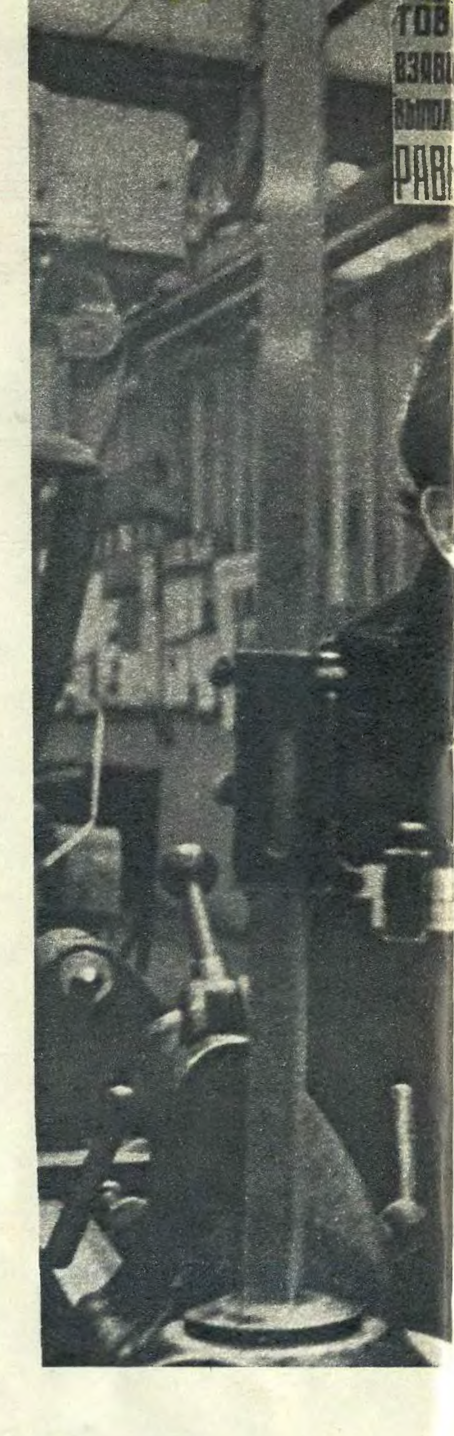
...Мы очень быстро привыкаем к тому, что изначально поражает воображение. Всего полвека назад радовала простая лампочка, самолет казался почти чудом. А в это время Циолковский в своих работах обосновал необходимость завоевания космического пространства. И вот сейчас на орбите живет его мечта из металла, полупроводников, сверхновых материалов. В ней труд и Сергея Павловича Королева и всех тех ученых, рабочих, конструкторов, космонавтов, чьи жизни отданы космосу. Сделан новый шаг к тем «эфирным поселениям», о которых писал Константин Эдуардович Циолковский.

Шестая орбитальная станция стала портом, к которому причаливают и пилотируемые и грузовые корабли. Станция стала весьма «коммуникабельной». Космонавтов навещают коллеги. Впервые они могут написать письмо — а это очень важно в эмоциональном плане — и получить ответ, заказать дополнительное оборудование и инструмент для работы, пополнить продовольственные запасы.

В деле обеспечения долговременных космических операций еще много проблем. Но сегодня еще одна из них решена. На орбите действует новый комплекс «Салют» — «Прогресс».

Беседу вела
Р. ГЕОРГИЕВА.

Подмосковный Центр управления полетами.

В. СУКОЧЕВ,
литсотрудник газеты «Заводская правда»

Фото токаря Н. ДАНИЛОВА

Задача состоит в том, чтобы на действующих предприятиях весь прирост продукции был получен за счет повышения производительности труда. Это сейчас — самое важное, самое главное!

Из Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Легкий морозец заставлял прибавить шаг. Впрочем, дело не столько в морозе, сколько в привычке: чем ближе заводская проходная, тем быстрее идешь. И торопиться бы вроде не надо, до начала рабочего дня еще полчаса, но с привычкой ничего не поделаешь. Она стала чертой характера у Виктора Порохнякова с тех напряженных дней далекого

Слесари-передовики (слева направо): **С. Чуриков, В. Пороятников, В. Гордеев, Б. Подсекин**

УСКОРЕНИЕ

сорок третьего года, когда худощавый паренек ходил на этот завод еще учеником слесаря.

Теперь за плечами полвека жизни. Солидным человеком стал. Кавалер ордена Октябрьской Революции. Виктор Алексеевич Пороятников во всем любит основательность — и в делах и в словах. Он бригадир, а с бригадира спрос особый.

Бригаду Виктор Алексеевич подобрал под стать себе: основательные ребята. Владимиру Гордееву, Борису Подсекину да и другим опыта не занимать. Никто в цехе не помнит случая, чтобы бригада не выполнила задание или выпустила недоброкачественную продукцию.

Девиз бригады—«Совесть рабочего — лучший контролер». Пороятников встретил Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ как адресованное лично ему. **«Главное — с первых дней года обеспечить четкий ритм работы, выполнение государственных плановых заданий и социалистических обязательств каждым трудовым коллективом...»** Здесь есть над чем задуматься. Но бригада свое дело знает. Задание двух лет пятилетки выполнила еще в октябре прошлого года. Не просто было этого добиться. Труд слесарей пока не назовешь механизированным. Тут все зависит от мастерства, от организации работы, от умения использовать время. Но, конечно, и смекалку, нажитый опыт со счетов сбрасывать нельзя. Над тем, как выполнить работу быстрее и лучше, в бригаде думают все. Один приспособление какое-нибудь сделает, другой — шаблон... Недавно Сергей Чуриков сам изготовил переходник для развертывания отверстий. Казалось бы, не такая уж мудреная штука, а работу всем значительно облегчила и ускорила.

Вот за счет подобных мелочей и удалось бригаде в прошлом году почти на десять процентов повысить производительность труда.

На заводе в дни работы декабрьского Пленума ЦК КПСС началось соревнование за выполнение трехлетних заданий к 7 октября 1978 года — к первой годовщине новой Конституции СССР. Бригада Пороятникова одной из первых в столице включилась в новое соревнование. Но прежде чем принять обязательства, слесари не день и не два думали над тем, какие можно использовать резервы. Подсчитывали, советовались. И арифметика получилась такая: к 7 октября можно выполнить не только трехлетнее задание, но еще и задание первого квартала следующего года. Это — самое высокое обязательство на заводе «Знамя труда».

— Осилим? — спрашивал Виктор Алексеевич у товарищей.— Не слишком замахнулись?

Спрашивал не потому, что были сомнения относительно сроков. Просто хотелось проверить готовность каждого работать с максимальной отдачей. Важно ребятам самим еще раз почувствовать уверенность в силах своего коллектива.

— Осилим, Алексеевич! Задел есть.

Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ читали всей бригадой. К ним письмо, это ясно. Особое внимание обратили на слова, обращенные непосредственно к рабочему классу, с призывом идти в авангарде соревнования, трудиться с высокой производительностью. Это по душе, это как личные планы! Так решили.

— Год начали в хорошем темпе,— рассказал Виктор Алексеевич по пути к проходной.— Теперь самое главное — ритм, не сбиться с ритма...

Увидел своих товарищей. Они шли такими же размеренными шагами, как и он. Они очень не похожи друг на друга. Но когда видишь всех вместе, то замечаешь что-то общее. Пороятников не раз обращал на это внимание, но все не мог понять, что именно, а тут подумал: «Надежность». Такие не подводили и не подведут.

Московский машиностроительный завод «Знамя труда».

КУРСОМ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Более 1 300 делегатов собрались 24 января в Большом Кремлевском дворце на V Всесоюзный съезд научно-технических обществ.

В президиуме — товарищи **В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, В. И. Долгих, Я. П. Рябов,** а также заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, В. А. Кириллин, председатель ВЦСПС А. И. Шибаев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, заведующие отделами ЦК КПСС, руководители министерств и ведомств, видные ученые, новаторы производства.

Участники съезда единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро Центрального Комитета КПСС во главе с Гене-

---

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«ДОМАШНИЕ НАШИ ПОМОЩНИКИ»

Множество моделей создает лишь видимость разнообразия и доставляет излишние хлопоты. ● Унификация бытовой техники — неотложная забота.

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Домашние наши помощники» — статья актуальная и на злобу дня»... Читатель «Огонька» Василий Иванович Сысолетин (Пермская область) всячески поддерживает опубликованное в журнале письмо народных депутатов из города Иванова. «Думаю, что высказанную народными депутатами точку зрения разделяют многие тысячи жителей нашей страны,— продолжает он.— Зачем выпускать много разных моделей бытовой техники? Надо создать и производить несколько совершенных моделей, изменяя их внешнее оформление... Нельзя забывать и малогабаритные стиральные машины. Об утюгах тоже правильно поставлен вопрос. Не буду повторять напечатанное, только скажу: нужны утяжеленные утюги».

В той или иной форме эта точка зрения повторяется в письмах, полученных редакцией вслед за публикацией репортажа «Большой торг» («Огонек» № 34 за 1977 год), обзора откликов на него («Огонек» № 49) и особенно в связи с письмом народных депутатов из г. Иванова «Домашние наши помощники» («Огонек» № 46).

О роли бытовой техники, о ее возможностях и значении в домашнем хозяйстве, о свободном времени, которое эта техника не только сохраняет, но и позволяет четче планировать, об ассортименте и качестве электробытовых изделий пишут Л. Мельникова из Якутии, Антонина Николаевна Вахламова из Днепропетровской области, Ф. М. Шевченко из Актюбинска, другие читатели журнала.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ТОРГОВЛИ

Заинтересованно, предметно высказывает свою точку зрения Министерство торговли СССР. В письме начальника Главкультбыттогра С. Н. Варенко говорится о том, что «...поставленные в письме «Домашние наши помощники» и ранее в статье «Большой торг» вопросы правильно характеризуют состояние производства и уровень качества бытовых машин и приборов. Значение широкой электрификации быта в преобразовании условий и организации жизни людей трудно переоценить. Она является важнейшим средством механизации трудоемких процессов домашнего хозяйства».

С. Н. Варенко, основываясь на проведенном торговлей изучении спроса, замечает далее, что покупатели хотят видеть в магазинах бытовую технику, которая создает высокий комфорт, удобства для быта и отдыха.

«Теперь, когда парк электробытовых машин и приборов достиг значительных размеров и насыщенность многими из них стала достаточно высокой, требования покупателей к ассортименту, качеству, техническому уровню заметно повысились. Но возрастающие запросы и требования населения в значительной мере опережают предложения промышленности. Некоторые изделия, особенно сложно-технические бытовые машины и приборы, имеют устаревшую конструкцию и невысокие эксплуатационные свойства, они далеко не полностью соответствуют структуре покупательского спроса. Следует сказать, что промышленность все еще слабо изучает спрос, крайне медленно решает вопросы создания фирменных магазинов.

Проведение единой технической политики по производству и полному удовлетворению спроса населения возложено в нашей стране на головные промышленные министерства. В производстве бытовых машин и приборов такими министерствами являются Минлегпищемаш и Минэлектротехпром». Но эти министерства в силу разных причин до сих пор не используют в полной мере свои права. Видимо, только этим можно объяснить тот факт, что в настоящее время выпускается более 20 моделей утюгов, свыше 40 марок холодильников, подчеркивает С. Н. Варенко. И продолжает: «Неоправданная множественность моделей, в массе своей не унифицированных, не отличающихся принципиально новыми решениями, создает лишь видимость широкого ассортимента, в то же время снижает ремонтопригодность изделий и вызывает справедливые нарекания покупателей и служб быта».

ОТНОШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Начнем с того, что Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов долго не высказывало свою точку зрения. Совсем недавно, в середине января, в редакцию привезли (не отправили почтой, а именно привезли) письмо, датированное 28 декабря прошлого года. Заместитель начальника технического управления Ю. В. Подобед пишет: «Направляем вам проект ответа в журнал «Огонек» на статьи «Большой торг» и «Домашние помощники». К записке приложены шесть страниц машинописного текста.

Но прежде чем познакомить с ними читателей, позволим себе отметить, что впервые в практике редакционной работы нам присылают ПРОЕКТ ответа. Ответ будет позже? Не говорим сейчас о том, что название одной из публикаций приведено неточно. Настораживает тенденция: разговор ведется не по существу затронутых проблем. Мы лишены возможности перепечатывать все шесть страниц (тем более что это всего лишь проект), приведем из него некоторые положения.

«Мы — головное министерство по производству изделий сложной бытовой техники, таких, как холодильники, стиральные, швейные машины, электропылесосы, электрополотеры, электроутюги, электробритвы и др.» Далее авторы проекта сообщают, что эта отрасль в машиностроении занимает «обособленное положение, отличаясь своей продукцией и проблематикой». Но может ли быть иначе? С таким же правом станкостроители, например, могут сказать, что их отрасль, если ее сравнивать с производством пылесосов и холодильников, занимает «обособленное положение, отличаясь своей продукцией и проблематикой». В проекте добросовестно пересказывается ряд положений, уже известных читателям по прежним публикациям, и отмечается, что в результате «проведенной работы появился проект (и тут проект?) комплексного плана развития производства, повышения технического уровня и качества товаров народного потребления на десятую пятилетку. Он охватил все стороны проблемы, начиная с конкретных заданий по разработке и освоению новых моделей и кончая предложениями по рациональному размещению производства в экономических районах». Не удержались авторы проекта письма и от комплиментов в свой адрес. «В последнее время появились такие стиральные машины, которые два десятилетия назад казались просто фантастикой. Это «Волга-10», «Кишинев-2»,

ральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Центрального Комитета КПСС съезду, которое огласил **А. П. Кириленко.**

С отчетным докладом выступил председатель Всесоюзного совета научно-технических обществ СССР академик А. Ю. Ишлинский.

С позиций высокой требовательности оценивают поборники технического прогресса достигнутое, с тем чтобы внести еще более весомый вклад в решение задач десятой пятилетки — пятилетки эффективности и качества. На это их нацеливают решения декабрьского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС и Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании социалистического соревнования.

На снимке: открытие V Всесоюзного съезда научно-технических обществ.

Фото С. Гурария

«Автомат». Безусловно, иметь такую электрическую прачку в доме — мечта каждой хозяйки».

За такими и подобными им положениями оказались лишь едва очерченными действительно важные вопросы: об унификации узлов и деталей бытовых машин, о создании типового ряда тех же холодильников и пылесосов, о разработке изделий повышенной комфортности, о роли смежников.

Ведь возлагать всю вину только на предприятия одного министерства по меньшей мере несправедливо. Скажем, Орловский завод приборов не дает нужного количества терморегуляторов, а без них современный холодильник не сделаешь. Мало необходимых пластмасс, недостает и других материалов и деталей.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Обо всем этом и следует говорить. Без конкретного и самокритичного анализа невозможно объективное решение задачи. Покупательский спрос растет стремительно. И отставать от него нельзя, нет такого права у тех, на кого возложена ответственность по выпуску товаров народного потребления. Ведь в Письме ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ подчеркивается: **«Ответственные задачи поставлены по расширению производства товаров народного потребления, улучшению торговли и бытового обслуживания населения...** Актуальной по-прежнему остается проблема улучшения качества и ассортимента изделий».

* * *

«Огонек» продолжает исследовать проблему «техника нашего быта». Мы приглашаем читателей, а также министерства и ведомства, занимающиеся выпуском и ремонтом электробытовой техники, высказаться по этим вопросам. Хотелось бы знать и точку зрения Госкомитета по науке и технике, а также Госстандарта СССР.

Словом, разговор продолжается...

К 100-ЛЕТИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ДРУЖБЫ ДЕЯТЕЛЬНОЙ ПЛОДЫ

Б. Н. СОРОКИН,
первый заместитель председателя Правления ВТО

Высокие ценности мысли и духа—суть всякого истинного искусства — и в то же время простые и глубокие человеческие привязанности, тесные отношения друзей-единомышленников — вот чем руководствовались сто лет назад основатели Всероссийского театрального общества. Среди них, наверное, прежде всего следует с благодарностью назвать имя замечательной русской актрисы Марии Гавриловны Савиной, чей выдающийся талант, глубокий ум и знание жизни родного народа, отзывчивость и доброта привлекали сердца гениев России... Тургенев, Некрасов, Островский... Предшественники русской социал-демократии, выстрадавшие свои освободительные идеи, умели относиться к жизни активно, неравнодушно, постоянно стремились к живому общению. «Дружба,— утверждал Герцен,— деятельна: это — единственный вид дружбы, который я понимаю».

Собственно, так же понимали задачи своего творческого объединения, созданного вначале как филантропическое общество, а затем поставившего своей целью всемерное содействие развитию русского театра, все крупнейшие деятели ВТО в последующих поколениях. Большой вклад внесли своим участием в работу гиганты русской сцены: Ермолова, Нежданова, Яблочкина... Да разве назовешь всех, кто, будучи славой и гордостью столичных театров российских, не забывал нигде собратьев по сцене, поддерживая престарелых актеров, помогая налаживать отношения с антрепренерами... Нужды русской сцены, гнет, которому подвергались артисты, особенно в провинции, вопиющая неустроенность жизни,— все то, о чем теперь мы знаем только из классики, из таких пьес, как, скажем, «Таланты и поклонники» Островского или «Чайка» Чехова, по необходимости составляло главную заботу театрального общества в дореволюционные годы. Хотя все старания мало что могли коренным образом изменить в тех условиях. Приходилось ограничиваться чаще всего сбором «пожертвований» в пользу нуждающихся артистов, устройством бенефисов и т. п.

Октябрь, 1917 год, долгожданные революционные свершения, перевернувшие жизнь России, жизнь народа, внесли решительные перемены и в содержание всей работы ВТО, отнюдь не нарушив ее гуманного, высоконравственного направления, но принципиально укрупнив задачи.

Октябрьская революция придала самому существованию Всероссийского театрального общества новое и, что очень важно подчеркнуть, гражданстенное значение, огромный размах, многократно усилив идейные цели, интернациональные, а потому и международные задачи прочно сложившегося творческого содружества театров.

Уже в первые советские годы деятельность ВТО направлена на развитие советской сцены, создание образа человека-героя, бесстрашного борца. Театр ставит пьесы Шиллера, Лопе де Вега, и этих смелых героев восторженно встречает новая публика: народ, революционные солдаты...

Освоение пролетарской культуры, являющееся, согласно учению Владимира Ильича Ленина, закономерным развитием всех знаний, накопленных человечеством,— такова основная творческая проблема театрального общества уже в самую раннюю пору жизни Советского государства. Народ сначала приобщался к накопленным сценой сокровищам классики; постепеннс в театрах — сперва в Малом и МХТ, а потом все шире по стране — появились и свои новые, революционные пьесы, рассказывающие людям Советской России о них самих, об их героизме: пьесы Тренева, Вишневского, Корнейчука, Афиногенова, Ромашова, Леонова... Появились и советская классика и советская школа театра с его замечательными деятелями.

Из года в год работа Всероссийского театрального общества, разрастаясь неудержимо в своих границах, обретала все более широкий интернациональный характер. А наше время, семидесятые годы, представ временем наиболее углубленной и взыскательной разработки проблем, поставленных В. И. Лениным, ленинской партией перед искусством и культурой, а значит, и перед театром, всеми его работниками от мала до велика, принесло на сцену новую остроту гражданского самосознания, сообщило образам героев разносторонность и богатство общественной жизни.

Партийность, народность, бережное отношение к прошлому, широчайший дружеский обмен с друзьями — в стране и за рубежом — накопленными и вновь создаваемыми ценностями — вот духовная атмосфера наших дней, и, естественно, атмосфера, в которой сегодня живет и действует Всероссийское театральное общество, возглавляемое народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда Михаилом Ивановичем Царевым.

Наш творческий союз объединяет сегодня в своих рядах 28 тысяч человек. Безусловно, самым главным и убедительным достижением нашим к моменту векового юбилея надо считать наличие братских театральных обществ. Они созданы с помощью ВТО во всех без исключения союзных республиках и ведут теперь вполне самостоятельную, очень активную деятельность, причем Всероссийское общество не только сохраняет, но всячески развивает с ними творческие связи, поддерживает активную дружбу.

Думается, еще интереснее отметить, что самые разнообразные театральные организации — общества и союзы возникли и продолжают возникать в странах социалистического содружества. Самые молодые из них созданы на Кубе, во Вьетнаме.

Очень большое значение в укреплении общей жизнедеятельности этих организаций имеют так называемые многосторонние мероприятия ВТО — иначе говоря, практическая, живая работа по обмену опытом, в которой обычно участвуют театры сразу всех социалистических государств. Не буду перечислять живые дела, которые были проделаны нашим союзом. Назову только один из симпозиумов 1975 года, быть может, наиболее интересный, на тему «Образ современника на сцене». Взаимный обмен опытом ведущих деятелей театров принял содержательный, оживленный характер и, по общему мнению, оказался творчески результативным.

Проведение Дней культуры во всех социалистических странах тоже способствует развитию нашего содружества.

Интересно работает на базе ВТО национальный центр МИТ — Международного института театра, организованного в Праге в 1948 году. Важной функцией советского центра МИТ является налаживание живых творческих связей с театрами капиталистических стран, и еще шире — с интеллигенцией этих стран, стремящейся к миру и дружбе между народами.

Театр Наций, созданный в системе МИТа, почти постоянно пребывал в Париже; руководителем его долгие годы является Жан Луи Барро, крупный прогрессивный деятель, широко известный и в нашей стране. После некоторого вынужденного перерыва Театру Наций удалось возобновить работу, хотя теперь он будет как бы «путешествующим» театром... Варшава, Белград... В прошлом году снова Париж... Хочется напомнить об успехе, который не случайно одержал в зарубежной поездке в системе Театра Наций коллектив Театра имени Моссовета, показавший тогда публике «Василия Теркина» — спектакль с мощной народной традицией и в то же время глубоко современным, философским, этическим и эстетическим идеалом, неподдельной гражданственной патетикой.

Такие работы — крупные, яркие, с масштабным героем и волнующим, значительным, близким для всех содержанием — вот путь к дальнейшим свершениям советского многонационального театра.

Столетний юбилей ВТО позволяет не только подводить итоги, но видеть и завтрашний день страны, строящей коммунизм. Страны, где театр и народ с их единым общественным и духовно-нравственным потенциалом связаны воедино.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ В ТУПИК

Павел ДЕМЧЕНКО

Каждый год первый номер американского еженедельника «Тайм» по традиции посвящается «человеку года». На сей раз выбор хозяев «Тайма» пал на египетского президента Анвара Садата. Ему отведено в журнале много страниц текста и фотографий. Авторы статей без колебаний называют его и «архитектором нового Ближнего Востока», и «смелым человеком», и «творцом мира».

Журнал датирован вторым января. Однако не прошло и двух недель, как ореол «человека года» начал тускнеть в западной буржуазной печати, а из Египта стали поступать сообщения, что президент вот-вот может уйти в отставку. Слухи так взволновали американскую администрацию, что из Вашингтона срочно позвонили Садату, а государственный секретарь С. Вэнс провел с ним переговоры.

Между тем египетская печать, сменив тон, полна пессимизма. Она не скрывает больше, что «новая дипломатия» Каира оказалась безрезультатной, что два месяца шумно разрекламированных израильско-египетских переговоров в Иерусалиме, Каире, Исмаилии ничего положительного не дали. От себя добавим, что переговоры эти принесли Ближнему Востоку больше вреда, чем пользы, усложнив проблему мирного урегулирования и вызвав глубокий раскол среди арабских стран. Сирия, Алжир, Ирак, Ливия, НДРЙ, Организация освобождения Палестины осудили сепаратные сделки за спиной арабских народов.

Напомним, что в конце прошлого года дело хотя и с трудом, но шло к созыву в Женеве мирной конференции по Ближнему Востоку с участием всех вовлеченных в конфликт сторон, а также СССР, США и представителя ООН. Израиль, опираясь на сионистские круги в США, тормозил этот процесс, отказывался согласиться с приглашением на конференцию делегации Организации освобождения Палестины.

Надо сказать, что правящие круги Израиля никогда не питали симпатий к Женевской конференции, так как они не хотят всеобщего урегулирования ближневосточного конфликта. Выступая за сепаратные двусторонние соглашения, они не без оснований полагают, что такая тактика позволит им сохранить если не все, то хотя бы часть оккупированных в 1967 году арабских земель, не допустить создания независимого палестинского государства.

Естественно, поэтому сионистские круги по всему миру шумно приветствовали неожиданные решения А. Садата поехать в Иерусалим, выступить в кнессете и провести переговоры с израильскими лидерами. Израиль охотно пошел на двустороннюю встречу с Каиром, которая еще более осложнила и без того сложную обстановку в этом регионе мира, поставила под угрозу созыв конференции в Женеве, а тем самым свела к минимуму возможность развязать ближневосточный узел, достичь здесь всеобщего урегулирования.

Египетские газеты без стеснения писали одно время, что решение Садата поехать в Иерусалим побудит-де Израиль пойти на уступки Египту, согласиться на уход своих войск хотя бы с Синайского полуострова. При этом довольно прозрачно намекали, что Вашингтон в нынешней ситуации «поможет» добиться такой цели, оценив и антисоветизм Каира, и его благожелательное отношение к западному капиталу, и его оппозицию прогрессивным арабским режимам.

Однако израильское руководство, увидев, что Египет лишился союзников и, следовательно, ослабил свои позиции, вовсе не помышляло о каких-то уступках, а заговорило языком ультиматумов. Политический расчет взял верх над эмоциями. Обстановка, в которой шли переговоры, как пишет теперь каирская печать, была «унизительной для египтян». Израиль снова показал, что он не намерен не только признать право палестинцев на самоопределение и оставить оккупированные у Сирии земли, вернуть арабам Восточный Иерусалим, но и уйти со всего Синая. Эвакуацию оттуда войск Израиль обусловил такими требованиями, которые практически сводят на нет египетский суверенитет над Синаем: Израиль хочет сохранить созданные на Синае военизированные поселения (их около 20), три аэродрома и части для их охраны. Едва президент Садат заикнулся на пресс-конференции, что не позволит «ни одному израильскому солдату остаться на египетской земле», как израильский премьер-министр М. Бегин тут же одернул его. «Израильские руководители используют не язык мира, а язык «ястребов», к которому они давно привыкли»,— отыгрывая задний ход, вынуждена была написать в редакционной статье каирская газета «Аль-Ахрам».

В этой обстановке Садат (добавим, что он оказался почти полностью изолированным в арабском мире) отозвал свою делегацию из Иерусалима. Политические переговоры прекратились. Двусторонний военный комитет в Каире тоже перестал функционировать. Ясно, что сепаратные действия принести успеха не могут. Они дробят силы арабов, вдохновляют сионистов, позволяют империализму извлекать выгоду на осложнении обстановки. Нельзя забывать, что, как и прежде, западные монополии не собираются и теперь ослаблять контроль над столь богатым нефтью Ближним Востоком. И если американская дипломатия посредничает в ближневосточных делах, то причины таких действий разгадать нетрудно.

Выход из создавшейся обстановки только в переходе к комплексному, всеобъемлющему урегулированию затянувшегося ближневосточного кризиса, к чему продолжает призывать Советский Союз. Пока это не будет сделано, на Ближнем Востоке возможны такие осложнения, последствия которых трудно предугадать.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Тысячи представителей общественности Голландии провели в Гааге демонстрацию и митинг протеста против преступных планов американской военщины.

«НЕТ!» — НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ

Участники демонстрации в Сантьяго.

Фото АП — ТАСС

ИТАЛИЯ

ОПЯТЬ СЕВЕЗО

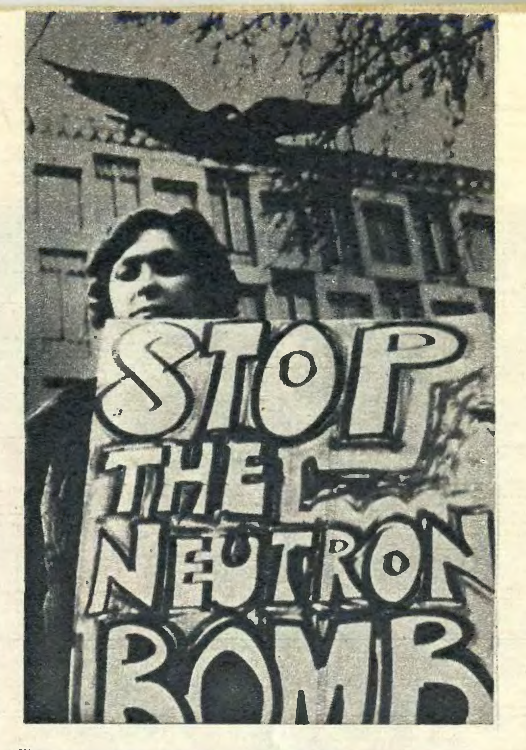
Положение в итальянском городе Севезо продолжает оставаться трагичным, несмотря на то, что со времени имевшей там место катастрофы прошло уже почти полтора года. Тогда из предохранительных клапанов химического завода «Икмеза» вырвался ядовитый газ, который рассеялся в атмосфере, образовав смертоносное облако в ясном небе, уже много месяцев не видевшем дождя. Остывая, пар конденсировался в ядовитый «аэрозоль». Потом он выпал на землю невидимыми каплями. Атмосфера, вода и почва были отравлены диоксином. Никто и не подумал предупредить местное население об опасности. Через несколько дней начали погибать ласточки, затем кролики, куры, кошки и другие домашние животные. На пятый день заболели люди —

Фото ТАСС

«Помните о Хиросиме! Долой нейтронную бомбу!», «Прекратите гонку вооружений!» — под такими лозунгами в столице Западной Германии Бонне состоялась демонстрация сторонников мира.

Пикет сторонников мира у здания посольства США в Великобритании.

Из разных стран мира приходят сообщения о массовых протестах общественности против планов американской военщины начать производство нового типа оружия массового уничтожения — нейтронной бомбы.

Американские стратеги пытаются представить нейтронную бомбу «тактическим оружием». Уловки Пентагона сводятся к тому, чтобы смыть грань между обычным и ядерным оружием, сделать переход к ядерной войне внешне как бы незаметным для народов.

Движение протеста против создания нейтронной бомбы приобрело всемирный характер. Особенно сильно оно в Западной Европе. Именно здесь стратеги НАТО планируют разместить нейтронные бомбы, именно Европу Пентагон предполагает избрать в качестве полигона для нейтронных бомб со всеми вытекающими отсюда страшными последствиями для населения Европы. «Нет! — нейтронной бомбе!» — этот лозунг звучит сегодня на разных языках на митингах и демонстрациях, с трибун парламентов и со страниц печати. Миллионы людей доброй воли, независимо от социального происхождения, политических взглядов и вероисповедания, решительно осуждают планы Вашингтона, осуществление которых намного увеличило бы опасность мировой ядерной катастрофы.

Множатся и формы борьбы, среди которых не только сборы подписей под петициями протеста в адрес правительств и парламентов, но и многотысячные митинги, демонстрации и марши, выступления видных общественных и политических деятелей на собраниях общественности, в печати, по радио и телевидению. Борьба против нейтронной бомбы стала одной из жизненно важных проблем современности.

Широкую поддержку миролюбивых сил нашей планеты, борющихся против новой угрозы ядерной войны, получило предложение Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, обращенное к державам Запада, договориться о взаимном отказе от производства нейтронной бомбы. Принятие этого предложения отвечало бы интересам всех народов.

ЧИЛИ

ПОД ДУЛОМ АВТОМАТА

В обстановке напряженности и страха прошел в Чили так называемый «референдум», устроенный военно-фашистской диктатурой. Очередной политический фарс задуман Пиночетом как «ответ» на недавнюю резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, которая решительно осуждает вопиющие нарушения прав человека в Чили. Согласно опубликованному хунтой указу, чилийцам было приказано относиться к этой резолюции как к «акту международной агрессии». «Тот, кто не явится на голосование,— предупредил генеральный секретарь хунты генерал Видаль,— столкнется с самыми серьезными последствиями. Я бы такому не советовал оставаться в Чили». Весь процесс «голосования» контролировался военщиной. Вокруг избирательных участков и внутри них постоянно дежурили вооруженные солдаты. Перед получением бюллетеней каждый участник голосования должен был дать свои отпечатки пальцев. В удостоверениях личности делалась специальная отметка. В этих условиях никто не ожидал других результатов, кроме заранее подготовленных агентами Пиночета. Не утруждая себя длительными «подсчетами», власти почти сразу же после закрытия избирательных участков объявили, что «подавляющее большинство» чилийцев проголосовало за военную хунту. Ее главарь немедленно заявил, что в стране по-прежнему будут действовать осадное положение и комендантский час, а о выборах, мол, больше не может быть и речи. Референдум под дулом автомата выглядит не только простым фарсом с целью фальсификации общественного мнения, это повод для развязывания новой волны террора в стране, томящейся вот уже пятый год в тисках фашистской диктатуры. Манипулируя заведомо фальшивыми цифрами «референдума», главарь хунты Пиночет хочет узаконить дальнейшие аресты, убийства, пытки, исчезновение чилийских граждан, отмену всех политических и профсоюзных свобод, продолжение экономической политики, которая привела миллионы чилийцев к голоду и нищете. Чилийские коммунисты, все демократические силы страны решительно осуждают очередной фарс Пиночета и требуют восстановления всех прав чилийского народа. На улицах Сантьяго состоялись демонстрации протеста против пиночетовского «референдума». Сотни людей скандировали: «Мир, правосудие и свобода!», «Нет — диктаторскому режиму!», «Долой Пиночета!». Демонстранты были разогнаны вооруженными карабинерами, которые подвергли их участников избиениям и провели аресты.

сначала дети, потом взрослые. У них покраснела кожа, появились волдыри, которые превращались в язвы, похожие на солнечные ожоги, сильная тошнота и невыносимая головная боль. В Севезо и в окружающих населенных пунктах десятки людей попали тогда в больницы. Сейчас отмечены новые случаи заболеваний в результате отравления диоксином. Как сообщила специальная медицинская комиссия, занимающаяся исследованием последствий заражения населения, еще более ста человек стали жертвами взрыва на «Икмеза». Они госпитализированы с тяжелыми кожными заболеваниями. Специалисты-медики высказывают опасения, что последствия трагедии в Севезо могут сказываться еще много лет, так как некоторые виды заболеваний носят скрытый характер, проявляясь, в частности, в виде врожденных пороков у детей, отравленных ядовитым газом.

Жертвы отравления диоксином.

Фото из журнала «Штерн»

ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ

ЧЕМ ПАХНУТ НЕФТЕДОЛЛАРЫ?

Шейхи Объединенных Арабских Эмиратов процветают. Доходы от продажи нефти сильно возросли. Но, производя лишь один вид сырья — нефть, это государство вынуждено удовлетворять почти все основные потребности с помощью импорта. Продовольствие, готовые изделия, машинное и транспортное оборудование, строительные материалы, железо и сталь ввозятся из-за границы. Импортируется и рабочая сила. По подсчетам специалистов, число иммигрантов значительно превышает число местных жителей. Целая армия невольников, без которой было бы немыслимо процветание шейхов, вербуется в Индии и Пакистане. Они нужны здесь лишь для того, чтобы превращать нефтедоллары во дворцы, фешенебельные виллы, отели, порты, фабрики. На снимке фотокорреспондент из западногерманского журнала «Штерн» запечатлел один из бараков, в котором отдыхают после изнурительной работы пакистанские рабочие. На 60 обитателей барака приходится 60 квадратных метров жилья. О туалете или умывальнике нет и речи. На нарах тонкие подстилки из поролона. В такой нищете живут те, кто приехал сюда в надежде заработать, поверив рекламным объявлениям и уговорам вербовщиков.

МЫ — СОЛДАТЫ

Михаил АНДРОНОВ

ЧУЖИЕ МАТЕРИ

Нас встречали женщины улыбкой
В Праге, в Будапеште, в Бухаресте.
Старики играли нам на скрипке,
Мы сидели на почетном месте.
Были матерями нам румынки,
Были матерями нам полячки.
Молоком поили нас из крынки,
Жарили нам уток и шпикачки.
С нами, как с родными, расставались,
Провожая в трудную дорогу.
Мы за них с фашистами сражались,
А они за нас молились богу.
Мы — солдаты, мы — сыны России
Доброту сердец их понимали...
Матери нерусские, чужие,
Нас они родными называли.

ПОЛИТРУК

Он был отцом и другом нашим,
Всех с полуслова понимал.
Не раз, бывало, прямо с марша
В атаку роту поднимал.
Любил он песню озорную,
Гитары трогая струну.
Он первым рвался в штыковую,
Последним уходил ко сну.
И вот однажды при бомбежке,
Газету выронив из рук,
В полесье, у лесной сторожки
Погиб товарищ-политрук.
И молча в траурной печали,
Лишившись друга на войне,
Без шапок мы над ним стояли
В суровой, гордой тишине.

КОРРЕСПОНДЕНТ

Всегда, где полк бы ни сражался,
В любой критический момент,
На поле боя появлялся
Наш фронтовой корреспондент.
Порыв атаки, подвиг ратный,
Геройство, быт походный наш —
Все он, спецкор наш аккуратный,
Умело брал на карандаш.
Порой без сна, всю ночь в дороге,
То на попутке, то пешком,
Сквозь все военные тревоги
Он торопился за полком.
В бою, на марше, в лазарете, —
Что зафиксирует в блокнот,
То напечатает в газете:
Правдиво, ярко, без длиннот.

ПОГИБШИМ И ЖИВЫМ

Погибшим —
Быть бессменно на посту,
Им жить в названьях улиц и в былинах.
Их подвигов святую красоту
Отобразят художники в картинах.
Живым —
Героев чтить, не забывать,
Их имена хранить в бессмертных списках,
Об их отваге всем напоминать
И класть цветы к подножьям обелисков!

НЕБО ПОБЕДЫ

М. КОТЛЯРСКИЙ

Когда он прилетел в Париж, дружески, горячо встретили его славные ребята из авиаполка «Нормандия — Неман». Те, кто на стремительных ЯКах сбивал фашистских асов в небе России, сражаясь за свободу Франции и нашу общую Победу. А потом как почетные гости — среди них и Герой Советского Союза Марсель Альбер — были приглашены в Москву на День Воздушного Флота в Тушине.

И вот теперь они веселой гурьбой окружили полковника Полунина и, называя его «колонель Поль-юнин», что-то оживленно говорили. Переводчик скороговоркой переводил Ивану Петровичу:

— Пилоты «Нормандии — Неман» любовались вашим великолепным пилотажем по вертикали... Да, восхитительными качелями под куполом неба в Тушине... Вы бесподобно жонглировали на краснокрылом ЯКе... И они просят вас попилотировать сейчас, здесь, в парижском небе...

Что ж, он слетал. Говорили, лихо. Хотя впервые сел в кабину незнакомого французского моноплана. Впрочем, тут нет никаких чудес — не зря же он освоил самолеты более шестидесяти конструкций. Полунин, знакомо с лукавинкой прищурившись, шутит:

— Если приделают мотор к воротам, то, имея некоторый опыт, можно полететь.

Иван Петрович Полунин в авиации полсотни годков. Родное небо облетал, можно сказать, вдоль и поперек: от Курильских островов до Бреста, от Кушки до Северного Ледовитого океана. Всего — почти шесть тысяч часов в воздухе на истребителях. И поныне руководит летно-инспекторской работой на испытательном аэродроме.

Крепко пожатие широкой ладони, спокоен взгляд. Он никогда не теряет чувства юмора, даже в воздухе. Например, на «спарке» — машине с двойным управлением,— проверяя летчика в крутой фигуре пилотажа, когда в глазах темнеет:

— Не тяни ручку, браток, а то самолет вывернешь наизнанку...

За его плечами бесчисленное множество блестящих по исполнению полетов. Однажды, скажем, по заданию Полунин должен был пилотировать с такими перегрузками, чтобы деформировать крыло реактивного самолета, и, когда оно вспухло, начала сворачиваться обшивка — мягонько летчик снизил и приземлил машину. Крылья упрочнили, они не подвели тысячи тех, кто в ту пору приступал к освоению реактивного полета.

Верно, после небывалого пилотажа, продемонстрированного Полуниным 3 августа 1947 года в Тушине, имя его облетело весь мир. Звездный час, однако, всегда лишь вершина многих часов восхождения. Так где же исток, начало его пути в небо?

— Начало?..— На крупном лице Ивана Петровича промелькнуло удивление.— Да самое простое: Октябрь семнадцатого... Распахнул он все для нас, подростков рабочих окраин. Я смог закончить школу второй ступени (по-нынешнему среднюю). Потом авиашкола, оперативный факультет Военно-воздушной академии имени Жуковского и академия Генштаба... А начал в Москве, рабочим на СВАРЗе — Сокольническом вагоноремонтном заводе. Душа пела от гордого и прекрасного чувства — все дороги мне открыты! Казалось: кто-то большой, умный, добрый помогает мне и смотрит, справлюсь ли я...

Никогда Полунин этого раньше не рассказывал. А ведь знаю Ивана Петровича больше тридцати лет. Тогда едва минула Великая Отечественная. А иностранные газеты запестрели сообщениями: господство в воздухе — атомная бомба на реактивном самолете; фантастика становится явью — приближение полета со скоростью звука; с опасностью для жизни реактивными машинами спешно овладевают американские и английские военные летчики; самолеты эти крайне сложны в управлении — пилоты гибнут...

И вдруг в авиачастях разнеслось: первым из летчиков ВВС вылетел на реактивном полковник Полунин и даже выполнял фигуры высшего пилотажа! Последнее в голове не укладывалось. Все знали, что такие машины пока летали в основном по кругу с плавными разворотами или по прямой. Разговоров, догадок, опасений по этому поводу было хоть отбавляй.

Так вот, в те дни мне, лейтенанту, еще очень молодому штурману, посчастливилось: доверили выполнять специальное задание на опытном туполевском бомбардировщике. Взаимодействовать с нами в полетах, пилотируя новый истребитель ЛА-9, назначили полковника Полунина.

Мы встретились. Обязанный, как штурман, согласовать с ним время и режимы полета, маршрут по карте, я стушевался. Но полковник, хохотнув по-доброму, положил свою ручищу мне на плечо:

— Давай-ка присядем, штурманок! Доставай свою счетную линейку, ветрочет и прочую бухгалтерию. Присядем, все по порядочку обмозгуем...

Начали вместе летать. Конечно, с огромным любопытством расспрашивал Ивана Петровича, какие они, эти новейшие? И вскоре сам увидел стремительную вязь вертикальных пи-

А. Ацманчук. Род. 1923. «ДАН ПРИКАЗ...» 1957.

Государственный музей украинского искусства. Киев.

К. Петров-Водкин. 1878—1939. 1918 ГОД В ПЕТРОГРАДЕ. 1920. Государственная Третьяковская галерея.

лотажных фигур, выписываемых им на реактивном ЯКе.

Вертикаль! Долго Полунин шел к ней. Она вобрала в себя весь его огромный летный опыт и уроки войны. Яростные схватки в небе 1941-го. Сражение за Сталинград, где он возглавил группу авиационных командиров, впервые руководивших воздушными боями по радио — с земли, с переднего края. Боевая формула Александра Покрышкина: высота — скорость — маневр — огонь — и его многоярусная, по всей глубине неба кубанская «этажерка». Стремительные атаки Ивана Кожедуба. И личное участие в воздушной битве над огненной Курской дугой. Все это вместе убедило Полунина: истребители побеждают не в пассивной горизонтальной «вертушке», а в наступательном бою на вертикали. Упорно проводя творческие летные исследования, Полунин вводит в классический высший пилотаж ряд новшеств. Например, он выполняет многократные восходящие штопоры под углом девяносто градусов, двойные иммельманы с набором высоты, повороты на отвесном пикировании. Все достигнутое самим в тактике, воздушной стрельбе, пилотировании на боевой вертикали он передает в полетах тысячам летчиков-истребителей, чтобы били врага наверняка. В это время Полунин руководит летной подготовкой 3-й Краснознаменной запасной авиабригады. Переучив летчиков на новых самолетах, она дала фронту более 120 авиационных полков.

Так и пришла выстраданная, в бою и труде завоеванная, долгожданная Победа. К той поре Полунин летал на всех советских и почти на всех американских, английских и даже неприятельских истребителях, применявшихся на фронтах. А предпочитал яковские машины. И ближе всех был ему по душе необыкновенно «летучий», с превосходными пилотажными качествами ЯК-3. Самолет этот и лег в основу конструкции реактивного, обладающего более мощным двигателем ЯК-15. Вылетев на нем, Полунин вроде бы повстречался со старым, добрым товарищем. И тут им обоим здорово повезло! Облет новых ЯКов и МИГов поручили Полунину и еще нескольким офицерам. Требовалось взлететь, опробовать машину в зоне на прямой, мелких виражах и сесть. На все давалось 15 минут. Тут-то Иван Петрович и смекнул: ему предстоит облетать десятка три машин — это же уйма времени! А что, если...

Всех насторожили многочисленные катастрофы реактивных за рубежом. Было признано: выполнять высший пилотаж на новейших истребителях явно преждевременно и крайне опасно. Лишь зачинатели отечественного реактивного полета летчики-испытатели А. Н. Гринчик, М. И. Иванов, М. Л. Галлай, Г. М. Шиянов, А. Г. Кочетков, Ф. Ф. Демида, еще несколько испытателей и опытнейших летчиков ВВС постепенно, в той или иной мере приступали к выполнению элементов фигур и даже отдельных сложных эволюций...

Полунин решил, что стоит дерзнуть! Стоит... Он попытается доказать: реактивный истребитель создан не для разворотов «блинчиком», а для воздушного боя.

В полетной зоне он на каждом облете выкраивает три минуты. Высокое октябрьское небо, чуть по-осеннему подсиненное. Плексигласовый фонарь кабины выдвинут вперед — обзор чудесный. По сравнению с винтомоторными почти тишина: герметизация, а двигатель отнесен назад. Кажется, слышишь свист упругого воздушного потока, обтекающего лакированно-серебристые крылья. Вслед ручке и педалям самолет реагирует так мягко и чутко, будто угадывает твои малейшие желания. Может быть, это и есть коварство реактивных? Из-за границы сообщают: на скорости внезапно возникает разрушительная раскачка, теряется боковая управляемость, машины затягивает в пикирование...

Начал он с осторожного углубления виражей. Легонько, последовательными порциями увеличивал крен, как бы наращивая составные частицы фигуры. Все шло пока в норме... И вторую машину, максимально наклонив набок, поставил на крыло. Послушно она описала полный вираж! В последующие дни, также постепенно, приступил к пикированию. И уже смелее подзадрал очередной ЯК вверх — на такой же крутой угол... Итак, открыт путь к любым спускам и горкам. Стало ясно: можно делать переворот через крыло. А он — ключ ко всему сложному и высшему пилотажу, суть которого во вращении самолета вокруг продольной оси с потерей или набором высоты.

День за днем Полунин «откручивал» в зоне один за другим все номера высшего пилотажа. Потом пополнил их своими двойными восходящими эволюциями и одновременным выполнением двух фигур. Затем в динамике отработал весь набор, как ранее делал на ЯК-3.

И вот теперь, когда, казалось, цель достигнута — и какая цель! — внезапно он понял: новое, скоростное и в вертикали, содержание фигурных полетов требует и новой формы их выполнения... Показывать пилотаж, заходя с какой-либо одной стороны аэродрома, как делалось прежде, на поршневых самолетах, нельзя! У реактивного выше скорость, больше радиусы разворота. Это приведет к излишней потере времени, срыву ритма, «размазыванию» площади пилотирования... Что же делать?

Дома мучительно искал ответа, без конца вычерчивая «картинки» — начала, взаимосвязи, завершения цикла фигур. Жили тогда на Сивцевом Вражке в одной комнате. Чтобы сын не отвлекал, приходилось и ему давать карандаш, бумагу — Мишка-первоклашка тоже рисовал воздушные вензеля... Нет, не сразу он открыл и опробовал, завершая облет третьего десятка ЯК-15, то, что потом стали называть «полунинскими качелями». Предельно уплотненный во времени, стремительный комплекс высшего пилотажа идет в одной плоскости, по вертикали, как бы в узком луче, бьющем ввысь из центра аэродрома. На максимальной скорости самолет словно раскачивается, резко взмывает-ныряет вверх-вниз, по двум образующим сторонам этого луча, чередуя восходящие и нисходящие фигуры.

Летчик-истребитель полковник И. П. Полунин после выполнения фигур высшего пилотажа на ЯК-15.

Фото 1946 года.

Настало 31 октября 1946 года. Полунин должен был облетать свой последний, двадцать восьмой ЯК с заводским номером 310034. Стартовал как обычно. Быстро прогонял машину в зоне и...

Все, кто был на аэродроме — сотни людей на стоянках, у ангаров, в окнах лабораторий,— задрали головы. Будто снаряд выпалило — из-за леса бреющим полетом выскочил реактивный ЯК. На предельной скорости над центром летно-испытательного аэродрома взвился вертикальной свечой и тут же вкрутился в восходящий штопор. На землю обрушился металлический свист, грохот. Второй виток штопора меж тем мгновенно перешел в иммельман с переворотом. И оттуда, уже с высоты более двух тысяч метров, серебристый ЯК-15 ринулся в отвесное пикирование, одновременно поворачиваясь вокруг продольной оси. Все ниже, ниже! Над самой землей с ревом выйдя из пике, снова круто вверх он вонзился восходящими бочками... За двести секунд, в бешеном темпе рождаясь одна за другой, были вычерчены в вышине более двадцати самых сложных одинарных и многократных фигур, венчавшихся огромной петлей Нестерова, унизанной бочками и, наконец, уходом — свечой с максимальным набором высоты. ЯК словно растаял в небе.

Так впервые в мире был выполнен уникальный комплекс высшего пилотажа на реактивном самолете. Пожалуй, и сегодня подобные «кренделя» в небе под силу лишь немногим.

В год тридцатилетия Октября это достижение советской школы фигурного полета Полунин продемонстрировал публично. Вот что вспоминает о том дне прославленный воздушный боец, генерал-полковник авиации Иван Никитович Кожедуб:

— Как сейчас, вижу краснокрылый реактивный истребитель конструкции Яковлева. Он промчался на большой скорости у самой земли и как бы ввинтился в небо. Вел его полковник Иван Петрович Полунин — отважный летчик, мастер пилотажа. «Вот что может дать техника в умелых руках!»— думал я, с восхищением следя за его полетом...

Как-то я спросил Полунина:

— В авиации вы полвека, столько же в партии. Большой жизненный путь! Что считаете в нем наиболее важным?

Улыбнулся:

— Полагаю, жил не напрасно. Повезло, конечно: в Качинской авиашколе моим летчиком-инструктором был Василий Александрович Степанчонок. Изумительный пилотажник. Справедливый командир. Учил он своим примером: все, чего достиг в деле, передай тем, кто идет вслед за тобой, иначе жизнь бессмысленна.

Лишь теперь ясно осознаю, почему всегда так тепло Полунин вспоминает тех, кому передавал свое боевое и летное мастерство. И прежде всего отважных ребят своего 124-го истребительного авиаполка, дерзко ринувшихся против тучи крестатых «юнкерсов», «дорнье», «мессершмиттов» на границе, в первые же минуты вероломного нападения.

22 июня 1941 года на рассвете они достойно встретили врага. В 4 часа 15 минут, свершив таран над границей, уничтожил фашистского воздушного разведчика, самолет «дорнье-215», младший лейтенант Дмитрий Кокорев. Капитан Николай Круглов срезал первого «мессершмитта». Не уступил в схватке с девятью вражескими истребителями старший политрук Георгий Лобов, отличился в бою молодой летчик Яков Верников — оба позже отмечены Золотыми Звездами Героев.

С гордостью называет Иван Петрович и других крепких парней, кому отданы последние годы его жизни, уже после увольнения из армии в запас. Стал он начальником школы испытателей Министерства авиационной промышленности. За время, что Полунин возглавлял эту школу универсального летного мастерства, инженерных исследований и мужества, из стен ее вышло немало тех, кто сегодня готовит к старту самолеты будущего. Тридцать из этих выпускников стали Героями Советского Союза, заслуженными летчиками-испытателями СССР и заслуженными штурманами-испытателями СССР. Александр Федотов установил ряд мировых авиационных рекордов. Юрий Курлин поднял в небо самолет-гигант «Антей». Эдуард Кузнецов сейчас ведет летные испытания «Аэробуса» ИЛ-86.

Об этих воистину геройских людях Полунин рассказывает от всего сердца. Тут раздается звонок. Он встает, с хитринкой улыбнувшись мне, бросает:

— Фирма подготовила небольшой сюрприз.

Открывает дверь. Не верю глазам: входит человек, как две капли похожий на Полунина. Больше не на теперешнего, нет, а на того, еще молодого, с которым я впервые встретился тридцать лет назад...

Наверное, вид у меня достаточно ошарашенный — оба совершенно одинаково смеются.

— Знакомить не буду,— роняет Иван Петрович,— когда-то встречались. Вот только представлю: Полунин Михаил Иванович, инженер-летчик-испытатель...

Теперь уже и я смеюсь:

— Неужели тот самый Мишка-первоклашка?!

Мишка в два метра ростом кивает. Ну и ну, однако, как быстро летит жизнь! И, похоже, не впустую.

Нижне-Тагильский металлургический комбинат имени В. И. Ленина. Плавку ведет старший сталевар Анатолий Кулаков.

ШИРОКИЕ ПЛЕ

Свердловск вечерний.

Юные гимнастки Пермского государственного университета.

ЧИ УРАЛА

В. ОЧЕРЕТИН

Фото
Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Как мы рассказывали («Огонек» № 34, 1977), в начале июля из Москвы во Владивосток отправились два серийных «Москвича». Испытательный автопробег, организованный Московским автозаводом имени Ленинского комсомола совместно с журналом «Огонек», был посвящен 60-летию Великого Октября.

Сегодня мы публикуем продолжение репортажа с трассы Москва — Владивосток — очерк уральского писателя Вадима Очеретина.

«О Урал?.. О-о!..»

Не раз мне за свою жизнь приходилось слышать это почтительное, восхищенное восклицание. И у нас и за рубежом. И от людей компетентных и от знающих понаслышке.

Почтение это относится и к боевой славе края. На Урале не найдешь города, рабочего поселка без мемориала героям Великой Отечественной или гражданской войны, героям революций, «бунтовщикам» прошлого века, пугачевцам... А сколько уральских танков с заваренными люками стоят памятниками на пьедесталах — и не только на площадях перед заводами легендарного «Танкограда», но и во многих местах на всем пространстве от Волги, Курска и Орла до Эльбы, Берлина, Праги.

Чаще, разумеется, речь идет о трудовой славе Урала, о славе металлургии и машиностроения, к которым пятилетка за пятилеткой прибавляли разнообразную химию и многогранную точную механику. «Уральский турбобур — о-о!» — протянут знатоки в США. «Уральский автомат, отливающий чугунные трубы,— о-о!» — можно услышать в Японии. Об «ЭШ—100/100» с уважением отзовется любой осведомленный в горном деле, потому что это означает: экскаватор шагающий, стрела сто метров и стокубовой ковш. А многоосные тяжеловозы «Урал», мощные мотоциклы «Урал», пианино «Урал», духи «Урал»... Заставляю себя остановиться, чтоб не померкло от частоты: употребления имя, столь милое сердцу моему.

Прежде люди, которые ехали на Урал, описывали его, добираясь поездом или автомобилем по дорогам через Казань или Пермь на Свердловск. Сейчас на быстроходном и комфортабельном «Москвиче» по новой современной авто-

Гордость университета — гигантский глобус.

страде через Уфу на Челябинск проехать одно удовольствие. И в том и в другом случае пересекаешь богатырские просторы по лесам и горам, на первый взгляд малообжитые (обычно пишут—«таежные»). Попадаются озера (их несколько тысяч, особенно много в Зауралье) с глухими берегами, заросшими камышом. Иной раз на пути встретится лось или медведь, они у нас не боятся ни людей, ни машин и с удовольствием примут от вас краюху хлеба или конфеты. Говорят даже, что медведи уже научились разворачивать обертку...

Горы на восток от Уфы повыше, чем на Среднем Урале, леса подремучее, хребты, через которые переваливает бетонка, девственнее, живописнее — и Уреньга и главный, Уралтау. И кажется, что до самого Челябинска нет ни промышленных городов, ни рабочих поселков.

Но вглядишься — могучие линии высоковольтных электропередач на высоченных мачтах-опорах прочерчивают там и сям горнолесное великолепие. И стоило чуть свернуть нашей огоньковской автоэкспедиции с дороги, поехать по извилисто-увалистому шоссе — вдруг на исполинской скале исполинский контур крылатого коня на скаку. И слово: Златоуст.

Это у подножия романтичнейшего Таганая, воспетого всеми уральскими поэтами, старинная столица диковинных сталей, начиная от аносовского булата. В летописи города — и снабжение оружием повстанцев Пугачева, и первые пушки из отечественной стали взамен чугунных (1860 год), и златоустовская бойня 1903 года — зверски подавленная стачка, о которой подробно писала ленинская «Искра» в преддверии первой русской революции. И знаменитые партизанские рабочие отряды в гражданскую войну, и первые на Урале ударные трудовые бригады (1927 год), и старейшее, пятидесятилетнее литературное объединение «Мартен», «выплавившее» не одного нашего писателя. И нынешние успехи металлургов, машиностроителей, энергетиков. Крылатый конь — эмблема города. Как древний символ вдохновения. По уральскому сказу Павла Бажова «Иванко Крылатко» — знак мастеровитой работы. Таким был и автограф великого гравера Ивана Бушуева, любившего поэзию. Кто не знает златоустовскую гравировку на металле!..

Урал широко известен камской красавицей Пермью, респектабельным, суровым Свердловском и буйно разворачивающим плечи, размашистым Челябинском — это наши миллионные города (в Перми, как и в Уфе, вот-вот будет миллион). Знатны и почти полумиллионные Нижний Тагил, Магнитогорск... Но не только они (может быть, и не столько они) дают представление об истинно самобытном лице нашего индустриального края сегодня. Для Урала характерны вот такие «заводские гнезда», как Златоуст. В трех основных областях их больше сотни, да еще трижды столько рабочих поселков, как их числят, «городского типа». Кругом леса и горы, а в межгорье — просторные, но в то же время компактные кварталы современных многоэтажий, в подветренной стороне завод, два, три... Чаще — один старинный, остальные новые, построены за пятилетки.

В таких городах жить приятней, чем в непомерно разросшихся великанах. Выше уровень комфорта, больше магазинов и продавцов, больше мест в столовых, кафе, ресторанах, в клубах и кинотеатрах. И главное, почти каждая улица уходит в бор, в ельник, в березовую рощу, приглашая летом по грибы и ягоды, зимой — на лыжи... А хорошие дороги, развитая сеть автобусных маршрутов, электричек, да и собственные автомобили (в первую очередь они продаются заводским передовикам) делают легкодоступным посещение соседнего города или, скажем, областного центра. А уральцы — народ подвижный, ездить любят.

...Огоньковские «Москвичи», словно зачарованные, останавливаются в центре Челябинска, на самой красивой из всех площадей всех уральских городов. Да-да! Несколько лет назад я так написал в своем романе, и до сих пор меня еще никто не опроверг. Может быть, с челябинской площадью Революции по красоте и потягаются главные площади Кургана, Краснотурьинска или Каменска-Уральского, но там масштабы поменьше. Челябинск растет быстро и очень организованно, в нем больше уникальных (как говорят архитекторы — «по индивидуальным проектам») зданий, здесь не скупятся на украшение города, да и местные оформители посильнее свердловчан и пермяков.

Примечательно, что именно челябинцы провели семинар партийных и хозяйственных работников, которому послал письмо Леонид Ильич Брежнев. Опыт челябинцев по экономии металла — значительное явление в нашем народном хозяйстве. В этом можно убедиться, посетив в Москве на ВДНХ павильон «Машиностроение», где развернута выставка «Опыт партийной организации и предприятий Челябинской области по экономии металлов». Ее стенды рассказывают, насколько массовым стало это движение.

В Письме ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ подчеркивается: «Огромное значение имеет распространение опыта предприятий, научно-исследовательских и конструкторских организаций Челябинской области, где ведется планомерная работа по экономии металла, повышению его качества, уменьшению металлоемкости машин, оборудования, совершенствованию технологических процессов».

Разумеется, каждый понимает, что экономия металла в конечном итоге дает массу дополнительной продукции. Это и двести новых грузовиков, отправленных уральскими автомобилестроителями в прошлом году к уборке урожая на Украину, и новая нитка газопровода, которую тянут сейчас к Челябинску с тюменского Севера. В Свердловске это новые машины Уралмаша и гидрогенераторы Уралэлектротяжмаша. Ради этого же и форсируются новостройки: в Челябинске — цех холодного проката, в Тагиле — универсальный балочный стан...

А все же хотелось бы подчеркнуть (известно, что все взаимосвязано и взаимообусловлено): богат Урал, но будем экономными — тогда станем еще богаче и начнем заботиться о красоте, лелеять ее, творить ее вокруг себя, множить во сто крат и более.

Уральцы хотят, чтоб их города в окружении гор и лесов стали сказочно красивыми. Причем каждый на особицу.

...Была Октябрьская революция и гражданская война. Потом были годы трудного восстановления хозяйства. Затем беспримерный взлет индустрии края, ставшего «опорным краем державы». И как начали было хорошеть наши города! Но грянула война... В те дни, помню, были очень популярны у нас стихи: «На плечо мое склонись, страна родная, мне ничуть не будет тяжело». И все-таки было тяжело. К примеру, Уральский алюминиевый завод один выполнял обязанности всех алюминиевых заводов страны...

После Победы — новые усилия. Новый взлет Урала в пору новых пятилеток. На новой ступени развития общества, приняв новую Конституцию страны, при постоянной заботе о мире, мы думаем о красоте наших городов.

А облик их у нас индустриальный. Как архитектурно сочетать, как гармонично слить заводы с дворцами культуры, с парками, школами, научно-исследовательскими институтами, со всем остальным, необходимым для жизни,— вот заботы уральцев.

Мне посчастливилось побывать на новейшем производстве — металло-пластмассовом (не очень правильно, но по личному впечатлению так назвать, наверное, можно). Это Челябинский завод профилированного стального настила. Разнообразные панели для новостроек заменяют железобетон и другие строительные материалы. Колоссальные цехи, приятные внешне, с красивыми интерьерами, с максимальной автоматизацией труда, чистота, простор, свежий воздух. «Завод XXI века»,— говорят инженеры. Его можно было бы поставить и в центре города — как храм труда, хотя он возведен в районе крупнейших предприятий — металлургического, трубопрокатного, тракторостроительного и других производств.

В Свердловске горсовет недавно рассматривал, как идет реконструкция центра города. Нет, и свердловчане не станут сооружать в центре какие-нибудь новые цехи. Но как гармонично слить двести с лишним заводов (треть городской территории) со всем остальным жизненно важным, сохранив и пруд посреди города, и памятники архитектуры, и компактность Свердловска? Да еще и заповедные леса вокруг...

А ведь не за горами время, когда все наши заводы будут выглядеть «на высшем эстетическом уровне», если употребить уже внедрившийся в деловые бумаги канцеляризм. Заводы без дыма, без грохота. И аромат уральских лесов, что доносится с окрестных гор, будет поить нас круглые сутки — дома, в цехе, в конструкторском бюро, в лаборатории. К тому идем.

На шпиле Свердловского горсовета полощется алый флаг. Подсвеченный прожекторами, вечером он виден далеко-далеко. Для нас, выросших под сенью алого стяга со звездой, серпом и молотом, в нем и наша жизнь и наша кровь, пролитая в боях за Родину, в нем и прочность нашего мира, труда.

Страна может всегда быть спокойно уверенной в надежности своего Урала.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНТОНА ТАММСААРЕ

И С

Лембит РЕММЕЛЬГАС,
секретарь правления Союза писателей ЭССР

В богатом эстонском фольклоре есть две популярные фигуры — богатырски сильный, но простоватый Ванапаган (Старый Черт, Нечистый) — вполне земное существо, крестьянин, и коротышка Кавал-Антс (Хитрый Антс) — не просто хитроумный, но и удовитый, ленивый, жадный. Этот Антс на каждом шагу дразнит и обманывает Ванапагана.

В 1939 году у этих двух фольклорных персонажей началась новая жизнь. Они как бы заново родились в последнем романе крупнейшего эстонского писателя Антона Ханзена-Таммсааре «Новый Нечистый из Преисподней». Кавал-Антс стал современным писателю и досконально ему известным деревенским мироедом, эксплуататором, который фактически правит волостью благодаря своему неправедному богатству, лжи и обману. Неизвестно, откуда появляется в лесном заброшенном хуторе Пыргупыхья (Преисподня) новопоселенец — широкостный, необычайно сильный, добросердечный, доверчивый и простодушный крестьянин и называет себя Ванапаганом. По его рассказам, он был хозяином ада, и был будто бы у него договор с небом, по которому он ежегодно в судный день получал себе души грешников. Но в конце концов силы небесные отреклись от договора, и аду стало угрожать банкротство. Апостол Петр, страж небесных врат, якобы попросту сказал ему, что договор будет продлен только в том случае, если Ванапаган сам отправится на землю, попробует пожить там человеческой жизнью и достичь трудом вечного блаженства. А если это окажется невыполнимым, то по какому же праву вообще можно после смерти посылать человека в ад, коли он в своих грехах вовсе, выходит, и не виновен,— и не осталось у Ванапагана иного выхода, кроме как в человеческом обличье пытаться жить на земле.

В таком фольклорно-аллегорическом ключе начинается жизнь Ванапагана и его семьи на земле, их человеческая трагическая судьба, полное разорение в деревне, где властвует богатый Кавал-Антс. Все действующие лица этой трагедии изображены со свойственным Таммсааре психологическим мастерством и глубиной раскрытия человеческих и социаль-

ОН ЗВАЛ К ПРАВДЕ ПРАВЕДЛИВОСТИ

ных отношений его героев. Роман полон жажды справедливости, честности и добра, гнева против произвола, нежности к человеку, он полон сарказма и юмора, сверкает афоризмами и парадоксами, их фейерверк великолепно символизирует главную идею писателя: капиталистический мир сам по себе огромный парадокс, противоречие между человеческим разумом и общественным строем. Роман кончается многозначительно: добрый, терпимый, немногословный Ванапаган приходит к своему кровососу с резким и окончательным выводом: «Слушай, Антс, ты мой враг. Таких, как ты, надо убивать». И Ванапаган убивает Кавал-Антса и пускает в его дом красного петуха.

Некоторые критики удивлялись: «Таммсааре отступился от реализма». Кое-кто говорил: «Таммсааре сошел с ума». Писатель отвечал: «Да, возможно, вам поначалу покажется, что автор этой книги сумасшедший, но, читая ее дальше, вы убедитесь, что это читатель — сумасшедший. И если вы еще дальше станете читать, то не придете ли к убеждению, что весь мир сошел с ума?»

Эти слова писателя еще раз подтверждают главную мысль романа: капиталистическое устройство мира зашло в окончательный тупик, достигло полного безумия. Таммсааре сказал это чуть раньше, чем началась развязанная германским фашизмом война, об опасности которой он так часто предупреждал во многих публицистических статьях. Писатель не умалчивал и о том, что в случае скорой войны профашистски настроенная эстонская буржуазия непременно позовет в Эстонию гитлеровские войска, а уж фашисты и дерево присмотрели, на котором Таммсааре будет повешен.

Таммсааре умер после сорока лет плодотворной рабоы, в самом расцвете творчества. Несколькими месяцами позднее, 21 июня 1940 года, эстонский народ сверг буржуазную власть, взял свою судьбу в собственные руки, сделал первые шаги по пути строительства социализма. Рухнуло общественное устройство, о гнилостности которого Таммсааре писал с такой беспощадной точностью и высокой художественной убедительностью. Большой художник, подлинный реалист, в своем творчестве, и особенно в главном произведении — пенталогии «Правда и справедливость» (1926—1933), он дал полную, психологически глубокую и эмоционально захватывающую картину развития эстонского общества за полвека — за целую историческую эпоху.

...Литературная критика и некоторые биографы наряду со скромностью Таммсааре подчеркивают: он был необщительным, почти отшельником, он как бы боялся людей, избегал общества. В день своего шестидесятилетия, во время торжественного юбилейного собрания, он бродил в загородном лесу и вместе с юной дочерью в маленьком кафе пил чай. По утрам он сам ходил на рынок, покупал картофель, морковь, мясо, одевался как можно проще. В своем завещании он пожелал, чтобы на его похоронах не было пышных речей и цветов. Так его и хоронили: с одним лавровым венком за гробом. Но невиданного скопления народа, провожавшего своего писателя в последний путь, Таммсааре все же не удалось избежать...

Еще при жизни писателя, в 1936 году, случилось дотоле в Эстонии небывалое: земляки Таммсааре воздвигли на собранные ими деньги прижизненный памятник писателю. Сам же он на открытие не приехал, но послал телеграмму: «Всех, кто собрался ради правды и справедливости, сердечно приветствует Таммсааре».

Величие писателя определяет величие его героев. Под пером Таммсааре «маленькие» люди становятся великими, потому что они — народ и в них отражается весь большой мир. Со страниц объемного творчества Таммсааре, из многих его ранних, в первую очередь касавшихся деревенской жизни рассказов, из вышедшего в 1922 году и предшествовавшего «Правде и справедливости» романа «Хозяин Кырбоя» и из последующих романов «Жизнь и любовь» (1934), «Я любил немку» (1935) выступает множество ярких, рельефных, живых людей, из которых особо выделяются Андрес и Пеару, Крыыт и Карин, Маурус и Индрек, Ванапаган и Кавал-Антс, выделяются крупными, прямо-таки монументальными обобщениями.

Наряду с пьесами «Юдифь» и «Королю холодно» инсценировки его романов стали популярными, постоянно посещаемыми и до наших дней не сходят со сцены. Интереснейшие сценические интерпретации принадлежат народному артисту СССР Вольдемару Пансо, который показал все пять томов «Правды и справедливости» в последовательном порядке: «Человек и земля», «Человек и бог», «Человек и революция», «Человек и любовь», «Человек и человек»,— определив этим с большим лаконизмом, точностью и эмоциональностью общечеловеческую тематику Таммсааре.

Первые переводы произведений Таммсааре были сделаны на финский и латышский языки. Таммсааре высоко ценил русскую литературу, особенно любил Гоголя и Достоевского. Он часто говорил в домашнем кругу: «Попасть бы в русский язык, а уж через него и в мировую литературу попаду».

Теперь все значительные произведения Таммсааре переведены на русский; вышли его книги и на немецком, французском, венгерском, голландском, шведском, чешском, словацком и других языках — всего два с четвертью миллиона экземпляров. И перевод его произведений только-только набирает силу. Наступило время, и народы, читающие Таммсааре, сказали свое слово: масштаб «местного деревенского писателя» интернационален и общечеловечен, богатство его мыслей с годами для современного человека не только не уменьшается, но возрастает.

Хутор, окруженный болотами и лесами и названный в романе «Правда и справедливость» Варгамяэ, в действительности называется «Таммсаарская горка». Там 30 января 1878 года в семье крестьянина Пеетера Ханзена родился сын — Антон Ханзен. Став писателем и мыслителем, он прибавил к своей фамилии название своего родного места — Таммсааре.

Ныне с его рождения минуло сто лет.

Таллин.

Ю. ЛУШИН

ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Д. Д. Саратовкин.

Девочка неумолимо угасала. И ничто уже не в силах было ее спасти. Так казалось всем: медсестрам, нянечкам, врачам, другим больным туберкулезного санатория. Да, болезнь ее оказалась неизлечимой, бывают еще такие. Все жалели Аню, но ничем помочь ей не могли. Много дней она уже не поднималась с постели — ноги отказались служить ей, и нестерпимо болел позвоночник, давно она разучилась улыбаться, давно уже ничему не радовалась. Дни складывались в месяцы, месяцы — в годы. И вдруг случилось чудо. Другого слова, другого объяснения мне не найти...

Однажды утром девочке принесли письмо и небольшую бандероль. Она отказывалась верить, что это ей. Она слишком хорошо знала, что вестей ей ждать теперь неоткуда. Все вокруг притихли, словно затаили дыхание, всем была известна печальная история Ани.

Детство ее начиналось безоблачно, но, на беду, пошли нелады в семье. Мать с первым мужем разошлась и немедленно вышла замуж вторично, пошли другие дети, и Аню сделали нянькой при них. Как будто сказка о бедной падчерице разворачивалась в жизни, но у сказки был счастливый конец, а здесь... Отношение к ней заметно ухудшилось, и как-то за мелкую провинность мать так стукнула Аню каблуком по спине, что девочку пришлось отвезти в больницу. Болезнь (туберкулез позвоночника) прогрессировала, Аню сдали в санаторий и забыли о ней. Так девочка стала круглой сиротой при живых родителях...

Нянечка, принесшая письмо, вышла из палаты, горестно вздохнула:

— Чужое письмо, не от матери. И что же такое на свете делается?

Аня посмотрела на бандероль. На ней стоял штемпель далекого южного города, в котором Аня не бывала даже в мечтах. Это ошибка, снова усомнилась она, но там ясно стояло: Золотаревой Ане. Значит, ей. Почерк незнакомый. Дрожащими пальцами она вскрыла бандероль, из нее посыпались открытки и цветные карандаши. Аня смотрела на синее море и высокие горы, и красивые деревья, и красивых людей на открытках. Нечаянная радость влетела на волшебных крыльях в палату и будто подняла Аню над землей. Как мало бывает иногда нужно человеку для счастья! Но кто же, кто этот волшебник, как он узнал о ней? Девочка взяла листок бумаги и стала писать письмо:

«Незнакомый друг! Получила ваше небольшое письмо и открытки. За все это благодарю. Открытки мне понравились очень. Напишите, пожалуйста, кто вы и как узнали меня».

Она срисовывала картинки присланными карандашами, и в ней пробуждалась вера в свои силы. Аня стала заметно поправляться. Ей сделали сложную операцию на позвоночнике. Удачно. Она стала учиться заново ходить, и оказалось, что эта наука дается ей труднее, чем годовалому ребенку. Кружилась голова, земля уплывала из-под ног. Как-то раз, пытаясь шагнуть без посторонней помощи, она не удержалась, упала на спину и ударилась позвоночником о край кровати.

И снова белый потолок перед глазами, белые стены, белые халаты, белый гипсовый корсет, и снова месяцы без движения, и снова уходит надежда на будущее. Но письма, «чужие» письма, как называла их нянечка, продолжали поддерживать ее в тяжелые минуты. Их сердечный тон, их простые и теплые слова вливались в нее живой водой. Они приходили то из Тюмени, то из Москвы, то из Пятигорска — отовсюду, куда судьба забрасывала ее «незнакомого друга». И роднее этих писем, роднее человека, писавшего их, теперь в целом свете у нее не было. Когда случался перерыв в переписке, она со страхом думала: «А что, если он больше не напишет?» В такие дни болезнь как-то особенно обострялась и мучила ее, в такие дни приходили мрачные мысли...

Подступал декабрь, месяц, особенно ею нелюбимый, темный, пуржистый, противосолнечный, как она его называла. Она с тоской думала о нескончаемых декабрьских ночах, о бессоннице, о неудавшейся своей жизни и с трудом заставляла себя читать школьные учебники.

— Зачем, зачем мне все это? Все ведь бесполезно, никогда мне не встать...

Внезапно звук быстрых четких шагов нарушил больничную тишину. Аня прислушалась, она давно уже узнавала всех по походке, но сейчас явно шел кто-то незнакомый. Дверь палаты распахнулась, и в проеме возник сухощавый пожилой человек в белом халате, наброшенном на плечи.

Наверное, новый врач, подумала Аня и закрыла глаза.

Незнакомец быстро осмотрелся и решительно двинулся к кровати Ани. Она открыла глаза, и он увидел в них такую усталость и недетскую серьезность, что голос его невольно дрогнул.

— Ну, здравствуй, дочка. Вот я и приехал,— сказал он, протягивая руку и тревожно улыбаясь.

— Вы...— непонимающе начала она, и вдруг счастливая догадка осенила ее:— Дмитрий Дмитриевич! Неужели?!

— Почему неужели? Я ведь писал, что приеду. Но командировка в Томск все откладывалась...

Они оба со скрытой тревогой и острым любопытством вглядывались друг в друга. Одно дело — знать человека по письмам, совсем другое — видеть его. Он нашел ее более взрослой, чем представлял себе. Она сделала вывод, что он еще добрее, чем в письмах. Они говорили несколько часов подряд. Говорили и не могли наговориться. Ее интересовало все.

— Дмитрий Дмитриевич, как же вы узнали обо мне?

— Есть у меня, Анюточка, в Томске большой друг Вадим Иванов. Он, как и ты, лишен пока возможности двигаться — паралич ног, но он пишет стихи и не падает духом. Вот он-то и рассказал о тебе.

— Но я его не знаю.

— Его лечат те же врачи, что и тебя. Вадим, между прочим, и художник неплохой. И знаешь, дочка, как он пишет свои картины? Лежа! Если полотно большое, он переворачивает его и дописывает...

— Это очень трудно,— тихо сказала она.

— Конечно,— согласился он,— но Вадим не хочет уступать болезни.

— Я тоже,— прошептала она.

Он заговорил о живописи, и Аня слушала его с интересом. Ей казалось, что Дмитрий Дмитриевич все знает, все умеет, что он самый добрый, самый сильный человек на свете. Вот бы ей такого отца... Он же вспоминал о разговоре с врачом перед тем, как зайти в палату. Диагноз был жесток:

— Девочка безнадежна.

Почему же в таком случае он пытался вдохнуть в нее волю к жизни? Этого вопроса он себе не задавал. Он просто делал то, что подсказывало ему сердце. Он увидел человека в беде и без раздумий бросился ему на помощь. Так бросается пожарный в огонь, не спрашивая, опасно ли

это. Так бросаются на помощь ребенку, оказавшемуся на рельсах.

Когда он впервые узнал о судьбе Ани, он вдруг представил себе, что это его дочь, и действительно относился к ней с тех пор по-отечески. Он не был одинок. У него была семья и почти взрослые дети — дочь и сын. У него была работа, напряженная и интересная. Он ученый, кандидат физико-математических наук, заведовал кафедрой физики в институте, увлекался стереоскопией и постоянно изобретал что-то в этой области. Он читал лекции по философии, спорил на диспутах о любви и дружбе, писал в газеты статьи о воспитании молодежи, о вреде курения, вел переписку с десятками самых различных людей, и на все ему хватало времени. Ему шел тогда шестой десяток лет...

В палату незаметно пробрались ранние зимние сумерки, а они все говорили. Он спрашивал ее:

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Врачом,— ответила она, чуть помедлив,— или же учителем...

— Это очень трудно, дочка,— сказал он,— но ты ведь способная у меня...

Прощание получилось светлым. Он вышел, и она внимательно вслушивалась в стук его шагов. Теперь она различила бы их из тысячи. Снова на долгие месяцы их связали письма, которым она поверяла свои сомнения, тревоги, горести, маленькие тайны и редкие радости. Теперь в них она называла его папочка.

Я смотрю на круглый детский почерк, на конверт, пожелтевший от времени, на другие конверты. Их целая гора, более пятисот, все переписка Ани Золотаревой с «волшебником» — Дмитрием Дмитриевичем Саратовкиным.

«Папочка! Сдала документы. Готовлюсь. Чем больше читаю, тем больше боюсь: провалю. Когда вы приедете, я еще буду сдавать, а значит, никуда не уеду!.. Нога моя срослась. (После очередной операции.— Ю. Л.) Иногда неудачно встаю, но больше хорошо».

«По моему мнению, из всех специальностей на свете нет более трудных и благородных, чем специальность врача и педагога. Только ты должна быть готова к тому, что достигнуть какой бы то ни было цели тем труднее, чем выше и значительнее она. И поступить учиться и учиться бывает очень трудно. Всегда может быть так, что сначала будут неудачи. Не надо только падать духом и бросать свое стремление к намеченной цели...

Анюточка, дочка моя! Ты, конечно, волнуешься и переживаешь, что от меня давно нет вестей... Теперь я вернулся и через день-два получу отпуск... Письмо это отправлю авиапочтой, а завтра получу отпускные и пошлю тебе почтой некоторое количество грошиков, согласно своему обещанию. А ты мне никогда не пиши, что тебе их не надо».

«Папочка! Мне очень плохо. У меня ничего не болит, просто мне здесь плохо. У меня больше сил нет здесь лежать. Я уже не могу спать спокойно. Откроешь утром глаза, а кругом те же белые халаты. Все то же самое, что и вчера. А тут еще чувствуешь сожалеющие взгляды, даже учиться ходить нельзя нормально. Если встанешь, сразу несколько пар глаз уставятся и смотрят, и поневоле начинаешь спотыкаться... А еще мне кажется, уже никто не верит в то, что я когда-нибудь уеду. Все смотрят как на пропащего человека. Что же мне делать? Скоро экзамены, а у меня руки опускаются... Мне кажется, зря я сейчас учу и буду сдавать. Даже если поступлю, все равно мне там не учиться. Экзамены с 1 июля. Вы приедете — буду сдавать. Очень буду вас ждать».

«Итак, ты опять лежишь в той же больнице и, судя по последнему письму, совсем пала духом. Что же можно сказать тебе по этому поводу? Пожалуй, ничего, кроме одной немецкой пословицы: «Деньги потерять — ничего не потерять, здоровье потерять — много потерять, мужество потерять — все потерять». Может быть, мужество ты потеряла потому, что потеряла надежду на то, что встанешь и пойдешь? Конечно, в ответ на это мое письмо ты можешь ответить: вам хорошо давать советы и успокаивать. Но мне действительно ничего больше не остается. Я могу только написать то, что думаю...»

Вот, пожалуй, то главное, что всегда привлекало к Саратовкину людей. Он всегда говорил и писал то, что думал. Да, он утешал Аню Золотареву, но искренне верил при этом, что делает ей благо. Но он же умел быть суровым, если видел и чувствовал, что надо поступить именно так, а не иначе.

«Анюточка, доченька!

Хочу немного остановиться на том, что прочитал я в твоих письмах. Первое письмо меня и огорчило и встревожило. Ты там так ругала и упрекала Валентину Васильевну (врача.— Ю. Л.), что она не сделала для тебя всего, что, по твоему мнению, должна была сделать, что мне стало страшно. Очень неприятно и стыдно мне стало за тебя. Теперь пришло письмо, в котором опять упреки в ее адрес. Да что же это такое? Неужели ты не понимаешь, что так нельзя? Ты думаешь только о том, что для тебя должны другие, должна Валентина Васильевна, и совсем не понимаешь того, что и ты кое-что тоже должна. Прежде всего ты должна понимать людей, понимать то, что не так-то просто делать все, как тебе хотелось бы.

Очень прошу, моя дорогая, не обижаться на все то, что я здесь пишу. Я ведь пишу тебе, которую считаю своей дочкой. А у отца с дочерью всегда могут быть и должны быть разные неприятные разговоры, которые должны воспитать в дочке умение правильно относиться к людям... И всегда я буду не столько заботиться о том, чтобы доставить тебе радость, сделать тебе что-нибудь приятное, сколько буду заботиться принести тебе пользу, воспитать в тебе такие качества, без каких нельзя жить среди людей».

Она не обижалась. Она понимала, что он прав, но иногда все-таки срывалась — не хватало терпения и сил. И потом мысли, мысли... Она стала уже взрослой девушкой, но до сих пор не ведала, что такое домашний уют, своя крыша над головой, свои вещи. Детские годы казались дурным сном. До сих пор домом ее была больница. Иногда она почти с испугом думала, что вдруг действительно поправится, но куда же она после этого пойдет, куда? Эти свои сомнения она скрывала даже от Дмитрия Дмитриевича, но однажды, в очередной приезд его в Томск, не выдержала. Он снова с непоколебимой уверенностью говорил, что она еще поправится, что...

— Ну и что?— вдруг почти крикнула Аня и заплакала.— Куда я поеду, кому нужна?

— Мне,— сказал он просто,— приезжай ко мне в Тюмень.

Ах, слова, слова! Как часто мы не придаем им значения, как часто забываем их силу! Как иногда не замечаем, что неосторожно брошенное слово больно ранит человека. Как иногда поздно понимаем, что самые простые слова, идущие из сердца, могут поднять целую бурю в другом сердце, разбить его или спасти. Дмитрий Дмитриевич умел сказать нужные слова вовремя. И снова они совершили чудо. Девушка начала поправляться, раны ее затянулись, она стала ходить с помощью костылей. Переехав в Тюмень, она вошла в семью Саратовкиных полноправным членом. По справедливости «сказка» должна была кончиться счастливо, но диагноз врачей, к сожалению, оказался верным. Болезнь только притихла на время, спряталась внутрь, чтобы в самый счастливый момент ее жизни ударить исподтишка в самое сердце. Аня умерла, когда ей исполнилось 26 лет...

— Смерть Ани я переживал так же тяжело, как если бы утратил родную дочь,— тихо сказал Дмитрий Дмитриевич, убирая письма со стола в обыкновенный черный чемодан.

В комнате я увидел еще десять или больше точно таких же чемоданов. На них были какие-то наклейки. Внезапная догадка заставила меня спросить:

— Здесь тоже письма?

— Письма,— спокойно подтвердил он.— Письма и дневники за всю мою жизнь.— Он заметил мое удивление и добавил, хмурясь:— Только не вздумайте приделать мне крылышки ангела, я просто человек со своими недостатками и проблемами...

Честно говоря, о крылышках я не думал, но у меня мелькнула почему-то мысль, что Саратовкин должен быть счастливым человеком, по крайней мере в семейной жизни. Он стал рассказывать о себе, и я понял, что ошибался... и не ошибался.

— Начну с Адама, чтобы вам было понятней,— начал он.— Детство мое проходило, как бы сейчас сказали, в неблагополучной семье. Моя мама была наборщицей, хотя не училась ни в какой школе, а уроки чтения и письма брала у своей сестры. До самой своей кончины она оставалась для меня самым большим, самым задушевным другом. Я родился вне брака, причем ей было ясно, что отец мой постарается уйти от нее. Но потом все как-то образовалось, они обвенчались, родилась сестренка, и все пошло вроде бы хорошо.

Но сестренка умерла. В семье начались жуткие раздоры. Мать пыталась покончить с собой, и я буквально вынул ее из петли. В тот же день, погрузив кое-какие вещи на ручную тележку, она ушла из дому. Я последовал за ней. Для меня, тринадцатилетнего мальчишки, это была тяжелейшая травма на всю жизнь. Тем более что иногда я встречал отца на улице, он преподавал тогда в Томском политехническом институте...

Пришло время, и я полюбил свою одноклассницу Лелю Азбукину. Я приходил к ней домой, робея при виде красивой мебели, рояля и блестящих полов. У себя дома я постоянно что-то мастерил с товарищами, пилил, строгал и, конечно, много сорил. Здесь же я просто не знал, как себя вести. Но Агафоник Павлович, отец Лели, известный в Томске профессор университета, быстро «раскусил» меня. Как только я появлялся в квартире, тут же оказывалось, что у него (такая досада!) опять испортился выключатель, или патрон настольной лампы, или еще что-нибудь. Меня призывали на помощь. Польщенный, я брался за дело и чувствовал себя как дома... Когда я заболел тифом, Агафоник Павлович выхаживал меня, словно родного — пригласил лучшего врача, покупал лекарства и лакомства. Маме же моей говорил: «Ничего вы мне не должны.— И прибавлял, указывая на меня:— Вот он вырастет и другим будет помогать. Жизнь для этого представит случаев сколько угодно...»

Лишь много лет спустя, когда у меня появились собственные дети, я понял, как много хлопот и беспокойств приносил я с товарищами и маме и профессорской семье. Но ни разу не слышал я даже намека на то, что создаю им какие-то неудобства. И как же досадно бывает видеть теперь, что в иных семьях родители не пускают друзей сына или дочери в комнаты из-за боязни, что те поцарапают полировку серванта, испачкают паркет, ковер или ненароком разобьют какую-нибудь безделушку. Они не понимают, что становятся рабами вещей. Они удивляются, что дети совсем отвыкли от дома, что с родителями у них нет духовных контактов. Пока ребенок мал, родители прилагают все усилия к тому, чтобы он рос послушным, делал все так, как требуют они. Проявление их самостоятельности, собственной воли, противной родительской, строго наказуется. Им и в голову не приходит, что слишком послушный ребенок может вырасти безвольным человеком, без собственного мнения. Подрастая, он начнет слушаться своих друзей. Выпьем?— скажут они. Он согласится. Ограбим? Он тоже не будет против. Я, конечно, утрирую, но...

— Но, Дмитрий Дмитриевич, если послушание не главное, то что же тогда главное?—спросил я.

— Это сложный вопрос. Добиваясь послушания, нельзя переходить ту грань, за которой следует слепое, бездумное подчинение. Вы непременно должны быть уверены, что ребенок вас понял. Нужно в подростке видеть человека со своими взглядами, со своим мнением, может быть, и ошибочным. Надо мягко, без окрика доказать ему, где он неправ. Взаимное уважение — основа воспитания. Цель же его — воспитать борца, человека, который будет иметь твердые убеждения и будет способен бороться за них... Я счастлив, что сына своего воспитал именно таким человеком. Он прекрасный инженер, мастер спорта по альпинизму, волевой, настойчивый и вместе с тем заботливый.

— А что же с Лелей, Дмитрий Дмитриевич?— спросил я.

— С Лелей? — повторил он, медленно возвращаясь мыслями в свою юность.— Она окончила школу и вышла замуж... за другого. До сих пор мне кажется, что я был бы счастлив с нею. А мне в семейной жизни не везло. Первая жена предала меня в очень трудный и тяжелый момент моей жизни. Вторая не хотела жить вместе с моей матерью, а я не хотел и не мог оставить маму, поскольку она нуждалась в помощи. Вот так... Но я все же остаюсь оптимистом. Когда мне говорят, что вот, мол, раньше и люди были лучше, и трава зеленее, и вода мокрее, и молодежь сейчас не та пошла, я отвечаю: конечно, в дни моей молодости было много хороших людей, но сейчас их еще больше. Молодежь была прекрасная, а сейчас еще прекраснее. Ведь к этому ведет логика развития всей нашей жизни...

Окончание следует.

ФОТОЛЕТОПИСЬ ЭПОХИ

Геннадий **КОВАЛЕНКО**

В канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции в Москве, в одном из лучших павильонов ВДНХ, были открыты три фотовыставки: юбилейная — советских мастеров, традиционная международная экспозиция «Интерпрессфото-77» и итоговая выставка работ любителей, проводимая в рамках Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся. В сотнях фотографий отразились напряженные ритмы нашего времени, духовное богатство народов, мечта людей о мире и счастье. В наш бурный и полный событиями XX век особенно остро стоят проблемы мира и дружбы народов планеты. Человечество решительно протестует против угрозы новой войны, против нейтронной бомбы. Все сильнее умами людей овладевают идеи разрядки и мирного сосуществования, обмена ценностями культуры и искусства. Немалую роль в этом процессе играют и фотовыставки. Современная фотография — своеобразная летопись нашей эпохи. И обмен экспозициями подчеркивает всю важность и нужность широкого показа фотоискусства.

Выставки наглядно продемонстрировали огромные пропагандистские возможности фотографии для образного, эмоционального рассказа о сегодняшней жизни, о прошлом.

Экспозиция советских фотомастеров, которая включала 1800 работ, была посвящена юбилею Великого Октября. В вводном зале панорама фотоснимков символично показала путь страны от выстрела «Авроры» до XXV съезда КПСС, принятия новой Конституции СССР и празднования 60-летия Страны Советов. Выставка рассказала о революционных событиях 1917 года, гражданской войне, строительстве социализма в годы первых пятилеток. Особое внимание обращала на себя бесценная фотографическая Лениниана. Специальные разделы были отведены Великой Отечественной войне и памяти о ней, а также столице нашей Родины. Старина и сегодняшний день Москвы, ее славное революционное прошлое и устремленность в будущее, созидательный труд и культурный отдых москвичей — все многообразие жизни замечательного города запечатлели объективы десятков мастеров. И, конечно, они показали Москву, которая станет олимпийской,— город славных спортивных традиций.

В разделах современной фотографии — «Космос», «Романтика дальних дорог», «Охрана природы» и других, кроме снимков обычного выставочного формата, экспонировались сверхувеличения, крупноформатные диапозитивы, спектрозональные фотографии, сделанные в космосе.

Научно-техническая революция приблизила к народным массам технические достижения, появились широкие возможности для занятий фотографией.

В художественном творчестве народа, в самодеятельном искусстве массовое увлечение фотографией занимает ныне полноправное место. Выставка любителей представила свыше 800 работ, многие из них радовали своей искренностью и эстетическим чутьем, высоким художественным вкусом и порою не уступали работам профессионалов.

Международная экспозиция «Интерпрессфото-77» организуется один раз в два года под постоянным девизом «За мир и взаимопонимание между народами, за гуманизм и социальный прогресс». Знатокам и почитателям фотографии хорошо знакомы ее маршруты — Берлин, где она состоялась дважды, Будапешт, Варшава, София. В нашей столице она проводилась во второй раз и стала самой представительной по сравнению с предыдущими. В ее адрес пришли 17 500 фотографий. Для экспозиции были отобраны 1200 снимков из 72 стран. Каждый из них — мгновение жизни, вместившее в себя радость, горе, тревогу, надежду, счастье. Экспозиция продемонстрировала широкий тематический и жанровый диапазон мировой фотожурналистики, засвидетельствовала несомненный рост творческого мастерства фотографов прессы — и прославленных мастеров и молодежи, впервые выступившей на столь представительном международном смотре.

Следует заметить, что многие снимки, удостоенные ранее призов и наград на «Интерпрессфото», стали классикой фотопублицистики, сыграли большую роль в пропаганде мира и прогресса. Фотокорреспонденты прессы должны были представить снимки, сделанные за последние два года, по следующим разделам: фотография на актуальную тему, серии фотографий, спортивная, жанровая, портретная, цветная фотография. Награды учреждались для каждого раздела. Международное жюри располагало шестью золотыми, двенадцатью серебряными и восемнадцатью бронзовыми медалями. Главного приза удостоен советский автор Владимир Мусаэльян за снимок «Товарищ Лучо снова с нами! (Встреча в Кремле Л. И. Брежнева с Луисом Корваланом, освобожденным из застенков чилийской хунты)». Награды получили фотографы восемнадцати стран. Среди них хотелось бы отметить работы А. Саэра (Аргентина) «Пропусти меня, капитан», Г. Панамского (НРБ) «Живые помнят», Ж. Боэма (Франция) «Рабочий парень», У. Малера (ГДР) «На трассе дружбы», В. Коновалова (СССР) «В твоих руках жизнь», С. Кумар Саха (Бангладеш) «Голод», Ван Бао (СРВ) «Жители Сайгона встречают освободителей», В. Лазэреску (СРР) «Арматурщики» и другие.

Снимки, экспонированные на «Интерпрессфото-77», рассказали о свободном труде народа первой в мире страны социализма, о его достижениях во всех областях экономики, науки и культуры, об огромном вкладе советских людей в дело мира. Они показали достижения народов стран социалистического содружества, где идеи социализма обрели материальное воплощение в образе жизни, избранном народом, в оптимистической уверенности в дне завтрашнем. Были также широко представлены фотографии, призывающие к прекращению гонки вооружений в капиталистических странах, клеймящие поджигателей новой войны, показывающие борьбу трудящихся за свои права. На нашей вкладке опубликованы лишь несколько снимков из тех, что демонстрировались на выставках.

Люди любят фотографию. Яркий фотодокумент, талантливое произведение фотоискусства, лаконично, выразительно, эмоционально рассказывающее о волнующих событиях, обладают огромной силой воздействия. И посетители выставок — а их было около четверти миллиона — как бы заново переживают события прошлого и совсем недавних дней, чувствуют свое причастие к великим деяниям эпохи. Много волнующих записей оставлено в книге отзывов. Вот некоторые из них:

«Дорогие друзья! За время, проведенное в залах «Интерпрессфото-77», мы оказались в мире сказки, в мире красоты природы и человеческих характеров. Мы здесь увидели замечательные работы наших фотографов. Трудно передать наше восхищение. Мы говорим большое спасибо авторам работ и коллективу, который подготовил эту выставку»,— написали летчики-космонавты СССР Б. В. Волынов, П. И. Климук, Г. В. Сарафанов, В. И. Рождественский, Ю. Н. Глазков, Л. С. Демин.

«Выставка очень интересна, еще раз видно, что фотография в наш век стала одной из разновидностей изобразительного искусства. Мы видим, какими громадными возможностями она обладает» — это мнение М. Сироченко из Томска.

На выставках побывали также многие иностранные гости нашей страны. Среди них Генеральный директор государственного объединения «Болгарская фотография» Васил Вылев, Председатель Комитета Уорлд пресс-фото Джон Сварт, секретарь МОЖ Аурелиан Нестор и многие другие. Все они отмечали возросший за последние годы уровень мировой фотожурналистики, появление новых имен, разнообразие авторских почерков и стилей. Любопытно, что крупнейший знаток мирового фотоискусства директор французского музея фотографии Жан Фаж сказал: «Москва стала столицей фотографии».

Сейчас «Интерпрессфото-77» демонстрируется в Ленинграде, отчетная выставка Союза журналистов СССР — в Куйбышеве. Дальше маршруты первой из них будут проложены в Прибалтику, Белоруссию, на Украину, в Молдавию, второй — по городам Сибири и Дальнего Востока.

Размах художественного творчества в нашей стране, внимание к нему Коммунистической партии и Советского правительства открывают поистине неисчерпаемые пропагандистские, познавательные и художественные возможности фотоискусства.

Семья 100-летнего Таджибая.

Фото Г. ЗЕЛЬМЫ и В. ТАРАСЕВИЧА (СССР)

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Старт «Союза».

Фото А. ПУШКАРЕВА (СССР)

Из серии «Красная Италия».

Фото Томаса БИЛХАРДТА (ГДР)

Взгляд ребенка.

Фото Жоао ДОМИНГЕША (Португалия)

Из серии «По Африке».

Фото Эрвина КНАЙДИНГЕРА (Австрия)

На трассе дружбы.

Фото Хольгера БУША (ГДР)

Letzte

Горение

Юлиан **СЕМЕНОВ**

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

39

— Слово по аграрному вопросу предоставляется товарищу Ленину,— сказал Дан, поглядев на Плеханова, который сидел безучастно, высокий, красивый, весь в своем далеком, величественный человек...

— Я зачитаю проект резолюции.— Ленин достал из кармана листок бумаги.— В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует:

конфискации всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель; учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и для фактического распоряжения конфискованными землями впредь до установления всенародным учредительным собранием нового земельного устройства; отмены всех податей и повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие; отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей; предоставления выборным народным судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, то есть создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа...

Ленин вернулся на свое место за столом президиума под аплодисменты большевиков — левая половина зала, где сидели меньшевики, хранила молчание.

— Слово имеет товарищ Плеханов,— объявил Дан ликующе.

— Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы.— Плеханов говорил чеканно, чуть грассируя.— В этом нет ничего удивительного, ибо экономическое развитие каждого народа совершается в своеобразной исторической обстановке. У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закрепощена государством, и на основании этого закрепощения развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Проект Ленина тесно связан с у т о п и е й,— Плеханов выделил это слово,— с анархической утопией захвата власти революционерами, и поэтому против него должны высказаться те из нас, которые не имеют вкуса к такого рода утопии. Иное дело муниципализация. В случае торжества реакции она не отдает земли в руки политических представителей старого порядка; наоборот, в органах общественного самоуправления, владеющих землею, она создает оплот против деспотии. И это будет очень сильный оплот. Я повторяю вслед за Наполеоном: «Плох тот человек, который рассчитывает лишь на благоприятное стечение обстоятельств». Впрочем, я не безусловный сторонник муниципализации. Я думаю, что если бы нам не удалось добиться ее, если бы нам пришлось выбирать между национализацией и разделом, то в интересах революции следовало бы предпочесть раздел. Вот в чем заключается разница между моими взглядами, с одной стороны, и взглядами Ленина с его анархоутопическими замашками — с другой. Вы можете склониться к тому или другому из них, но вы должны понимать, что совместить их невозможно.

Плеханова наградили аплодисментами, особенно неистовствовали кавказцы.

Следующим говорил Суворов («Борисов»), автор «компромиссной» теории «раздела» земель.

— Я взял слово потому, что отношусь отрицательно и к требованию национализации земли в программе товарища Ленина и к проекту муниципализации товарищей Плеханова и Джона,— сказал Борисов.— Переход земли к крестьянам поднимет их благосостояние и даст толчок развитию новых отношений в деревне, поведет к промышленному прогрессу в стране. С другой стороны, борьба за землю толкнет крестьян на путь политической революции, заставит их быть союзниками пролетариата в борьбе за демократический строй. Каким же способом может быть решен вопрос о крестьянских земельных требованиях? Муниципализация? Нет. Ленинский план? Нет. В период развивающейся революции это революционные захваты земель, то есть раздел.

Дан объявил:

— Слово имеет товарищ Иванович.

— Прежде всего скажу о методах аргументации некоторых товарищей.— Джугашвили-Сталин выступал, чуть покашливая, тихо, очень глухо.— Плеханов много говорил об «анархических замашках» Ленина, о пагубности «ленинизма», но об аграрном вопросе, в сущности, сказал очень мало. Полагаю, что такой способ аргументации, вносящий атмосферу раздражения, кроме того, что противоречит характеру нашего съезда, называемого объединительным, равно ничего не выясняет в постановке аграрного вопроса. И мы могли бы сказать кое-что о кадетских замашках Плеханова, но этим ни на шаг не подвинулись бы в решении аграрного вопроса. Что касается существа дела, то я должен сказать, что исходным пунктом нашей программы должно служить следующее положение: так как мы заключаем временный революционный союз с борющимся крестьянством, так как мы не можем, стало быть, не считаться с требованиями этого крестьянства, то мы должны поддерживать эти требования, если они в общем и целом не противоречат тенденции экономического развития и ходу революции. Крестьяне требуют раздела помещичьих земель; раздел не противоречит вышесказанным явлениям, значит, мы должны поддерживать полную конфискацию и раздел. С этой точки зрения и национализация Ленина и муниципализация Плеханова одинаково неприемлемы.

Дан вопрошающе поглядел на Джугашвили-Сталина — закончил ли? Тот внимательно оглядел зал, погладил бороду, спустился с трибуны, медленно, з н а ч и м о пошел на свое место.

Дзержинский подумал: «Ленин заставил всех открыть себя. Он так сформулировал свою программу, что возражать ей можно с полной отдачей, здесь себя никак не прикроешь: здесь школа Политики, такое на жизнь дается раз или два — не больше».

Луначарский сунул пенсне в карман, лег локтями на трибуну, п р и л а д и л с я, словно решил там обосноваться надолго, потом только заговорил:

— По мнению товарища Плеханова, главным грехом Ленина и его программы является исходная идея — «вредная и утопическая идея захвата власти». Впрочем, Ленин не говорил в своем проекте о завоевании власти, просто, зная Ленина отменно, Георгий Валентинович п р и с л ы ш а л то, что мыслится нами постоянно, но высказывается не всегда. Удивило меня другое: как мог Плеханов назвать идею завоевания власти революционным путем вредной и утопической? Ведь это основная идея нашей программы-максимум. Нет, Плеханов, очевидно, имел в виду заговорщицкий захват, тот, который теперь можно видеть разве только в оперетке. Приходят во дворец пятьдесят замаскированных людей с кинжалами и совершают переворот. Но разве победа революции связывается у Ленина с подобным опереточным захватом власти? Ничуть. Разве октябрьское стачечное движение, декабрьское вооруженное восстание были заговорами? Разве восставший народ не стремился при этом до конца разрушить существующую власть? Разве победа в декабре не привела бы к переходу власти в руки народа? Надо сразу сказать, на какой случай пишем мы нашу аграрную программу. Намечаем ли мы меры, которые социал-демократия будет отстаивать в учредительном собрании, при полной и совершенной победе не милюковского квазидемократизма, а истинного народоправства? Или мы пишем нашу программу на случай половинчатого кадетского исхода русской революции? Или, наконец, на случай ее поражения? Тогда скажите прямо, товарищи: «В случае, ежели, паче чаяния, все хорошие вещи, о которых говорит Ленин, осуществятся, мы, пожалуй, перекрестясь, и национализацию признаем, но так как мы рассчитываем скорее на кадетский конец революции, то выдвигаем муниципализацию, а если и того не будет, так и без всякой программы останемся, потому что мы гибки». Товарищ Плеханов как-то говорил нам, что он усматривает эсерство в Ленине. Ленин — эсер? Я уверен, что все присутствовавшие поняли, что Плеханов шутит. Серьезно утверждать, что Ленин — эсер, было бы так же дико и странно, как если бы в этом собрании раздалось утверждение, что Плеханов — кадет. Товарищ Плеханов нисколько не огорчился обвинением в гибкости. «С каких пор гибкость стала пороком, а окаменелость — достоинством?» —

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—52, 1977 год, и №№ 1—4, 1978 год.

Мой дом — моя крепость. Фото Дм. ДЕБАБОВА (СССР)

спрашивает он. Но есть гибкость и гибкость. Ленин доказал свою гибкость вполне недвусмысленно, когда он под давлением событий шагнул от крестьянских отрезков, главным кумом которых он был ранее, к национализации. Гибкость требует постоянного пристального учета событий и соответственных изменений в тактике, а иногда и в программе, но изменения эти всегда должны быть строго определенны. Товарищ Плеханов сказал, что социал-демократия может позволить себе «роскошь ошибки». Да, в настоящий момент нам лучше позволить себе роскошь ленинской ошибки, чем убожество излишней осторожности.

Ленин выступил с заключительным словом. Он, в частности, сказал:

— Где гарантия от реставрации, спрашивал товарищ Плеханов. Я не думаю, чтобы постановка этого вопроса находилась в тесной и неразрывной связи с разбираемой нами программой, но раз этот вопрос поставлен, на него надо дать вполне определенный и недвусмысленный ответ. Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, то есть такой гарантии, которая бы создавала экономические условия, исключающие реставрацию, то тогда придется сказать: единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе; никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может... Если же... говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект дает максимум относительно гарантий против реставрации... Мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции. Без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом у нас будут либо аграрные бунты, либо кадетские аграрные реформы... Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка... Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов... Теперь, после октября, ноября и декабря тысяча девятьсот пятого года, после того, как широкие массы рабочего класса, полупролетарских элементов и крестьянства показали миру невиданные давно уже формы революционного движения... теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству значит запаздывать на целых двадцать пять лет... Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции... Словами крестьян, несмотря на всю их экономическую несостоятельность или бессодержательность, мы должны пользоваться, как зацепками для пропаганды. Ты говоришь, что землей должны пользоваться все? Ты хочешь отдать землю народу? Прекрасно, но что значит дать землю народу? Кто распоряжается нардным достоянием и народным имуществом? Чиновники, Треповы. Хочешь ли ты отдать землю Трепову и чиновникам? Нет. Всякий крестьянин скажет, что им он отдать земли не хочет. Хочешь ли отдать землю Петрункевичам и Родичевым, которые, может быть, будут заседать в муниципальном самоуправлении? Нет. Крестьянин, наверно, не захочет отдать землю этим господам... Следовательно, выставляемый мною проект национализации, обусловленной полным обеспечением демократической республики, дает как раз правильную линию поведения нашим пропагандистам и агитаторам, показывая им ясно и наглядно, что разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и в частности именно республиканской пропаганды.

Дан предоставил слово Плеханову.

Дзержинский поймал себя на мысли: «Турнир рыцарей. Да, руки ледяные, страсти накалены, резкости сдерживаются с трудом, но как достойны соперники, как благородны помыслы, сколь чиста цель, во имя которой происходит эта схватка умов! Корыстных интересов нет ведь ни за кем — у Плеханова, что ли, отца русского марксизма, корысть?! Ищут истину, рвут свои сердца, первопроходцы; такого рода проблемы в России были немыслимы ранее, никто не готов к ним был загодя, оттого все столь накально... Воистину турнир рыцарей...»

...Плеханов на этот раз выступал атакующе, не было и следа от прежнего Георгия Валентиновича, когда он говорил первый раз,— сейчас на трибуне был не мэтр, а задорный боец, и даже голос у него был звенящий, молодой.

— Один товарищ поставил мне вопрос: «Плеханов восстает против национализации, потому что он не верит в возможность осуществления всех ленинских «если». А коли бы все эти «если» осуществились, был ли бы я за национализацию?» Нет, даже в случае осуществления всех ленинских «если» я был бы против. Что значит осуществление ленинских «если»? Это значит, что в России так же прочно установилась политическая свобода, как установилась она в Швейцарии, в Англии или в Соединенных Штатах. Тогда нам не будет грозить опасность реставрации. Но когда это будет?! Положение дел таково, что между мною и Лениным существуют в высшей степени серьезные разногласия. Этих разногласий не надо затушевывать. Их надо выяснить себе во всей их важности, во всем их объеме. Наша партия переживает чрезвычайно серьезный момент. От решения, которое вы примете сегодня или завтра по аграрному вопросу, будет в значительной степени зависеть судьба всей нашей партии, всей страны. В проекте Ленина сказывается не только его взгляд на аграрный вопрос, а весь характер его революционного мышления. Бланкизм или марксизм — вот вопрос, который мы решаем сегодня. Товарищ Ленин сам признал, что аграрный проект тесно связан с его идеей захвата власти. И я очень благодарен ему за откровенность. С Лениным мне пришлось уже сломать не одно копье во взаимной борьбе. Тем приятнее мне, что я могу начать свое возражение ему с комплимента. Он прекрасно выступал. Слушая его, я припоминал, как покойный Лавров говорил мне: «В вас пропал прекрасный адвокат». В товарище Ленине, поистине, пропал превосходный адвокат. Ленин сказал в защиту своего проекта все, что можно было сказать. Но, видно, слабо то дело, которое защищает этот превосходный адвокат, если защита все-таки оказалась слабой. Товарища Ленина можно назвать, по известному французскому выражению, «адвокатом проигранного дела». Его дело потеряно перед судом логики. Ленин говорит: «Мы должны доводить дело революции до конца». Так. Но вопрос в том, кто из нас доведет до конца это дело. Я утверждаю, что не он.

40

— Нет, послушайте, Эндрю (Есин теперь называл Глазова на американский манер — у него была страсть со всеми переходить на «ты» и сразу же отбрасывать отчества), это какой-то дом для умалишенных! Я первый день слушал их внимательно, в кулуарах во время перерыва Бруклинский познакомил меня с Махновцем и Масловым — милые люди, но они все безумцы! Я ничего не могу уловить, Эндрю! Национализация, муниципализация — о чем они говорят?! Какое это имеет значение?!

— Большое значение, Майкл,— ответил Глазов грустно: он понял, что Есин относится к числу людей, неспособных оценивать других остраненно, он был словно покупатель в магазине платья — все примеривал на себя и ругал не свою фигуру — портных.

— Неужели вы берете их всерьез?! Я лично ничего не понял из их перепалки, а я неглупый человек, иначе бы меня давно съели конкуренты вместе с потрохами. В России сидит царь, под ним работает правительство, губернаторы правят волостями, а эти люди обсуждают, как сажать цветы, не купив землю!

— Кто вам показался наиболее интересным из собеседников, резким, убежденным, сильным? Что вас оттолкнуло или, наоборот, покорило в чьих-то выступлениях? Меня интересуют подробности, Майкл.

— Покорить может хорошая девка! Там все понятно: отвел в аптеку, потом в отель, а утром дал деньги на сабвэй...

— Вы что-то перепутали,— усмехнулся Глазов,— в аптеку надо идти после того, как дали деньги на сабвэй.

— Нет, не перепутал, у них аптека, как у вас кондитерская, только все дешевле, и можно выпить неплохо, со скидкой в двенадцать процентов...

— Скажите, Майкл, а вы со своими соседями здесь, в отеле, познакомились?

— С этим грузином? Ивановичем?

— Да. И с Рыковым.

— Э,— Есин махнул рукой,— ничего интересного, поверьте моему опыту распознавать людей. Я предложил им свою резолюцию по аграрному вопросу, вместо их безумных «муниципализаций» и «разделов». Я предложил систему контрактов: мужик — посредническая контора; я могу дать проект, безвозмездно рассказать про то, как сам работаю: внутренний рынок — аукцион — посредник — внешний рынок. Тогда отпадет нужда во всех этих безумных реформах, мужика завертит, ему будет не до размышлений, следовательно, не до бунтов, надо работать с утра и до ночи.

— Ну и что вам ответили делегаты?

— Ничего. Я же говорю вам, они витают в эмпиреях, совершенно не деловые люди. Повторяю, Эндрю, вы должны заставить мужика потеть!

— А сейчас он, по-вашему, бьет баклуши?

Глазов не понял отчего, но вдруг испытал обиду за мужика.

«От иностранца б перенес,— признался он себе,— а от этого не могу».

Есин быстро отхлебнул холодный чай.

— Конечно, бьет баклуши! Какой-то делегат, погодите, сейчас вспомню, ага, вспомнил — Григорий Адамович, говорил мне, что на пути мужика к помещичьей земле стоит шериф, ну, как это, староста, исправник, уездная власть, банк, отсутствие банка, а достал он, допустим, денег, так помещик в Ницце отдыхает, а срок сева проходит, вот вам и недород, вот вам и революция! А если бы вы открыли широкую сеть посреднических контор, тогда все бы переменилось. Кстати, поддержите мою кандидатуру, как автора проекта для России, Эндрю... Я перезнакомлюсь со всеми вашими эсдеками, кадетами, эсерами, я смогу вам помочь по всем линиям! Неплохая идея, а? Вы получите процент с оборота, мы распространим акции. «Есин дивэлопинг инкорпорэйшн фор Раша», а?!

— Хорошая идея, обсудим,— согласился Глазов, представив сразу же, как Есина с эдакой-то идеей встретят в северной столице.— Но мы с вами отвлеклись, Майкл. Давайте-ка по порядку, воспроизведите, кто с какими предложениями выступал, в чем пик разногласий — я же просил вас об этом.

— Эндрю, если вы хотите получить бесплатный совет — я вам его даю: забудьте этих наивных, беспомощных, одержимых людей. Забудьте. Они не представляют никакой опасности. Верьте моему опыту. Я как-то взялся поставлять зеркала для компании по производству лифтов...

— Погодите с лифтами, Мишенька, погодите...

— Вы сердитесь? На что, мой бог?! Эндрю, вам больше никто не поставляет информацию? Ответьте правду! Вполне может быть, что мой конкурент работает нечестно, ставит на повышение. А там не на кого ставить! Если я их не могу понять, я, культурный человек, то как их поймут рабочие, о которых они спорят?! Ну? Вы подумайте только! У них, в Нью-Йорке, есть своя рабочая партия, тоже шумят. И что? Кому они мешают? Говорят себе, и ладно! Если в унисон дудеть — оглохнешь от тишины! Надо, чтобы был комарий писк, тогда все по-настоящему слышно! Пусть себе шумят, отчего вы боитесь позволить им шуметь?

— У вас шумят, а у нас помещиков жгут.

— И будут жечь, если не организуете посредническую службу!

«Хоть как-то надо тысячу долларов оправдать,— устало подумал Глазов,— деньги немалые, по моей просьбе дали, а его болтовню к отчету не подошьешь...»

Есин нажал кнопку большого, сделанного в форме головы негра звонка, вызвал горничную, спросил чаю и сливок, обернулся к Глазову:

— Может, покутим? А? Тут прекрасное розовое варенье и торт, я подсчитал, всего два доллара сорок три цента, там это стоит шесть.

— Конечно, заказывайте,— ответил Глазов, не поднимая затяжелевших век,— менялась погода, небо заволокло тучами, низкими, изнутри черными, затылок потому ломило нестерпимо, отдавало в глаза.

— Здесь жизнь значительно дешевле,— продолжал Есин,— хлеб примерно на два цента...

— За фунт?

— Ну что вы! За десять фунтов...

— Вы и такие мелочи высчитываете?

— Такая мелочь даст экономию бюджета семьи из пяти человек за год в двенадцать долларов шесть центов, а это деньги, Эндрю.

И Глазов вдруг понял Есина — раньше-то ошибался, себя переоценивал.

— Слушайте, Майкл,— сказал Глазов,— сто долларов у них — деньги?

— Так и цент — деньги, Эндрю,— сухо ответил Есин,— а в чем дело? Есть предложение?

—Я хочу попробовать одну посредническую операцию.

— Каков объем сделки?

— Сто долларов.

— Это не сделка.

— Тогда отменяется,— вздохнул Глазов.

— Но тем не менее сто долларов — это деньги,— сразу же отработал Есин.— Они могут стать основой для посреднической операции...

— Мне предлагают сто долларов за пять страниц.

— Воровать эти страницы не надо?— деловито осведомился Есин.

— Нет. Тот человек, посредником которого я думаю стать, выплатит сто долларов за фамилии, клички, имена, места рождения, краткую характеристику делегатов съезда.

— Сколько вы дадите мне, если я приготовлю эти пять страниц?

Глазов удивился:

— То есть? Я же сказал — сто долларов.

— Если вы так думаете посредничать, Эндрю, тогда Россия погибнет. Вы должны просить у посредника триста, мне из этой суммы уплатить сто пятьдесят, сто двадцать пять положить в банк, а на остальные устроить пáрти, где соберутся нужные для дела люди, причем вы вправе попросить и у меня восемь долларов, потому что я, возможно, заимею хорошие знакомства. Возможно, и нет, но надо уметь рисковать! Плачу восемь долларов. Хотите наличными или выписать чек?

«Его превосходительству Э. И. Вуичу, директору департамента полиции

Милостивый государь Эммануил Иванович!

Работа, проводимая мною в Стокгольме, дает свои благие плоды. Путем довольно сложной и весьма дорогостоящей комбинации мне удалось получить чрезвычайно важный для всей нашей дальнейшей деятельности список ведущих делегатов четвертого съезда РСДРП. Это, несомненно, позволит нам усилить столь необходимую для борьбы с революцией активность.

Привожу список делегатов на благоусмотрение Вашего Превосходительства и смею полагать, что Вы не преминете дать указание VII делопроизводству озадачить все охранные отделения Империи установлением подлинных имен и фамилий государственных преступников, собравшихся ныне в Стокгольме:

Писатель Григорий Адамович, родился 10 октября 1879 года в деревне Рацивуга, Варшавской губернии, сын аптекаря Александра Адамовича. Роста ниже среднего, волосы черные, довольно длинные, борода неширокая, рыжая, глаза голубые, носит пенсне.

Адвокат Семен Алексеевич Сабуров.

Инженер Винтер Леонид Борисович, рожден в Баку, роста среднего, владеет немецким и французским языками. (Предположительно под этой фамилией выступает здесь государственный преступник Красин.)

Сотрудник журнала «Колокол» Антон Виницкий, 18 апреля 1880 года рождения. Сын умершего бухгалтера из Люблина Казимежа Виницкого и жены его Матильды. Роста выше среднего, шея длинная, с выдающимся адамовым яблоком.

Климент Ефремович Беков, рабочий из Луганска, роста ниже среднего, носит небольшие усы, глаза серые, смешливые, нос курносый, волосы вьющиеся, русые.

Журналист Владимир Петрович Махновец, рожден 8 сентября 1872 года в Воронеже, в семье доктора медицины Петра Махновца и жены его Серафимы. Холост. Носит пенсне.

Литератор Мартин Мандельштам, 1872 года рождения. Сын купца Льва Мандельштама и его жены Шарлотты. Холост. Роста выше среднего. (Есть предположение, что на съезде выступает под фамилией «Лядов».)

Агроном Петр Павлович Маслов, рожден 18 июня 1867 года. Сын помещика, женат, семья проживает в С.-Петербурге. Носит очки в золотой оправе, волосы черные.

Студент Варшавского университета Иосиф Миллер, рожден 30 июня 1876 года в Вилейке, Виленской губернии. Сын учителя гимназии Эдмонда, холост, борода-эспаньолка русого цвета, нос несколько выгнутый, породистый. (Есть непроверенное предположение, что под этим именем скрывается государственный преступник Дзержинский-Доманский, он же Кжечковский.)

Слесарь Федор Яковлев, двадцати девяти лет, рожден в деревне Борки, Новгородской губернии, сын крестьянина Якова и жены его Евдокии. Холост. В последнее время работал на заводе в С.-Петербурге.

Журналист Иван Виссарионович Иванович, рожден в декабре 1879 года, сын сапожника из Тифлиса Ивана Виссарионовича и его жены Екатерины. Служит при тифлисской газете «Демократическая конституция». Роста ниже среднего, волосы и борода черные, полный, глаза карие, нос большой, лицо корявое. (Предположительно под этой фамилией скрывается государственный преступник Джугашвили.)

Анатолий Васильевич Воинов, он же Луначарский, журналист, до недавнего времени проживал во Флоренции, роста среднего, носит пенсне, борода и усы русые.

Сведения о других делегатах будут мною переданы в департамент по мере работы нашей агентуры.

Здесь, в Стокгольме, до меня дошла весть о трагической гибели моего несравненного друга полковника Игоря Васильевича Попова. Я пытался предупредить департамент о готовящемся в Варшаве злодеянии, отправил шифрограмму. Неужели мое сообщение запоздало?! Совесть моя перед светлой памятью покойного чиста, я сделал все, что мог, дабы предотвратить его безвременную гибель.

Не зная до конца все перипетии дела, могу, однако, высказать предположение, что сейчас настала пора ударить польскую социал-демократию, ударить сокрушающе, обвинив партию в преступлении закона и норм военного положения. Сие означает виселицу для преступников, виселицу, и только.

Сегодня я отправляю на собеседование с Дзержинским агента Л. Ероховского, которого связывала трогательная дружба с покойным Поповым И. В. Смею полагать, что будущие показания Л. Ероховского позволят тем газетам, которые связаны с нами, открыть массированную кампанию против СДКПиЛ, авторитет коей в Привислинском крае растет угрожающе.

Пока еще рано давать анализ тем материалам, которые мне удалось получить о работе съезда РСДРП, однако предварительное мнение складывается таким образом, что победит умеренная часть партии и, таким образом, план, начатый по Вашему указанию еще зимою, принесет свои благие результаты. Ленин, вероятно, будет вынужден замолчать; таким образом, наиболее опасный социал-демократический пропагандист будет изолирован надежно.

С надеждой на скорую встречу,

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Г. Глазов».

«Господин Кжечковский!

Я обязан написать Вам это письмо. Я понял это после того, как мы с Вами расстались сегодня вечером. Я легко схожусь с людьми, ибо не люблю их, Ян Эдмундович. Странно, я ехал сюда с острым чувством ненависти к Вам и Вашим товарищам, которых винил в смерти единственного светлого человека, промелькнувшего кометою-мечтою, а после нашего разговора понял, что виноваты в ее гибели не Вы, ни даже ее прямой истязатель Попов, а я, Леопольд Ероховский, он же Элькин, он же Коромыслов, сын дворянина, внук ксендза, мразь и червь.

Я не очень-то могу понять сейчас — в голове не мысли, а примороженные капустные листья,— когда началось мое падение. Детство я прожил в доме деда; помню лишь бритую шею и холодные длинные руки, лежащие на черном дубовом столе, и никогда — на моей голове, на плечах, на колене. Помню первые уроки деда: «Человек призван на землю, чтобы царствовать. Прародители свершили страшный грех, и человек лишился своего царственного сана, попал в подчинение к природе, не смог остаться Высоким, сделался тварью. Его первый грех осквернил землю, за него проклята она была. И это-то проклятие стало проявляться в войнах, в смерти, в обреченности дней, в голоде и жажде». Когда я переехал в город, в дом отца, разорившего семью карточною игрой, единственным моим занятием сделалось чтение книг — у отца осталась громадная библиотека деда — по дворянской, а не ксендзовой линии. Я сидел в душной комнате, и перед моим взором вставала история. И эта история входила в противоречие со словами деда, сурового, но справедливого ксендза, отца рано умершей матери, и это противоречие терзало мое сердце. Раз человек прошел эволюцию от страшных дней царствования готтентотов: «Что принадлежит мне, то есть мое, а что мне не принадлежит, то обязано стать моим»,— до искупления Христа, а после этого очищения настала инквизиция, которая запятнала Христову веру кровью невинных, то, значит, все дозволено в мире, все угодно, существует лишь два отправных момента, необходимых истории,— грех и искупление. Но это же хлеб и зрелища? Блуд и исповедь? Это же всепозволенность! И я пошел к отцу за советом — к кому идти, как не к отцу? Я не стану описывать, что было во время этого страшного разговора, не надо этого. Но я с тех пор верю, что человек становится рабом, злым, маленьким рабом, отнюдь не только после жестокого избиения или унизительного голода. Нет, воспитание, первые детские годы, дом определяют личность человека, закладывают основополагающий фундамент. Человека можно сделать трусливым рабом, лишив его права бесстрашно высказывать свою мысль. Любил ли меня отец? Да. Но его любовь была рождена страхом за меня, вы помните события семидесятых годов, когда за каждое вольное слово отправляли в Сибирь? Да, отец любил меня, боялся за будущее, и его любовь меня закабалила, лишила «я», подчинила его эгоистическому страху. Порабощение — даже любовью — есть убийство. Отец меня убил. Я перестал быть мыслящим существом, я бежал мыслей, я боялся огорчить отца вопросом, я боялся его гнева, поскольку мне казалось, что во гневе он умрет и я останусь один в этом мире жестокости и порабощения. Когда отец умер, я постепенно начал ощущать себя, но это ощущение было странным: это была тоска плоти. И тогда произошла вторая трагедия: книжник восхотел ласку, книжник придумал себе идеал, но ведь любовь — это всегда противоборение тяги к данной женщине, и осознание божественного идеала, что стоит за объектом твоей страсти. Вы простите мой стиль, я пишу в последний раз, поэтому красуюсь, и ничего не могу с собою поделать, но, я верю, Вы относитесь к числу людей, обладающих редким даром понимать. Я ухожу спокойно и осознанно, ибо хоть один человек поймет меня, а всякое понимание — путь к прощению. Нет, я не заслуживаю прощения. Я не прошу его.

Продолжение следует.

СЧИТАЙТЕ МЕНЯ ЖИВЫМ

Так называется книга стихов выдающегося сына адыгейского народа — поэта, журналиста, политрука, Героя Советского Союза Хусена Андрухаева, изданная в Майкопе, столице Адыгеи.

...Подвиги героев часто венчаются легендами. В этих легендах — самое сокровенное, что таится в человеческом сердце. Казалось бы, нет слов более высоких, чем легенда. Но в эту высшую земную аттестацию нередко вносит поправки сама жизнь. То, что подтверждается документами, подчас сильнее легенд.

Короткой и яркой, как вспышка молнии, была жизнь Хусена Андрухаева.

В аулах Адыгеи о нем давно сложены песни, написаны и пишутся стихи, из уст в уста передаются сказания. Впрочем, разве только в аулах Адыгеи? И на донской земле, в казачьих хуторах и станицах, где Хусен бесстрашно сражался против фашистов, в степях Украины, а особенно в донецком селе Дьякове, где выпал его немеркнущий звездный час...

В родном адыгейском ауле Шовгеновском Хусену поставлен памятник. В Адыгее его имя носят улицы, школы, библиотеки. На Украине, в селе Дьякове, также поставлен памятник, создан музей, посвященный его жизни и его бессмертному подвигу. Андрухаев — один из первых советских писателей, удостоившийся высокого звания Героя Советского Союза.

...Да, его жизнь сильнее легенды.

За селом Дьяковом над степью — безымянная высота. Вдали, в полуденном мареве, шахтерские поселки, задымленные терриконы. С той поры, как на этой высоте в жестоком и неравном бою пал поэт-политрук Хусен, народ назвал высоту Андрухаевской и установил памятную плиту: «Здесь погиб Герой Советского Союза Хусен Андрухаев».

А было так. На высоте поздней осенью сорок первого разгорелся яростный бой. На горстку наших храбрецов цепь за цепью надвигались фашисты. Упал тяжело раненный командир роты. Командование принял политрук Андрухаев.

Фашисты окружили наших бойцов. Политрук приказал прорываться, отходить. Всем. Бой принял на себя. Атака гитлеровцев застопорилась. Перебегая по окопу с места на место, Хусен бил по атакующим из пулемета.

Когда же настала последняя минута, когда фашисты были рядом и уже торжествующе кричали: «Рус! Сдавайс!» — адыгеец Хусен с презрением бросил врагам: «Русские не сдаются!» Последняя андрухаевская граната разметала врагов. Погиб и Хусен.

Заместителю начальника Политуправления Южного фронта, бригадному комиссару Леониду Ильичу Брежневу принесли листки в пятнах крови, обгоревшую фотографию — все, что осталось от партийного билета поэта-политрука. Бригадный комиссар сказал:

— На советской земле Хусен был хозяином, и не мог он ответить немцам иначе, как «Русские не сдаются...».

Газета «Правда» в номере за 28 марта 1942 года писала в передовой статье: «Никогда не сотрется в памяти подвиг доблестного сына советского народа младшего политрука Хусена Андрухаева, геройски погибшего в неравном бою с захватчиками».

Герою шел всего двадцать второй год... Что было на нескольких страничках его короткой жизни? Аул Шовгеновский, в котором он родился 2 марта 1920 года. Добрые сказки матери Кутас Андрухаевой. Семилетняя школа в родном ауле. Первые трудовые шаги на полях шовгеновского колхоза. Первые стихи. Адыгейское педагогическое училище. Участие в первом съезде писателей Адыгеи. Комсомол. Работа в областной газете «Социалистическэ Адыгей». Учеба в военно-политическом училище. Фронт. Вступление в партию...

И хотя он погиб в сорок первом, его снайперская винтовка № КЕ-1729 уничтожала фашистов и в сорок втором, и в сорок третьем, и в сорок четвертом, и в сорок пятом, и ныне эта винтовка Хусена, ставшая символом интернационального братства, как святыня хранится в экспозиции Центрального музея Вооруженных сил СССР.

Почему солдаты считали эту винтовку символом боевого содружества народов? От адыгейца Хусена Андрухаева она перешла в руки старшины, сына России Николая Ильина; когда погиб в бою снайпер Ильин, эту винтовку взял в свои руки солдат-украинец Афанасий Гордиенко... Все они пали смертью храбрых.

...Да может ли какая-либо легенда сравниться с правдой о Хусене и его товарищах!

Много лет назад, когда Хусен робко выходил на первую поэтическую тропку, рядом с ним шел его товарищ и друг, поэт Киримизе Жанэ. Это ему в годы войны писал Андрухаев: «Дорогой Киримизе! Закалимся, научимся сражаться, как полагается воину. Это теперь — главное. Поистине, поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!»

Они оба оставались и поэтами и гражданами. После войны Киримизе Жанэ стал известным писателем, автором многих книг, ныне он ответственный секретарь Адыгейской писательской организации.

Жанэ бережно хранит память о друге, рассказывает людям о жизни Хусена, о его стихах, о его борьбе. Недавно в Москве вышла новая книга Жанэ, посвященная его собрату. Она так и называется «Хусен Андрухаев».

Некоторое время назад в Майкопе Адыгейским отделением Краснодарского книжного издательства выпущена в свет книга стихов Андрухаева «Считайте меня живым». Стихи Хусена напечатаны в сборнике на адыгейском и русском языках. На русском языке она вышла впервые.

Составил книгу и написал предисловие к ней Киримизе Жанэ. Перевела стихи с адыгейского на русский Валентина Творогова. Благодаря усилиям друзей широкие круги советских читателей получили возможность познакомиться с самобытными, боевыми стихами Хусена Андрухаева — политрука пулеметной роты 733-го стрелкового полка ордена Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова Харьковско-Пражской 15-й гвардейской стрелковой дивизии.

Есть в поэтической книге Хусена стихотворение: «Я буду петь». Не зря оно открывает сборник.

Я сын Октября, я Отчизне
служу,
И радость, как солнце, во мне.
Я новую песню сегодня сложу
О нашей любимой стране...
Пусть будет она о любви
и весне,
О вас, дорогие друзья.
Она мне поможет в труде
и в огне —
Та главная песня моя.
И если мне трудно придется
в бою —
Оружием станет она.
Я песню свою до конца допою,
Мне с нею и смерть не страшна.

Написанные почти сорок лет назад, стихи Хусена и сегодня полны жизни.

Хусен сдержал свою клятву. Он до конца допел песню, выполнил свой сыновний долг перед Родиной. И потому удивительно правомочно зовущее название его звучащих в сердце стихов: «Считайте меня живым».

Он остался живым в своих стихах!

Михаил АНДРИАСОВ

ЛУННЫМ

Алим КЕШОКОВ

●

Кавказу сабель памятны удары,
Менялись ханы, враг сменял врага,
Но вновь брели по склонам гор отары,
И под луной светилися стога.

Когда мужей воинственных потомок
Распахивал долину или луг,
Мог череп конский иль клинка обломок
Ему привычно угодить под плуг.

Не зря, где извивается тропинка,
Вершина есть, подобная седлу,
И облик сабли обрела травинка,
И видишь башню, глядя на скалу.

И кажется порою предметельной,
Что падает с деревьев не листва,
А недопетой песни колыбельной
Оборванные пулями слова.

О том, наверно, шепчутся чинары,
Что совесть гор пречиста, как снега.
Бредут по склонам тучные отары,
И лунным светом светятся стога.

●

Это многие люди познали
До меня и со мной наравне:
В час сомненья и в пору печали
Верный друг нам дороже вдвойне.

Ощутима ли сердцем заслуга
Честной радости, если с тобой
Нет на празднике верного друга,
Что тебе был ниспослан судьбой?

С верным другом надежней дорога
И отраднее радость всегда.
И становится легче намного
Разделенная с другом беда.

ХУДОЖНИК В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

СВЕТОМ СВЕТЯТСЯ СТОГА

●

Казалось многим в отчей стороне,
Что он рожден удачей на коне.
Промолвит слово, и тотчас, как эхо,
Даль вторит слову баловня успеха.

И верили иные на веку,
Что он срывает звезды на скаку.
И оставался тайною для всех
Его полузагадочный успех.

Но сам он, как в часы дурного сна,
Порой не ощущает стремена.
И призрачными кажутся все чаще
Ему былой удачи времена.

КОМОРСКИЕ ОСТРОВА

Семь островов в объятьях океана...
Когда-то встарь сюда с материка
Явились люди сквозь гряду тумана,
Как лунный полукруг сквозь облака.

И здесь обосновались, неопальны,
Храня аллаху верность прежних дней.
И для жилищ отесывали пальмы,
Чуть свет ножи достав из-за ремней.

И Лунными они назвали эти
Базальтовой породы острова,
И стали в океане ставить сети,
И вырубать из камня жернова.

И, сторонясь материка поныне,
Живут коморцы, и уклад их стар,
Хоть лайнер снова из небесной сини
Бросает тень, летя на Занзибар.

Шафрановые женщины в становье
Непраздного достоинства полны,
Чьи гибкие, как хоботы слоновьи,
Тела мерцают отсветом луны.

Им ни к чему стеснительные лифы,
И смотрят вдаль они из-под руки,
Когда через коралловые рифы
Плывут домой на бревнах рыбаки.

Здесь жарче вдвое, чем у нас в июле,
И редок дождь, как небесам ни льсти.
Счет дождевой воде не потому ли
Приходится по капелькам вести.

Европы страсть к Востоку не погасла,
И потому с Коморских островов
Она везет кокосовое масло
И черепах для дорогих пиров.

Семь островов в объятьях океана,
И, с целым миром потерявший связь,
Я засыпал здесь, слыша гул вулкана,
В минувший век нежданно возвратясь.

●

Темнеет ночь, как погреб винный,
А наверху, вознесена,
Собой венчает пир старинный
Вновь чаша красного вина.

И словно слышу гул застолья,
Друзей веселых голоса,
И страсть когтит меня соколья,
Подсвечивая небеса.

До капли ночь испить нет мочи,
И вещий знак скользнул к волне,
Где, утонувший в бездне ночи,
Корабль покоится на дне.

ЦАРЬ-ПУШКА

Эту пушку отлить мастера
Постарались для главного боя,
Чтоб Царь-пушка калибром ядра
В нем ядро затмевала любое.

Этой пушкой на царских пирах
Во хмелю доводилось придворным
Похваляться соседям на страх
И на страх племенам непокорным:

«Видит бог, как откроем пальбу
Сокрушающей тяжестью ядер,
Враз решим мы победно судьбу
Крепостных твоих стен, неприятель!»

Уходили войска на войну,
Но Царь-пушка была не при деле.
И, свезенные в груду одну,
Здоровенные ядра ржавели.

Снилось пушке, что в бой битюги
Мчат ее, запряженные цугом,
Но гремели годов сапоги,
А к ее не прибегли услугам.

Был наводчик при ней не у дел,
Как заране в отставку попавший...
Снова благословляю удел
Этой пушки,
вовек не стрелявшей.

Зарождалось жерло от жерла,
И, смертельной тревогой измучась,
Чает мир,
натянув удила,
Чтоб Царь-пушки
царь-бомба могла
Повторить легендарную участь.

●

Ложь была пылинкой, эка малость!
И однажды, притаясь в глазу,
До того всесильной оказалась,
Что из глаза вышибла слезу.

Обернулась ложь огнем всезримым.
Спохватились,
спрятали в шелка.
Но сквозь шелк она прорвалась дымом,
Зримым из любого далека.

Перевел с кабардинского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Только что вышла отдельной книгой ранняя повесть Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» с цветными иллюстрациями Ильи Глазунова.

Художник много лет напряженно работает над произведениями Достоевского. Примером проникновения в глубину замыслов великого писателя могут служить иллюстрации Глазунова к «Белым ночам», ставшие значительным достижением в его творчестве.

Иллюстрировать произведения Достоевского — задача необычайно трудная. Отличие его поэтики, давно отмеченное исследователями, состоит в том, что выразительности внешнего, «ясности телесного» облика достигает Достоевский не прямыми описаниями, а особенностями языка, диалогом, передачей внутренней, духовной жизни героев. Чрезвычайно скупа и колористическая манера писателя. Этими чертами отличается и «Неточка Незванова», повесть-исповедь о детстве и ранней юности необыкновенно впечатлительной, мечтательной, способной на исключительную привязанность нервной и болезненной девочки, чья жизнь началась на петербургских чердаках.

Грустно-сосредоточенно смотрит на нас Неточка с обложки книги. Бескровное личико, недетская скорбь в ушедших в себя светлых глазах и крепко сжатых губах. За ней — холодный, дождливый, ветреный Петербург. Мы еще не раз встретимся в книге с ее портретами, художник будет пристально наблюдать за изменением облика героини, но именно первая встреча с Неточкой на мокрой петербургской набережной погружает нас в атмосферу повести, в грустную жизнь, о которой начинает она рассказывать щемяще просто: «Отца моего я не помню. Он умер, когда мне было два года. Мать моя вышла замуж в другой раз».

И. Глазунов исключительно строг и точен в выборе изобразительных средств. Он бережно помогает читателям перенестись в действительность, описанную Достоевским, сосредоточиваясь на композиционных узлах повести.

Вот Ефимов, отчим Неточки, талантливый, но пренебрегший своим даром музыкант, рядом с капельмейстером-итальянцем, научившим его игре на скрипке. «Дьявол побратался со мною»,— скажет об этом человеке Ефимов. И впрямь, с какой-то сатанинской усмешкой смотрит на юношу обросший седой щетиной, спившийся капельмейстер, и видно, что «сильно и тяжело» ощущает свой талант и свое будущее Ефимов. Мастер портрета, Глазунов достигает большой выразительности в этом листе. Светлый профиль Ефимова резко контрастирует с темным, жутковатым лицом итальянца; широкий, вольный русский простор вокруг и даже радуга на небе, кажется, говорят о великих возможностях, открывающихся перед молодым, одаренным человеком. Но загубил он свой дар.

Эта повесть Достоевского несет в себе его раздумья о необходимости для всякого таланта сочетания любви к искусству с неустанным трудом, о терниях, усыпающих путь художника, о природе творчества.

Зловещее закатное небо, морозный голубой снег, тревожно горящие окна трактира и сгорбленная фигура опустившегося, дурно одетого Ефимова, встретившегося у трактира с музыкантом Б.,— так лаконично передает художник падение отчима Неточки в другом листе.

И. Глазунов прекрасно чувствует и пишет Петербург, суровый город бедных людей, таинственный и прекрасный в загадочности белых ночей, обольстительный и страшный. Но главное в его иллюстрациях — люди. Мятущиеся, талантливые, страждущие. Художник достигает разительного психологического проникновения в портретные характеристики героев Достоевского. Тема человека, его духовных испытаний, поиск жизненной правды находят в этих листах яркое отражение. В иллюстрациях Глазунова к «Неточке Незвановой» чувствуется влияние лучших традиций «Мира искусств», и вместе с тем именно в работе над Достоевским с особой пронзительностью проявляется самобытность дарования художника.

Рассказ Неточки о своей жизни обрывается внезапно, и горящая свеча, раскрытые ноты и прозрачный петербургский пейзаж на последнем рисунке как бы символизируют будущность героини — ее музыкальную одаренность и живую, трепещущую душу.

В заключение нельзя не сказать о работе издательства и Ленинградской ордена Трудового Красного Знамени типографии имени Ивана Федорова над этой книгой. Они сделали многое для того, чтобы новое издание повести Достоевского стало настоящим произведением полиграфического искусства.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова. Художник Илья Глазунов. М., «Художественная литература», 1978, 200 стр.

100-ЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА

1878 – 1978

ТУРГЕНЕВ И ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ

Галина ВИННИКОВА,
кандидат филологических наук

В дни, когда отмечается столетие освобождения Россией Болгарии от пятивекового османского ига, как нельзя более уместно вспомнить о некоторых фактах из жизни Ивана Сергеевича Тургенева, связанных с этим важнейшим историческим событием, о его деятельности писателя и гражданина, способствовавшей приближению победы двух братских народов.

Борьба болгарского народа за свободу — одна из главных тем ряда его произведений, и прежде всего романа «Накануне».

Герой этого романа Инсаров—болгарин, борец за свободу своей родины. Действие романа происходит в 1853 году, в начале Крымской войны, как раз в тот момент, когда пламя освободительного движения болгарского народа вспыхнуло особенно ярко.

Надеясь на помощь России, болгары еще весной 1853 года, когда ожидалось начало военных действий, заметно активизировали свою борьбу. Только в России все порабощенные Турцией народы видели тогда «свою единственную опору, свою освободительницу...» Но поражение России в Крымской войне отодвинуло их надежды. Им вновь предстояло ждать и накапливать силы для будущих решительных боев.

Очень тяжело переживая военные неудачи России, Тургенев тогда даже стремился принять участие в боевых действиях.

Так, в письме от 30 октября 1854 года (недавно опубликованном) он писал: «Признаюсь, я охотно пожертвовал бы своей правой рукой, лишь бы ни один из вторгшихся к нам врагов... не остался безнаказанным, и если я о чем-нибудь сожалею, то лишь о том, что я не избрал для себя военного поприща,— быть может, мне удалось бы пролить свою кровь, защищая родину...»

Что может спасти Россию от поражения в войне?.. Вопрос этот не давал Тургеневу покоя ни на минуту. Это видно из ставшего известным в последнее время его письма от 22 февраля 1855 года: «Множество литературных планов роится в моей голове... но время теперь не литературное. Сейчас по всей империи формируется народное ополчение — офицеры ополчения будут в апреле выбираться по моей губернии. Если я окажусь в их числе — что ж! — я мужественно сменю перо на ружье и постараюсь выполнить свой долг настолько энергично, насколько это будет в моих силах. Наша страна вступает в период серьезного кризиса — нужды в наших руках испытывать ей не придется».

Но «сменить перо на ружье» Тургеневу не пришлось. Перо навсегда осталось его главным оружием. И вскоре после окончания войны он, не потеряв веры в грядущую победу многострадального болгарского народа, пишет роман «Накануне», весь проникнутый этой верой.

В основу сюжета «Накануне» положена подлинная история любви русской девушки к болгарскому просветителю, с которым она навсегда связала свою жизнь, сделавшись верным его помощником.

Но под пером писателя и сама эта история и ее герои стали гораздо значительнее, а их деятельность приобрела весьма актуальный общественно-политический смысл.

Знаменательно, что Тургенев, хорошо знавший биографию прототипа Инсарова — болгарина Катранова (многие внешние факты ее совпадают с фактами биографии Инсарова), изменяет в ней главное: его герой, в отличие от Катранова, не просто поэт-просветитель, готовящийся к полезной для родины деятельности, и прежде всего педагогической, но человек, уже активно участвующий в начавшейся революционной борьбе против поработителей.

Один из персонажей романа, рассказывая Елене о жизни Инсарова, говорит: «Турецкое правительство преследовало его, и он, вероятно, в эти два года подвергался большим опасностям; я раз увидел у него на шее широкий рубец, должно быть, след раны; но он об этом говорить не любит».

Кроме того, если Катранов в 1853 году вернулся в Болгарию, чтобы учительствовать там, то Инсаров в том же году возвращался туда, чтобы принять участие в готовившемся там восстании против турецкого владычества. Воодушевленный победами России, он был полон надежд. «Все обаяние Инсарова,— писал Добролюбов,— заключается в величии и святости той идеи, которой проникнуто все его существо».

И Елена, осознав величие и святость идеи «народного общего отомщения», которая вела Инсарова, ради нее жертвует всем, чем жила до сих пор. Отныне Инсаров и его борьба становятся для нее дороже всего на свете, и она идет за ним, чтобы разделить его опасную и тяжелую жизнь, разделить его судьбу.

И очень важно, что героиня романа Тургенева, как это было отмечено уже давно, стала как бы прототипом самоотверженных русских женщин, добровольно уехавших в Болгарию, чтобы принять участие в борьбе за ее освобождение во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Роман «Накануне» сыграл очень важную роль в судьбе тех прекрасных, мужественных русских женщин, которые добровольно разделили долю сражающегося народа Болгарии. Роман привлек их внимание к этой стране, помог им сделать свой выбор. Помог он сделать этот выбор и Юлии Вревской, близкому другу Тургенева, как бы повторившей подвиг Елены.

Известный болгарский ученый Велчо Велчев писал о Вревской: «Она является выражением тех исканий русской интеллигенции, которые впервые были отмечены Тургеневым в образе Елены Стаховой. Будучи похожей на Елену, Вревская в известном смысле повторяет ее жизненный путь и участь».

С этой замечательной русской женщиной Тургенев познакомился в 1873 году, и почти сразу же между ними установились очень теплые, дружеские отношения. Завязалась переписка.

Иван Сергеевич и Юлия Петровна много раз встречались. Летом 1874 года Вревская несколько дней провела у Тургенева в Спасском. Когда она уехала, Иван Сергеевич писал, что ее посещение «оставило глубокий след» в его душе. «...В моей жизни,— признавался он ей,— с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться».

Ю. П. Вревская, дочь генерала П. П. Варпаховского, родилась в 1841 году. Все ее детство прошло на Кавказе, где служил ее отец. В 1857 году она вышла замуж за прославленного, близкого к декабристам, воевавшим в то время на Кавказе, генерала И. А. Вревского. Однако уже в 1858 году она овдовела — ее муж скончался от тяжелого ранения.

Жизнь светской дамы, прельщавшая большинство женщин ее круга, для нее была невыносима. Эта умная, необыкновенно добрая, волевая женщина рвалась к другой судьбе, мечтала о подвиге самопожертвования... Лишь началась освободительная война в Болгарии, Вревская сразу поспешила уехать туда.

Когда Тургенев узнал об этом намерении Вревской, он писал ей: «Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным — и чтобы Ваше здоровье не потерпело... с великой нежностью целую Ваши милые руки, которым предстоит делать много добрых дел».

Последняя встреча Тургенева с Вревской состоялась летом 1877 года в Павловске, где они вместе навестили поэта Я. П. Полонского. В тот день Вревская была уже в костюме сестры милосердия. С ее лица не сходила улыбка. Она была счастлива: ее мечта сбывалась, она будет служить людям, которые нуждаются в ее помощи.

На свои средства организовав добровольческий санитарный отряд, Вревская вскоре выехала из Петербурга и уже в июле того же года с другими сестрами милосердия Свято-Троицкой общины прибыла на фронт — в румынский город Яссы, где и работала некоторое время в военном эвакуационном госпитале.

Здесь начался последний, недолгий, трагический, полный подвижничества период ее жизни.

Изнурительный, почти без отдыха и сна труд быстро подорвал слабое здоровье Вревской. Ей дали отпуск, но она отказалась от него. Отказалась, чтобы тут же отправиться туда, где шли бои и где ее помощь была особенно нужна сражавшимся солдатам.

В короткие свободные минуты Вревская писала письма на родину родным и друзьям. Известны несколько ее писем к сестре и одно к Тургеневу. Это прекрасно написанные маленькие новеллы о беспримерном подвиге и великих муках, выпавших на долю русских солдат.

Вот письмо к Тургеневу:

«Родной и дорогой мой Иван Сергеевич. Наконец-то, кажется, буйная моя головушка нашла себе пристанище, я в Болгарии, в передовом отряде сестер.— До Фратешти я доехала железной дорогой, но в Фратештах уже увидела я непроходимую грязь, наших сеструшек (как нас называют солдаты) в длинных сапогах, живущих в наскоро сколоченной избе, внутри выбитой соломой и холстом вместо штукатурки. Тут уже лишения, труд и война настоящая, щи и скверный кусок мяса, редко вымытое белье и транспорты с ранеными на телегах. Мое сердце екнуло, и вспомнилось мне мое детство и былой Кавказ. Мне было много хлопот выбраться далее... на мое счастие подоспел транспорт из Белой, и я, забравшись в фургон под покровительством урядника, казака и кучера, двинулась по торным дорогам к Дунаю... Мост в Тотрошанах не внушителен. Дунай — белая речонка, невзрачная в этом месте. На следующий день атака турок 14 ноября была направлена на этот пункт, и я издали видела бомбардировку из Журжева, и грохот орудий долетал до меня. Дороги тут ужасны, грязь невылазная. Я ночевала в болгарской деревне... Как я только нашла себе избу для ночлега, ко мне явились два солдатика, узнавшие, что приехала сестра; они предложили мне свое покровительство, было трогательно видеть, как наперерыв и совершенно бескорыстно они покоили меня, достали все, что можно было достать, расспрашивали про Россию и новости, просидели со мною весь вечер, повели меня на болгарские посиделки, где девушки и женихи чистят кукурузу. Многие из них в самом деле очень красивы, и поэтично видеть весь этот молодой люд при свете одной свечи... Меня приняли отлично, угостили церином (бобами с перцем, кукурузой и вином) и уложили на покой, т. е. предоставили мне половину довольно чистой каморки. На другой половине улеглись мои хозяйка с ребятишками. Я, конечно, не спала всю ночь от дыма и волнения, тем более, что с 4 часов утра хозяйка зажгла лучину и стала прясть... Обязанная совершить свой туалет в виду всей добродушной семьи, я, сердитая и почти не мытая, уселась в свой фургон, напутствуемая пожеланиями здравия. В нескольких местах мне пришлось переправляться через речку вброд и проезжать турецкие деревни оставшихся тут турков. Белая — красиво расположенное местечко, но до невероятия грязное. Я живу тут в болгарской хижине, но самостоятельно. Пол у меня — земляной и потолок на четверть выше моей головы; мне прислуживает болгарский мальчик, т. е. чистит мои большие сапоги и приносит воду, мету я свою комнату сама, всякая роскошь тут далека, питаюсь консервами и чаем, сплю на носилках раненого и на сене. Всякое утро мне приходится ходить за три версты в 48 госпиталь, куда я временно прикомандирована, там лежат раненые в калмыцких кибитках и мазанках. На 400 человек нас 5 сестер, раненые все очень тяжелые. Бывают частые операции, на которых я тоже присутствую, мы перевязываем, кормим после больных и возвращаемся домой в 7 часов на телеге Красного Креста... Я получила на днях позволение быть на перевязочном пункте, если будет дело,— это была моя мечта, и я очень буду счастлива, если мне это удастся. У нас все только и речь, что о турках и наступлении на Тырново и пр. Тут чувствуется живая струя жизни и опасности. Я часто не сплю ночи напролет, прислушиваясь к шуму на улице, и поджидаю турок... Иду ужинать, прощайте, дорогой Иван Сергеевич... Преданная Ваша сестра Юлия».

Со своей сестрой Вревская была еще откровеннее, да и письма к ней — более поздние, когда Юлия Петровна вплотную «подошла» к войне: спасала раненых на поле боя. Именно сестре, которой рассказывала о том, как находилась «на самом передовом пункте», где «сцены были ужасные и потрясающие», она писала: «...хотя я терплю тут большие лишения, живу чуть не в лачуге, питаюсь плохо, но жизнь эта мне по душе и мне нравится». И это потому, что она знает: ее тяготы — пустяки по сравнению с теми мучениями, которые переносят здесь, рядом, солдаты, и великое счастье, искупающее все,— помогать им.

Когда началась эпидемия тифа, Вревская, ухаживая за больными, заразилась, и 24 января 1878 года ее не стало.

Свято чтут в Болгарии память русских воинов-освободителей, принесших на землю, пятьсот лет томившуюся под жесточайшим игом завоевателей, долгожданную свободу и отдавших за нее свои жизни.

И. С. Тургенев.

Ю. П. Вревская в Болгарии.

Среди этих погибших героев — русская женщина Юлия Петровна Вревская. В небольшом болгарском городке Бяла, где она скончалась, есть Военно-исторический музей памяти русских воинов и у стен его — вся в цветах могила Юлии Вревской.

Памяти Вревской посвятил большое стихотворение «Под красным крестом» Я. П. Полонский.

Прочитав это стихотворение, Тургенев написал автору: «Я сам ежедневно с особым чувством скорби и жалости вспоминаю о бедной баронессе Вревской — и твое стихотворение в «Новом времени» вызвало слезы на мои глаза. Чудесное было существо...»

Тем же чувством величайшей скорби проникнуто и письмо Тургенева к П. В. Анненкову. «К несчастью,— писал он в нем,— слух о милой Вревской справедлив. Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо. У меня около 10 писем, написанных ею из Болгарии».

Памятником Вревской и ее подвигу стало созданное Тургеневым стихотворение в прозе «Памяти Ю. П. Вревской».

* * *

С середины 1876 года Тургенев вместе со всем русским народом жил уже в предчувствии освободительной войны. В Россию с Балкан все чаще и чаще долетал грохот канонады, и эхо ее болью отзывалось в сердцах русских людей.

Всегда с величайшим сочувствием относясь к национально-освободительной борьбе народов, Тургенев неизменно верил в их победу, верил он и в то, что именно с ней наступят необходимые перемены в отношениях между братскими славянскими народами.

Узнав об избрании его почетным членом пражского общества «Художественная беседа», Тургенев еще в январе 1876 года в своем ответе почтившим его дипломом этого общества писал: «Спешу взяться за перо, чтобы ото всего сердца поблагодарить вас за высокую честь, которой вы меня удостоили и которая тем особенно мне дорога, что она служит выражением и доказательством духовной связи, обнимающей все славянские народности и долженствующей, посредством взаимного обмена мыслей и чувств, принести со временем прекрасные и благотворные плоды». Поистине пророческие слова!

А несколько позже, в июле 1876 года, в поезде по дороге из Москвы в Петербург, он бессонной ночью сочинил полное гнева стихотворение «Крокет в Виндзоре». В нем писатель беспощадно обличал жестокое равнодушие английского правительства к ужасным страданиям болгарского народа. Стихотворение кончалось словами, обращенными прямо к английской королеве:

Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!

Стихотворение в России впервые было напечатано только в 1881 году, так как власти опасались вызвать его публикацией осложнения отношений с Англией. Однако это, как свидетельствует Тургенев, «не помешало этим виршам облететь всю Россию» и быть переведенными на многие языки.

Впервые на отдельных листках «Крокет в Виндзоре» был напечатан на русском языке в Лейпциге в 1876 году, а вскоре, опять же на языке подлинника, в болгарской эмигрантской газете «Стара планина».

Популярность этого стихотворения была необычайной. Оно воспринималось так, как будто автор его говорил от имени всех русских патриотов и поборников свободы, обличавших преступную политику не только английской, но и всей западной дипломатии.

Никакого выхода из создавшегося положения, кроме войны, Тургенев не видел. 21 ноября он писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне — гуманные чувства: они только и живут во мне и коли этому нельзя помочь иначе как войною — ну, так война! Зарезанные болгарские жены и дети были бы не христианской веры и не нашей крови — мое негодование против турок не было бы нисколько меньше. Оставить это так, не обеспечить будущность этих несчастных людей было бы позорно—и повторяю, едва ли возможно без войны».

А когда 24 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции, в душе Тургенева с каждым днем нарастало беспокойство. «Война, война тревожит меня постоянно»,— писал он тогда.

В начале войны некоторый успех сопутствовал русской армии. Форсировав Дунай, она подошла к болгарскому городу Плевену. Однако победы вскоре сменились рядом неудач. Предпринятые три штурма Плевена были отбиты турками, и наступающие войска понесли большие потери. Тогда же им пришлось отступить и на Кавказском фронте.

В связи с этими событиями Тургенев 3 августа писал: «Я должен сказать, что давно не испытывал такой патриотической скорби; предчувствия, самые мрачные, меня терзают. Я предвижу катастрофы, всяческие унижения и беды...»

А виновниками всех этих бед Тургенев справедливо считал прежде всего главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича. В тот же день он писал П. Л. Лаврову: «Не могу скрыть, что до безумия огорчен нашим поражением в Турции: вот что значит поручать великим князьям армии— точно игрушки детям! Но чем провинились наши бедные солдаты...»

Столь же резко критикует Тургенев великого князя Николая Николаевича и в письме к П. В. Анненкову. «Что касается до нашей войны,— писал он ему 13 августа,— то я должен сознаться, что продолжаю смотреть на все это дело с довольно мрачной точки зрения; не в состоянии я представить себе вел. князя Николая Николаевича в виде Цезаря — хоть ты что! Разве русское «авось» вывезет. Но никакое «авось» не спасет нас от банкрутства, к

которому мы подвигаемся исполинскими шагами».

Как свое личное огромное горе переживал Тургенев и все последующие несчастья войны, выпавшие на долю русских солдат, самоотверженно вступившихся за порабощенные народы.

14 сентября он писал своему приятелю А. В. Топорову: «...на душе скребет и гложет ото всего того, что происходит у нас, в Турции и т. д. Вот хоть теперь: целую неделю томит неизвестность, чем же кончится наконец эта бойня под Плевной, сердце замирает, когда приносят журнал...»

А в августе 1877 года, когда русская армия совместно с болгарским народным ополчением вела тяжелейшие оборонительные бои у Шипки, Тургенев создал стихотворение в прозе «Дрозд (II)», переполненное жгучей, нестерпимой болью, которую испытывал тогда он, страдая за свой народ. В этом стихотворении Тургенев говорил: «... не думаю я о моей ране. Меня терзают другие, бесчисленные, зияющие раны; из них багровыми потоками льется родная, дорогая кровь, льется бесполезно, бессмысленно, как дождевые воды с высоких крыш на грязь и мерзость улицы...

Они гибнут без ропота; их губят без раскаяния; они о себе не жалеют; не жалеют о них и те неумелые вожди...»

Не успокоила Тургенева и первая весть о победе русских войск у горы Аладжа, в Закавказье, где 15 октября они нанесли поражение противнику.

И только когда пришло, наконец, известие о большой победе русских под Карсом, Иван Сергеевич от всей души радовался, радовался и связывал эту победу с появлением на фронте «красного» генерала Н. Н. Обручева.

Однако до решающей победы было еще далеко, и Тургенев продолжал напряженно следить за всем происходившим на фронте. 4 декабря писал своему брату: «Как и все русские, я порадовался взятию Карса; это очень блестящее дело. Но война от этого не прекратится...»

10 декабря 1877 года в войне наступил перелом — русские войска при участии румынской армии взяли Плевен. 9 января 1878 года было завершено Шипко-Шейновское окружение большой вражеской группировки, после чего, перейдя в наступление, русские войска двинулись в направлении столицы Турции. Вскоре ими были заняты София и Филиппополь, а 20 января — Адрианополь.

Тургенев тотчас откликнулся на это событие. 21 января он писал Анненкову: «Итак, русские в Адрианополе!! Чудеса — да и только!» И вновь — беспокойство о будущем: «Но выйдет ли из этого мир? И какой мир? Англия, кажется, поднимает хвост. Но злость ее на нас — безгранична».

Эти же мысли не покидают Тургенева и в последующие дни. 23 января он из Парижа пишет Полонскому: «А в Турции совершаются чудеса! Здесь все рты разинули от последних наших побед, занятия Адрианополя и т. д. Дай бог заключить скорее почетный и прочный мир!»

А сразу после наступления мира, освободившего Болгарию в 1878 году, уже давно установившиеся связи Тургенева с болгарскими общественно-политическими прогрессивными деятелями заметно расширились.

Так, в 1879 году, в дни, когда вся передовая Россия чествовала Тургенева, в Петербурге среди приветствовавших его слушательниц Высших женских курсов была болгарка Вела Живкова, с которой у Ивана Сергеевича впоследствии установились очень добрые дружеские отношения.

Вела Живкова, ставшая вскоре женой и верной соратницей выдающегося деятеля революционно-демократического движения в Болгарии, основателя ее коммунистической партии Димитра Благоева, всю свою жизнь, как и он, посвятила борьбе за освобождение болгарского народа. Много сил отдала она и борьбе за эмансипацию женщин. Велики ее заслуги и в деле сближения болгарского и русского народов.

И тем, что Вела Живкова стала видной общественной деятельницей, она во многом, как это справедливо утверждает современный болгарский ученый В. Велчев, обязана Тургеневу.

«В. Живкова-Благоева,— пишет Велчев,— проводила те глубоко гуманные и демократические идеи, которые были заложены в творчестве Тургенева, служившем своим внутренним смыслом, как говорили народовольцы, делу народа».

Сердце юной Велы Живковой было преисполнено чувства глубокой благодарности Тургеневу как писателю, творчеством своим способствовавшему освобождению ее родины. Как все прогрессивные люди Болгарии, она прекрасно понимала, что Тургенев создал своими произведениями в русском обществе атмосферу большой симпатии к болгарам и их борьбе за свое национальное освобождение. Он воспламенил в дни освободительной войны 1877—1878 годов, говоря словами дочери известного общественного деятеля Болгарии Недялки Драгановой-Цанковой, «заложенный в русской душе порыв к подвигу и жертве».

Живкова понимала, что Тургенев помог освободительной борьбе болгар также и тем, что еще романом «Накануне» обратил внимание мировой прогрессивной общественности всего мира на эту борьбу.

Об огромном значении деятельности Тургенева для Болгарии, и для ее освобождения прежде всего, Вела Живкова писала в своих интереснейших, но пока, к сожалению, у нас мало известных воспоминаниях, посвященных ее знакомству и встречам с великим русским писателем.

Вот что, например, она рассказала в этих воспоминаниях об их первой встрече в Петербурге, которая произошла там как раз в дни чествования Тургенева: «...Русские женщины (курсистки) его встретили лавровыми венками и адресами с искренней благодарностью за те идеальные женские образы, на которых они воспитывались, читая его сочинения, и их радость была бесконечной». Сама Живкова, как она говорит, была счастливее многих других — так случилось, что она в тот незабываемый вечер оказалась рядом с Тургеневым и с огромным вниманием наблюдала за любимым писателем. «Я никак не могла,— пишет Живкова,— покинуть своего места у его плеча, не могла насмотреться на его добродушное лицо. Умный взор выразительных глаз гениального человека приковал меня...».

В тех же мемуарах Вела Живкова утверждала, что Тургенев «лучше всех понял сердце женщины», что «для женщины он сделал больше любого другого своего собрата». И именно поэтому, как она замечает далее, «русские курсистки и осыпали его почестями, каких редко удостаивался кто-либо из смертных».

Познакомившись с Тургеневым на этой встрече, Вела Живкова затем вступила с ним в переписку и, как видно из ее воспоминаний, навестила писателя зимой 1879—1880 года.

По ее свидетельству, Тургенев в это время особенно интересовался настоящим и будущим только что освобожденного и обретшего наконец свою национальную независимость болгарского народа. Продолжая с самым живым участием относиться к его судьбе, он много думал тогда о возрождении Болгарии. «Он,— пишет о Тургеневе Живкова,— с особым любопытством расспрашивал меня о нашей литературе и о нашем языке; спрашивал о нашем старом поэте Славейкове; он знал еще много других болгар из молодежи... он был убежден, что нашу благородную страну ожидает лучшая участь в политическом и экономическом отношении».

Живкова тогда же, к большой радости Тургенева, взялась перевести на болгарский язык роман «Отцы и дети». И именно это имея в виду, Тургенев в адресованном ей письме сказал: «...Я надеюсь, что труд ваш будет оценен вашими соотечественниками и послужит одним из звеньев той связи, которая должна установиться между Болгарией и нами...»

После освобождения Болгарии Тургенев делал все для исполнения его давней мечты, чтобы «посредством взаимного обмена мыслей и чувств» между русским и болгарским народами «способствовать развитию их духовной связи, которая, как он всегда верил, должна была в этих новых условиях начать приносить «прекрасные и благотворные плоды».

И Живкова, которая таким образом была привлечена Тургеневым к осуществлению этих его стремлений, сразу правильно их поняла и очень высоко оценила.

Приведя в своих воспоминаниях процитированный выше отрывок из письма Тургенева к ней, она сделала далее такой вывод: «Последние слова его многозначительны. Великий мыслитель считал необходимым установить нравственную связь между нашим и русским народом. Мы должны видеть в этом завещание того, кто всем своим сердцем любил наш народ, желал нам добра и верил в светлое будущее поборников свободы».

И далее Живкова обратилась к болгарскому народу с призывом выполнить это завещание Тургенева.

«Какие бы политические перевороты ни постигли наш народ,— писала она,— наши патриоты должны поддерживать эту связь между двумя народами, первое звено которой создано оружием; а закончить ее должны дипломаты и литераторы. Последние имеют особое влияние на сближение этих двух народов. В их трудах Иван Сергеевич видит самое лучшее средство познания одного народа другим; без этого нравственного сближения немыслимы братская любовь и единение, столь важные для нашего существования и свободного развития».

Известно, что уже в те давние времена эти великие идеи Тургенева были верно поняты и многими другими прогрессивными деятелями болгарского народа, взявшими на себя труд их осуществления.

В том же 1879 году состоялось знакомство Тургенева с болгарином Стефаном Бобчевым. В то время этот будущий крупный общественный деятель, ученый и публицист Болгарии был студентом Московского университета. Подобно Живковой, он также загорелся желанием перевести на болгарский язык произведения Тургенева — своего любимейшего русского писателя, встречу с которым считал для себя величайшим счастьем.

О своем знакомстве с Тургеневым Бобчев рассказал в статье, напечатанной в газете «Българин»: «Я имел случай представиться старику-романисту и испросил у него позволения перевести на болгарский язык «Накануне», героем которого является болгарский студент, а также некоторые рассказы из «Записок охотника». На мою просьбу Тургенев ответил согласием и обещал написать собственное предисловие к переводу».

21 марта того же года, в самый разгар его чествования, Тургенев отправил познакомившему его с Бобчевым профессору Московского университета М. М. Ковалевскому письмо, в котором говорится: «...я было хотел попросить Вас передать г-ну Бобчеву, что я не уеду из России, не переслав ему (на Ваш адрес) того небольшого предисловия к переводу «Накануне» — с рассказом о Катранове — которое я обещал». К сожалению, перевод Бобчева романа «Накануне» с предисловием Тургенева неизвестен.

Однако и роман «Накануне» и многие другие произведения Тургенева в результате активной деятельности прогрессивных болгарских литераторов и переводчиков приобрели широкую популярность в Болгарии. Очень высоко был оценен труд Тургенева — писателя и гражданина народом этой страны. И главную заслугу великого русского писателя болгары видели в том, что, создав «Накануне», он не только, как уже отмечалось выше, обратил внимание русской передовой общественности на борьбу болгарских патриотов, но и помог им на примере главного героя этого произведения — болгарина Инсарова воспитывать новые поколения болгарских революционеров шестидесятых и более поздних годов. Не только для России, но и для Болгарии герой тургеневского романа был во многом провозвестником будущего, того, что, по словам Тургенева, «пришло позже».

Постоянно думая о необходимости обновления России и страдая от сознания, что это не случится скоро, Тургенев всегда связывал этот процесс с установлением крепких дружеских связей между русским и всеми другими братскими славянскими народами. Вот как по этому поводу он, например, высказался в письме, отправленном в Польшу известному польскому писателю Ю. И. Крашевскому, юбилей которого мировая общественность отмечала в Кракове в октябре 1879 года. Более всего опасаясь в то время, что царское правительство запретит ему въезд в Россию, а участие в польских торжествах может дать ему прямой повод для такого запрета, Тургенев, объясняя причины, заставившие его отказаться от приглашения Крашевского, писал ему: «Было бы невозможно избежать недоразумений, и хотя я твердо убежден, что рано или поздно духовная связь установится между Вашим и моим народом — но почва, на которой должна возникнуть эта связь, еще слишком мало подготовлена, а те «pia desideria» («благие намерения»), которые я выразил в письме к Спасовичу (в нем Тургенев писал о надеждах на сближение между русским и польским народами.— Г. В.), так и должны остаться ими—пока. Россия должна сперва перестать (быть) *старой* Россией... а когда последует это обновление? Будем надеяться, что глаза наши увидят еще, прежде чем закроются, начало этой новой эры».

Г.Тотибадзе. Род. 1928. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. С. БЕРИТАШВИЛИ. 1976.

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ШАДРА. 1934.

Государственная Третьяковская галерея.

МАХМУД ДЕРВИШ (ПАЛЕСТИНА),
лауреат премии «Лотос»

ГОРДОСТЬ И ЯРОСТЬ

●

Родина, плененная орлица!
Твои крылья и в клетке не сломались.
Гнев твой в сердце мое стучится.
Но все, что есть у меня пред ликом смерти,—
Это гордость и ярость.
Погибну — стану деревом твоим.
Корнями врасту в тебя, в небо — ветвями.
Но буду недостоин я тебя,
Пока не предпочту покою пламя.
О родина,
Мы в твоих ранах родились и выросли,
Срывали с твоих ветвей плоды.
А нынче в кандалах беды
Ты бьешь крылом среди кровавой сырости.

Я в сердце чувствую твой клюв,
Твой огненный меч.
Орлица, недостойна моя речь
Тебя, покуда ты в неволе.
Твои долины корчатся от боли.
Душа моя борьбы не испугалась.
Но все, что есть у меня пред ликом смерти,—
Это гордость и ярость.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

О любимая, тернием сердцу
Стали твои глаза.
Я без боли о них вспоминать не могу.
В них и гнев, и тоска, и гроза
Отразились. Но я эту боль берегу,
Эту тысячезвездную рану.
Ибо тернии сердцу сегодня нужней,
Чем виноградные кущи.
Эта боль — продолженье любви моей,
Мост от нынешних дней к грядущим.
Как забуду глаза твои — светлые дни
Детских лет, когда вместе росли мы!
И тогда уже мною любимы
Глаз твоих были огни.
И словам твоим
Первой песней моей суждено было стать.
Я хочу ее спеть опять.
Но жестоко и грубо
Обжигает изгнанья мороз мои губы.

Даже птицы и те
Улетели от нами покинутых стен.
Зеркала раскололись, по свободе печальную тризну
Справляя. И, песен родных подбирая осколки,
Мы ценить научились отчизну.

Наших песен читаем слова
На разбитых, пробитых свинцом гитарах,
И мелодии наши творим
На рыдающих кровлях.
О любимая, наша любовь жива.
Пусть мой голос надломлен,
Но ты его слышишь.
Стал он глуше — не тише.

А я вижу тебя
Бегущей по травам колючим,
Юной пастушкой домашнего стада
Рядом с домом, который теперь
Превратился в руины.
Пеплом стала заветная дверь.
И я вижу тебя сегодняшней,
В очередях у иссохших колодцев,
Судомойкой в ночных кафе,
На лохмотьях спящей в палатке.
И я вижу тебя у сиротских костров,
Вспоминающей сладкий
Дым родных очагов.
Но куда бы нога твоя ни ступала,
Я уверен, собою останешься ты
И в изгнанье и в горе,
Как собою останется солнце,
Как собою останется море,
Как собой остается прекрасная наша земля...

Я клянусь
На платке, что в прощальный час
Мне подарен тобою,
И клянусь я ресниц твоих сладкою чернотою,
Я клянусь,
Что навек Палестина
Останется нашей судьбою.
Палестинкой останешься ты
И под солнцем, в крови утопающим,
И под грозной набатной луною.
Мы пронзим коченеющий воздух
Своими новыми песнями,
Бросим новые зерна в иссохшую почву,
Кровью своей оросив
Плоть и душу ограбленных нив.
Пусть пройдут еще долгие годы —
Будут щедрыми всходы,
Несгибаемы перед сталью оков,
Недоступны для своры волков.

Палестинское имя твое.
Палестинский взор у тебя.
Палестинское тело твое.
Палестинский узор одежды.
Палестина — твоя надежда.
Палестина — твой голос.
Палестина — твоя женская гордость.
Палестинкою ты живешь.
Палестинкою ты умрешь.

О, любимая, ты — суть и смысл моих книг
И огонь моих песен.
Ты заполнила жизни моей каждый миг.
Без тебя этот мир бесцветен и пресен.
Ты единственный мной сотворенный кумир,
Ибо ты и отчизна в душе моей неразделимы,
Как единое целое сердцем любимы.
Этим сердцем клянусь:
Пусть гроза надо мной полыхает и пусть
Смерч глаза ослепляет кровавою пылью,
Но орлиные крылья отчизны моей
Не отдам я врагу до конца моих дней!

НАШ ОТВЕТ

Тебе мое признание, отчизна:
Я прежде и не знал,
Что у меня в душе не только нежность,
Но и горячий яростный металл
И молодое солнце оптимизма.
И не отчаянье одно
И не молчание одно
В крови моей — но шторм летит по венам.
И нарастает в сердце вера.
Пусть брошен я в бетонный каземат
И номер мой написан на стене,
Но факелы в глазах моих горят,
И сердце пламенем во мне
Живет. И лишь глаза прикрою —
Ни стен тюремных, ни решеток нет:
Я вижу щедрый животворный свет
Над зеленью долины, над родною
Землей...

Они сковали руки мне.
Но я изгрыз зубами стену
И кровью десен на стене
Изобразил отчизны карту
И наших песен гневные слова.
И вырос над отчаяньем и пленом.
И воля к жизни вновь жива.

Нет, ничего врагам не удалось
Завоевать. Лишь праведную злость
Они в народе вызвали моем.
Они живут — как в день землетрясенья.
А мы — пусть даже в камерах — живем
С победным гимном.
И я в тюрьме
Сияю сердцем и лицом.
И если даже я погибну,
То встречу смерть борцом.

ДОПРОС

Записывайте:
Я араб.
Мой регистрационный номер —
Пятидесятитысячный.
У меня восемь детей.
Летом девятый появится.
Что вам не нравится?

Записывайте:
Я араб.
Работаю каменотесом.
Рублю камень,
Чтоб заработать на хлеб,
Чтоб заработать на книги
Для своих восьми детей.
Но я подачек не прошу,
Сам с нуждою сумею справиться.
Что вам не нравится?

Записывайте:
Я араб.
Я для вас — безымянный номер.
Я не сломлен бешенством вашим.
Корни мои уходят глубоко,
В глубь веков.
Я сын пахаря, и плуг
Был мне в юности первый друг.
Я живу в хижине из веток и тростника...
Волосы мои черны, как смоль.
Глаза черны, как боль.
Моя арабская шевелюра
Не поддается никакому гребню:
Я предпочитаю способ древний —
Оливковое масло и тимьян.

И еще отметьте один мой изъян.
Прежде всего
Ненависти я ни к кому не питаю,
Не граблю никого,
Даже когда голодаю.
Но если вы отнимаете
Последнее, что у меня есть,—
Свободу и честь,
Тогда берегитесь:
Нет ничего
Страшнее голода моего,
Страшней моей ярости,
С ней вам не справиться.
Что, вам не нравится?!

Перевел Ст. ЗОЛОТЦЕВ.

КУВШИН ЗОЛОТА

МИРМУХСИН

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Лопата то и дело ударялась о твердое. Хаджи-бува, вдруг разозлившись, отбросил ее прочь. Руки дрожали, вены набухли, сам весь мокрый от пота... Присел на корточки, достал из табакерки щепоть жевательного табака-наса, огляделся.

Да, наделало беды землетрясение! Были дома, теперь одни развалины. Бульдозер уже подбирается к ним, натужно рыча и вздымая тучи пыли, рушит остатки глинобитных стен, расчищает место для новостройки. Плохо, когда земля, такая прочная под твоими ногами, вдруг превращается в норовистого скакуна! Но и то сказать: случись такое в прежние времена, не обошлось бы без болезней, мор на людей пошел бы... Какой бек, какой богач взялся бы помочь беднякам, лишившимся крова!

Хаджи-бува, выплюнув табак, взял в руки тешу. Снова, не жалея сил, он начал скрести и ковырять. Старость, что ли,— ему не хотелось оставить тут хотя бы четыре старинных «мусульманских» кирпича, с утра над ними бьется. Видно, эти глаза, что прикроет когда-нибудь одна горсть земли, ничем, пока живы, не насытятся! Весь пóтом омылся, сердце так стучит, что кровь, будто скалкой, бьет в виски, а дела бросать не хочется...

Выковыривая раствор, скрепляющий кирпичи, Хаджи-бува вспоминал...

Ханик ведь это был, в передней. Наклонишься над ямкой, облицованной кирпичами, жена сольет на руки, помоешься — вода стекает, куда ей надо. Когда он покупал дом у Иная-байбачи, уже был там этот ханик.

Сколько бы еще простоял старый дом, если б не землетрясение?!

Вот теперь вместе со старухой решили ставить новый. На участке старшего сына место есть. От Госстраха деньги получили. Предприятие, где прежде, до выхода на пенсию, работал Хаджи-бува, тоже дало ссуду. Можно строиться. Да вот как оставить эти кирпичи, из которых был сложен фундамент старого дома? Старинные, плоские, прочности необыкновенной. Все до одного хотел перевезти и использовать при постройке нового дома. Уже три дня с ними возился.

«Эй, старый,— увещевала его жена,— от чужого добра не разбогатеешь! Вспомни, этот фундамент Инай-байбача складывал!» «Твоему Инаю я сто шестьдесят целковых отвалил за этот дом! Мое добро! — засверкал на нее глазами Хаджи-бува.— Что ж, бросать его? Где теперь найдешь такие кирпичи? Смотри! Стукнешь по нему тешой — зазвенит, будто он медный!»

Вспомнив этот разговор, Хаджи-бува почувствовал, что руки его наливаются новой силой. С яростью взялся за работу. Скрюченными, старческими пальцами выгребал из-под кирпичей землю, царапал ее окостенелыми ногтями.

Хотел краем теши подковырнуть кирпич, ударил — звук получился какой-то особенный. Не кирпич же раскололся? Нет. В земле под ним, оказывается, закопан кувшин из обожженной глины. Он-то и треснул от удара теши.

Хаджи-бува потрогал кувшин. Отбитый черепок упал наземь. В кувшине что-то блеснуло...

Золото!

Золотые монеты!

«Силы небесные!» Старик замер с раскрытым ртом и вытаращенными глазами.

Потом огляделся. Кажется, никто не видел... На пустыре он один... Запустил руку в кувшин, взял горсть монет, посмотрел... Золотые пятнадцатирублевки с портретом царя Николая.

Хаджи-бува ссыпал монеты обратно. Прикрыл отвалившимся черепком и присыпал сухой землей.

Покачиваясь, встал. Схватил лопатку, начал суетливо копать яму. Перешел в другое место — не лучше ли тут? Завалил кувшин грудой плоских кирпичей, сам сел сверху. Что же теперь делать? Взять золото из кувшина, завязать в поясной платок и глухими переулками домой, домой? А если кто-нибудь увидит, как он тут копается? Может, лучше дождаться темноты?

Хаджи-бува растерянно озирался по сторонам. Сердце колотилось все сильнее. Золото! Чье оно? Кто зарыл его в землю? Уж, наверно, не Инай-байбача, тот был игрок, деньги в его руках не задерживались. Наверно, Шахабиддин, торговец чапанами, он тоже жил по соседству...

Старик снова положил под язык щепоть зеленого табака-наса. Мысли унеслись в прошлое. Двадцатые годы, голодные и холодные... Тогда ташкентские скорняки сшили и сдали армии около двух тысяч полушубков. И он, Хаджи-бува, тоже шил эти полушубки. У него и справка есть — «Выдана настоящая Хаджи-Шакулову...» А подпись — начштаба армии под командованием М. В. Фрунзе: Петров... Этот листок бумаги пожелтел, потерся на сгибах, но до сих пор Хаджи-бува бережно хранит его в заветной шкатулке. Там же — похоронная на старшего сына. Погиб на войне. Зато второй сын жив. Работает на заводе. На жизнь не жалуется. Да и самому Хаджи-буве не приходится жаловаться. Если б еще не старость, не болезни... Но зачем бояться смерти, если прожил свою жизнь честно, правильно?

— А ну, вставай, старик! — вдруг воскликнул Хаджи-бува.— Ты знаешь, куда тебе надо идти!

Золото... Да разве это его богатство? Это — достояние народа! Надо идти и заявить в милицию о найденном кладе, вот и все. Для своего государства он жизни не жалел, так пожалеет ли о золоте?

Вот уже пустырь с развалинами домов остался позади. Хаджи-бува вышел на людную улицу. На тротуарах столько народу, едва протолкнешься. Он не мог идти так быстро, как другие, помоложе.

Скоро его обогнала большая группа шумных и развязных парней. Кто-то из них, проходя, сильно толкнул старика. Хаджи-бува едва удержался на ногах. Оглянулся, рассерженный.

Хороши! Поднятые воротники, грудь нараспашку, через плечо, на ремне, орущие транзисторы! Громко разговаривают, еще громче смеются! Один из парней, увидев, что старик чуть не упал, шутовски раскланялся, протянув: «Пар-до-он!» — да и зашагал дальше.

Хаджи-бува чуть не задохнулся от гнева. И это нынешняя молодежь? Где ее «здравствуйте»? А как насчет уступить дорогу старшему? Избаловали их, все у них есть...

Старика поразила внезапная мысль: «Вот сдам я золото государству... Но ведь и эти невежи едят государственный хлеб! Да не всухомятку — в два слоя норовят маслом намазать! Значит, это им, невежам, я преподношу подарок...»

Хаджи-бува не дошел до милиции, повернул домой.

Дома он прежде всего умылся. О том, что произошло, никому не сказал. Сел и задумался, насупившись, теребил бороду... Жена, внуки посматривали: что это случилось со стариком? Стараясь рассеять его хмурость, жена сказала: «Эй, отец! Приходил наш внук Наркузы. Не дождался, ушел, оставил для вас двадцать рублей!»

Хаджи-бува только глянул на новенькие, хрустящие бумажки, сделал жене знак: «убери». Старуха удивилась еще больше. Хаджи-бува прежде закладывал такие бумажки меж страниц корана. Нет, что-то стряслось со стариком!

Хаджи-бува продолжал молчать, перебирая четки. На вопросы отвечал знаками. В таком настроении и спать пошел.

Утром встал раньше, чем Шакшак-суфи, который призывает мусульман к утренней молитве. Шум мотора проехавшего по улице самосвала и грохот сгружаемого гравия повернул мысли его в другую сторону...

Машины, краны... Куда ни глянь — словно аисты, склоняют они длинные шеи. Всюду стройка. Сколько тысяч человек приехали на помощь пострадавшему городу! Оставили дома, детей. Сами живут в палатках — и строят новый Ташкент! Такие дома ставят, чтоб не страшно было им никакое землетрясение! Щедрое наше государство. Деньги для застройщиков тоже выделяет. А в прежние годы... Когда было андижанское землетрясение, Нугман-ака по людям деньги собирал, чтобы купить кетмени да лопаты.

Наспех выпив чаю, Хаджи-бува быстро вышел из дому. Чужое — надо поскорей вручить владельцу! Выйдя на большую улицу, он почему-то замедлил шаг. Повернул в переулочек. Постучал. «Зайду-ка я к нашему Кары, вреда не будет!»

Фамилия человека, которого назвал он Кары,— Кудратходжаев. Старый партизан, член партии с 1918 года, пенсионер. В гражданскую войну потерял глаз, с тех пор приятели и называют его Кары-слепец. Однако «слепец» этот зорче иного двуглазого...

Обычно друг всегда встречал Хаджи-буву у порога радостно, приветливо. На этот раз он сидел на айване, погруженный в невеселые раздумья. Увидев гостя, несколько оживился:

— Э, заходите, заходите! Дело есть?

— Просто зашел, повидаться захотелось.

Пока хозяйка накрывала дастархан, Кары разговорился с гостем. Сказал между прочим:

— В нашей махалле чайхана есть. В последнее время обосновались в ней четверо-пятеро бездельников, тунеядцев. Как ни зайди, они там. Пьянка, азартные игры... Говорил я об

этом Шабурхану, домкому. На мои слова внимания не обращает... Пожалеет, да поздно будет!

— А не пойти ли нам в райком, поговорить?— загорелся Хаджи-бува.

Кары, наверно, не услышал, снова уйдя в печальные думы. Гость тоже примолк. А тут уже явился на низенькой хантахте чайник, с ним пиалы, сахар и конфеты на блюдечках. Друзья напились чаю, разговор перешел на более веселые темы. Затем, распрощавшись, Хаджи-бува вышел на улицу. Огляделся: куда идти? Туда, куда решил с утра?

Ну, нет... Вот и друг о том же. Кругом дармоеды, жулики. Для таких нет у него никакого золота!

Старик решительно зашагал в ту сторону, где стоял прежде дом.

Среди развалин по-прежнему работал бульдозер. Вот и место, куда Хаджи-бува навалил грудой плоские кирпичи. Все, как было. Там, под землей, не узнают! Пролежал клад много лет — и еще пролежит...

Хаджи-бува сидел на кирпичах и думал, думал — голова раскалывалась. Как ни гадай, это богатство должно быть передано государству. Все золото, все до единой монеты. Да только очень уж не хочется, чтоб даже единая досталась хулиганам и дармоедам!

Что делать? Неужели махнуть рукой на эти, с позволения сказать, пугала огородные? В таком неподобающем виде бегают по улицам, толкают стариков и думают, что все это очень хорошо? И неужели ради такой вот молодежи отцы и деды кровью своей добывали свободу? Мало того, что живут припеваючи, ветерок на них не дунет, на готовенькое являются,— так еще грубят, «пардон» говорят!

«Э, твоим бы «пардоном» тебе по башке!»

...Ну, хорошо. Это все так. А государство? А Советская власть, которой он верил всю жизнь и сейчас верит? Об этом что — забыть?

И снова Хаджи-бува распалял себя:

«Им все достанется. Таким. Ну, ладно, надо брать пример, но с кого? Почему не со старших — сыновей народа-победителя? А этим — заграничную моду подавай! Все, как на Западе! Там шатается всякий сброд по ресторанам, и эти туда же! Это что за порядок!»

Долго сидел Хаджи-бува на груде кирпичей. Потом встал, пошел домой.

Дома ни с того ни с сего накричал на старуху:

— Ты тоже всегда за своего Роберта заступаешься! Какой он Роберт? Рузы его зовут, внука нашего! Утешение на старости лет! Напьется и гоняет на мотоцикле! Пропади он со своей тарахтелкой! Вот об этом ты не думаешь! А как же я — должен отдавать кувшин?!

— Какой кувшин? — удивилась старуха.

— Кувшин? — вскрикнул Хаджи-бува.—Какой кувшин? Разве я сказал «кувшин»? Ничего я не говорил! Какое мне дело до всяких там кувшинов? Послышалось тебе, старая!

— «Кувшин» — сами сказали, разве я глухая? Слышала ясно. «Зачем буду отдавать кувшин?» — вот что вы сказали...

— Ничего я не говорил. А если сказал — значит, не то, что хотел сказать...

— О, господи боже мой, да что это с вами!

— Эй, не приставай ко мне! Сыт по го-о-орло! Если еще будешь так изводить меня, я с тобой разведусь! Хватит!

Старуха совсем растерялась. Отступилась от мужа, только все поглядывала то из-за двери столовой, то в окно, с айвана: как он там, старик? И что с ним стряслось? Со вчерашнего дня как будто подменили человека...

Вечером пришли гости с добрыми вестями.

...Невестка Кумирхон ожидала ребенка. Сердце у нее больное, врачи беспокоились, вот и положили ее в роддом за месяц до родов. Очень тревожилась за нее старуха. Как вспомнит, так и сердце замрет. Поглядит в ту сторону, где на Чиланзаре, в роддоме, лежит невестка, и молитву шепчет.

И вот пришли, рассказывают: роды были трудные, врачи всю ночь не смыкали глаз, боролись за жизнь роженицы и ребенка. Все обошлось благополучно...

Старуха, слушая, плакала навзрыд.

— От радости, от радости, дети мои...

Вспомнила, как сама мучилась, когда родился Наркузы, как помогала ей знаменитая доктор Шорохова — тоже из лап смерти вытащила. Не зря же наградили ее недавно орденом Ленина...

— Правительство знает, кого наградить! — сказала старуха.

Хаджи-бува внимательно прислушивался к разговору. Да, врачи, больницы — ведь все это тоже Советская власть... А он? Ну, что ж, он же не осуждал все на свете. Конечно, хороших людей много. Но есть еще и негодные человечишки, вот в них-то и беда...

Потом все сели к телевизору. Шел концерт. С удовольствием послушали певцов, посмотрели танцоров. После концерта на экране появилась немолодая женщина в строгом костюме. Поправив очки, стала рассказывать о достопримечательностях Бухары, Самарканда, Хивы:

— Пережив века, пришли к нам памятники древней архитектуры — бесценное достояние народа, его национальная гордость. Как же надо беречь и охранять их! Между тем при застройке Самарканда некоторые архитекторы допускают ошибки. Современные здания, построенные в близком соседстве с древними, нарушают целостность архитектурного ансамбля. И за это непродуманное решение следует упрекнуть авторов проекта и строителей...

Услышав это, Хаджи-бува не удержался:

— Верно, правильно! Вот спасибо!

Вскочив, позвал внука.

Внук пришел. Вместе смотрели передачу до конца.

— Это профессор Пугаченкова выступала,— сказал Ахмеджан деду.

— Умная женщина, оказывается, здоровья ей и долгих лет!

Хаджи-бува спал в эту ночь особенно крепко. Встал, чувствуя себя обновленным и душой и телом, словно человек, только что вышедший из бани. И прежде всего спросил у старухи:

— Управление милиции когда начинает работу?

Жена утвердилась в своих предположениях: у старика что-то есть на уме! Какая-то тайна...

— И зачем это вам понадобилось знать?

— Незачем. Просто так спросил. Что, нельзя спросить? Или тебе трудно ответить? Или тебе заплатить, если скажешь словечко?

— Я вижу: с вами что-то стряслось. То кувшин какой-то поминали. Теперь милиция у вас на уме.

— А ты, оказывается, взялась караулить мой язык! Что говорю, то говорю. Было время, о Назокатхон поговаривал, сколько ты меня за это терзала, сколько я от тебя перетерпел? И что? Женился я на ней, что ли? Ничего не случилось! Мало ли что с языка слетит! Ты к словам не цепляйся!

— Вай, господи боже мой!—Старуха всплеснула руками от удивления.

Хаджи-бува, не дожидаясь чая, ровно в восемь выскочил на улицу и решительно направился к управлению милиции. Дошел до чайханы, что на берегу большого канала. Давненько не заглядывал сюда, а тут вдруг захотелось — зашел, выпил чайник круто заваренного чая. После этого, уже ничем не отвлекаясь, дошел до управления милиции и попросился «к самому главному»...

Вскоре они на легковой машине отправились к пустырю, где стояли разрушенные дома.

— Я вот о чем прошу,— говорил по дороге Хаджи-бува начальнику милиции,— из этих золотых монет пусть ни одна не будет израсходована ради плохих, недостойных людей! Так ты и скажи им, братец!

Перевела с узбекского
Зоя ТУМАНОВА.

Федышины

Николай Иванович Федышин с сыном Иваном.

Фото М. Савина

Эмма ГУСЕВА

Тот, кто в Русском музее, в Ленинграде, знакомился с памятниками древней живописи, конечно, видел «Богоматерь Владимирскую», созданную в XV веке. Доброта и нежность женского лица, черты которого напоминают изображения античности, радостный, словно предчувствующий счастье младенец. Эта работа, в которой много жизни и движения, отлично сохранилась. Ее живописью и через пять столетий любуются благодарные потомки. И не только в нашей стране. Она экспонировалась в Германии, Австрии, Англии, США.

...В августе 1925 года в Каргопольском уезде, в церкви Флора и Лавра на реке Свиди, заведующий художественным отделом Вологодского краеведческого музея Иван Васильевич Федышин обнаружил икону небольших размеров. Это была «Богоматерь Владимирская». А вскоре музейные фонды пополнились и другими шедеврами, таким, например, как «Николай чудотворец с житием», созданный в XIV веке и хранящийся теперь в Третьяковской галерее...

Вологодский Город, арки кладкой в сажень. За три с лишним века по его широким плитам прошли сотни тысяч людей, башенные часы отзвонили годы и столетия. Здесь находится Вологодский краеведческий музей. Полстолетия фамилия Федышины значится в списках его сотрудников. Три поколения этой семьи посвятили свою жизнь спасению старинных памятников, служат искусству бескорыстно и преданно. Не так давно в музее открылась персональная выставка художника-реставратора Николая Ивановича Федышина, возвратившего любителям живописи, народу, стране десятки первоклассных произведений.

Основатель династии — Иван Васильевич Федышин, человек, чья работа казалась незаметной, а положение скромным, сделал очень много для родного города. Пятнадцать лет он заведовал художественным отделом музея, объездил весь край, выявляя и собирая древнюю живопись, скульптуру, книги и ткани, постоянно пополняя музей ценными экспонатами.

С ним переписывались художники, искусствоведы, историки. Этот человек был известен многим крупным специалистам. Первым, кто оценил подлинное призвание сына верховажского крестьянина, был знаменитый его земляк В. А. Гиляровский. Успешно окончив Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Иван Федышин со словами признательности писал Гиляровскому: «Учитель жизни моей, Владимир Алексеевич! Памятую Ваш завет любить человека. Двадцать лет назад я пришел к Вам в Москву из Соловков мальчуганом, а теперь учу Вашим заветам своих учеников».

Дальнейшая судьба навсегда связала И. Федышина с реставрационной мастерской Вологодского музея. Это были годы, когда не хватало опытных специалистов, восстанавливающих в первоначальном виде произведения изобразительного искусства и архитектуры. Вскоре после свершения Октябрьской революции Советское правительство обратило серьезное внимание местных Советов на охрану памятников искусства и старины. И. В. Федышин едет учиться на курсы при Русском музее в Ленинграде, а затем в Москву, где проходит стажировку в реставрационных мастерских Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи при Музейном отделе Главнауки. Больше всего интересовали его особенности северного древнерусского искусства. Он и тогда хорошо знал это письмо, объединяющее произведения безвестных каргопольских, вологодских и строгановских мастеров, любил их цветовую гамму и, конечно, тот народный характер, который отличал лучшие работы старинных живописцев. Его восхищало, как часто, изображая «лик» святого, предписанный каноном церкви, местный иконописец придавал его образу черты своих современников, окружал Параскев, Николаев, Савватиев разными бытовыми подробностями, такими, как выпечка хлеба, ношение воды, подвоз дров, приближая их, если говорить современным языком, к зрителям.

В те годы в одном из писем к жене, Екатерине Николаевне Соколовой-Федышиной, которая заведовала художественным фондом музея, Иван Васильевич писал: «...скажу, Катя, что мы должны благодарить небо за то, что живем в Вологде. Вологда считается вторым городом после Новгорода по обилию и качеству памятников древнерусской иконописи...»

Увлеченный своим делом, он торопится поделиться знаниями со своей женой и другом, рассказывая в письмах о лекциях известного художника И. Э. Грабаря: «Очень подробно он разъяснял нам устройство иконных досок и шпонок в разные эпохи. Эти особенности, по словам Игоря Эммануиловича, весьма полезно знать при датировке записанных икон... Но самое интересное — это какими гвоздями прикреплены шпонки: деревянными или железными? Если деревянными, то икону нужно спрятать... в самый дальний угол и никому не показывать... непременно утащат».

Вернувшись в Вологду, он тщательно осмотрел весь город и окружающие его монастыри. Каждый из них являл собою крепость, где были свои тайники и замурованные ходы. Федышин перебирал сотни сваленных на чердаки и в подвалы икон. Черные, на вершок запачканные голубиным пометом доски не смущали опытного реставратора. Драгоценные находки он уносил в музей, собрав в двух залах старинные иконы, где каждое произведение — шедевр древнего искусства. В своих экспедициях на речке Ухтоме Иван Васильевич обнаружил единственную древнейшую икону вологодской школы XIV века «Николай Чудотворец с житием» из Борисоглебского Каргачского погоста, а на Кубене — доску с «Чудом Георгия о змее» XVI века.

Е. Н. Соколова подробно описывает композиционные и художественные особенности «Георгия»: «Все в нем хорошо, сильно, просто, своеобразно. Георгий на белом коне на фоне какого-то древнего неба... палаты с людьми такие простые и интересные, царица, змей — все хорошо... Змей, оказывается, выходит из озера, а царица стоит на оконной решетке и держит змея на веревочке... Издали его окутывает какая-то прозрачная дымка, и краски приобретают особую мягкость, углубленность. Иконописец оказался бессознательным импрессионистом».

Большой интерес представляет также найденный И. Федышиным в маленькой деревянной часовне, недалеко от устья Кубены, каменный резной Лахмакурский крест — замечательный памятник искусства XV века.

Опытный художник-реставратор, И. В. Федышин снимал более поздние наслоения с икон, «лечил» доски от сырости. Много времени и сил уходило на переговоры с церковниками, чинившими препятствия художникам. Вот, например, строки из письма известного реставратора П. И. Юкина: "Глубокоуважаемый Иван Васильевич! В Ферапонтовском монастыре я расчищаю... икону Иоанна Предтечи, несомненно, письмо Дионисия... Завтра приступаю к раскрытию вновь обнаруженных фресок... тоже письма Дионисия... Если бы Вам удалось убедить общины двух церквей склонить к промывке фресок, то тогда можно приступить в будущем году к работе в начале лета...»

Необыкновенно точно выразил красоту этих произведений вологодский поэт Николай Рубцов, писавший: «...небесно-земной Дионисий, из соседних явившись земель, это дивное диво возвысил до черты, небывалой досель...»

О своих наблюдениях и впечатлениях, связанных с древнерусским искусством, И. В. Федышин хотел написать книгу, но не успел. Незадолго до войны он умер.

...Передо мной журнал «Наши достижения», основанный А. М. Горьким, № 1 за 1936 год. На фотографии смышленое лицо мальчика — Коли Федышина, которому едва минуло 7 лет. Заметка о нем называется «Археолог Федышин». Коле посчастливилось на берегу реки, в речном грунте, найти черепки глиняной посуды и орудия из кости, принадлежавшие древним финским племенам, жившим на территории Вологодской области около двух тысяч лет назад. Своей находкой он позволил ученым сделать ценное научное открытие, подтверждающее существование стоянки доисторического человека на месте Вологды. Об этом узнал А. М. Горький и заинтересовался юным археологом. За два года любознательный школьник сделал около трехсот находок, которые составили в музее обширную коллекцию древней керамики.

— С детства я мечтал быть археологом,— говорит Николай Иванович.— Даже ездил на раскопки с братом поэта Валерия Брюсова, археологом. Но жизнь сложилась так, что надо было кому-то продолжать дело, завещанное родителями. Мальчишкой я учился у отца рисовать и понимать древнее искусство. Затем был учеником известного реставратора Александра Ивановича Брягина, друга отца. Учился на курсах во Всесоюзном художественном научно-реставрационном центре имени Грабаря и Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации.

Николай Иванович Федышин — первый вологодский художник-реставратор высшей категории. Он расчищает иконы, собранные и сохраненные Федышиным-старшим, возвращая из далеких веков прекрасные образцы живописи. Под черным слоем олифы опытный глаз реставратора угадывает контуры изображений. Мастер укрепляет красочный слой, начинает расчистку, и вот в маленьких прямоугольниках, как в окошечках теремов, появляется первоначальное изображение, сверкает киноварь одежд, яркое золото фона. Сантиметр за сантиметром идет раскрытие и расшифровка старинного памятника, пока не засверкает первозданными красками произведение искусства. Невольно вспоминаются строки из пушкинского «Возрождения»: «...краски чуждые, с летами, спадают ветхой чешуей; созданье гения пред нами выходит с прежней красотой».

Около трех тысяч произведений древней живописи содержит ныне вологодская коллекция. До сих пор многие из них еще не полностью исследованы. И пока неизвестно, что хранится под изображенными здесь темными ликами, под позднейшими грубыми записями. Ведь найти старинную живопись только полдела. Надо еще вернуть ей краски, расчистив от более поздних наслоений и не потревожив первоначальную красоту.

Большие пыльные доски стоят штабелями в мастерской Н. Федышина. Он открыл и отреставрировал восемьдесят пять произведений XIV—XVIII веков. Это итог творческой, исследовательской работы многих лет. Среди его открытий несколько работ художников-вологжан, например, «Никола Зарайский» XVI века, где изображен добродушный, житейски мудрый человек, совершающий добрые дела: он спасает утопающего, освобождает осужденного.

Николай Иванович составил большую картотеку художников древней Вологды, систематизировал манеру их письма, а сейчас работает над рукописью книги «Вологодские изографы», посвященной неизвестным страницам древнерусской живописи.

Н. И. Федышину удалось доказать, что фрески в соборе Рождества богородицы в Ферапонтовом монастыре писались с 6 августа по 8 сентября 1502 года, то есть всего 34 дня, а не два сезона, как утверждали исследователи до него. Ошибка в датировке, по мнению Федышина, произошла из-за того, что были неточно определены полустертые цифры подписи. «Окончена на второе лето» не означало «через год», ибо новый год по старому летосчислению начинался с 1 сентября, а храм стали расписывать с 6 августа...

Теперь в работе отцу помогает сын Иван. Он учится в Москве, в Центральных реставрационных мастерских.

К Федышиным часто захаживают на огонек старожилы города, поэты и писатели. Здесь бывает Василий Иванович Белов, не раз приезжал и Василий Макарович Шукшин, снимавший в Белозерске фильм «Калина красная».

Реставраторы Федышины постоянно пополняют кладовые Вологодского областного краеведческого музея, открывают все новые страницы древней живописной культуры русского Севера.

Вологда — Москва.

А. Крюков.

Е. Камбурова.

В. Тонков и Б. Владимиров.

Е. Петросян.

А. Писаренков.

Композитор И. Егиков и певица И. Воронцова.

Фокусник Ю. Писаренко.

Фото А. БОЧИНИНА

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Не так давно у нас в редакции побывали артисты Москонцерта и цирка. Собрал их всех старший преподаватель факультета речевых жанров Государственного училища циркового и эстрадного искусства артист Андрей Сергеевич Крюков, а вел импровизированный концерт Альберт Писаренков. Этот молодой артист не новичок на эстраде, хотя после училища начинал и почти год работал коверным клоуном. Поэтому-то, перейдя в эстраду, он первое время широко пользовался в своих выступлениях чисто цирковыми трюками и приемами, но постепенно нашел себя, избрав амплуа традиционного конферансье, который способен постоянно разговаривать со зрителем, оставив в своем реквизите, как шутливо говорит сам Альберт, одну лишь голову. И надо сказать, голова у него «работает» очень споро! Зрители в этом убедились, когда Писаренков предложил вспомнить буриме — давно забытую и очень трудную эстрадную игру. Из совершенно разрозненных, казалось бы, вовсе не соединимых по смыслу слов он почти мгновенно складывает рифмы и сочиняет стихотворения в стиле разных известных поэтов.

Одного за другим представил Альберт своих коллег по эстраде: композитора И. Егикова, певиц Е. Камбурову и И. Воронцову, конферансье Е. Петросяна, который перешел на более трудную работу — исполнителя сатирических куплетов.

В милой, непосредственной манере Ирина Воронцова поет детские песни; Елена Камбурова исполняет свой репертуар в манере серьезной, остродраматической. Она еще и талантливая актриса, а не только певица.

Быстро нашел контакт со зрителем Ю. Писаренко — известный фокусник цирка, а выступление двух «подруг» — Вероники Маврикиевны и Авдотьи Никитичны — в исполнении артистов Вадима Тонкова и Бориса Владимирова было принято, как всегда, тепло.

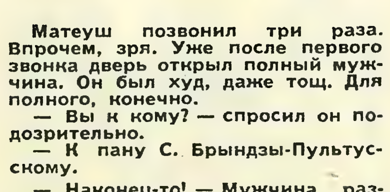
В. МОРОЗОВА

Добрый совет

Мария ЧУБАШЕК

РАССКАЗ

Матеуш позвонил три раза. Впрочем, зря. Уже после первого звонка дверь открыл полный мужчина. Он был худ, даже тощ. Для полного, конечно.

— Вы к кому? — спросил он подозрительно.

— К пану С. Бryндзы-Пультусскому.

— Наконец-то! — Мужчина разрумянился и втянул Матеуша в квартиру.— Я жду вас уже целый месяц. Опасался, что вы совсем не придете.

— Здесь какое-то недоразумение,— пробормотал Матеуш.— Я прочитал ваше объявление только вчера.

— Да? А ведь первый раз оно было опубликовано месяц назад,— прервал его хозяин дома.— И с того дня я жду вас. То есть когонибудь вроде вас.

— Означает ли это, что я ваш первый клиент? — забеспокоился Матеуш.

— Именно! Со дня опубликования объявления ко мне не заглядывал никто. А я был уверен, что у меня не будет отбоя от клиентов. Ведь я, кажется, единственный частный детектив в стране! И детектив с именем. К тому же с двойным. Но не обо мне сейчас речь.— Он указал Матеушу на кресло.— Поговорим о вас. Чем я могу вам служить?

— Дело в том,— сказал Матеуш,— что я около месяца получаю письма.

— И вы хотите,— прервал его детектив,— чтобы я нашел вам человека, который на эти письма будет отвечать от вашего имени?

— Нет!

— Я так и думал,— успокоился детектив.— Но хотел сразу исключить такую возможность. О чем же речь?

— Может быть, вы просмотрите эти письма...— Матеуш положил на стол три конверта.

Детектив открыл первый.

«Ваша жена вам изменяет. Друг»,— прочитал он.

— Вам следовало бы знать...— начал Матеуш, но детектив прервал его на полуслове:

— Я знаю уже почти все. Вопервых, должен вам сказать, что письмо написано на пишущей машинке. Во-вторых, оно написано на машинке, в которой отсутствует буква «е». Поэтому автор употребляет букву «ё» и потом шариковой ручкой вычеркивает две точки над буквой. И, наконец, в-третьих, не вызывает сомнения, что шариковая ручка, которой эти точки вычеркнуты, заправлена синей пастой.

— Невероятно! — воскликнул Матеуш.— Однако я хотел вам сказать...

— Сперва, если разрешите, я прочитаю второе письмо,— перебил детектив.

«Ваша жена,— прочитал он,— изменяет вам с певцом из ансамбля «Черные коты». Друг».

В третьем письме содержались некоторые подробности:

«Ваша жена уехала с певцом из ансамбля «Черные коты» в Пернамбуко. За пятьдесят тысяч злотых я сообщу вам название отеля, в котором они остановились. Друг».

— Дело в том...— начал Матеуш.

— Что, у вас нет пятидесяти тысяч?

— Это тоже,— согласился Матеуш.— Но главное не в этом. Главное — то, что у меня нет жены...

— Вот как! — воскликнул С. Брындзы-Пультусский.— Тогда я не очень понимаю, в чем заключается ваша просьба.

— Я хотел бы просить вас, чтобы вы нашли отправителя этих писем. Как прекрасно иметь верного друга, но как ужасно не знать, кто он. Вы знаменитый детектив! Найдите моего друга!..

— Боюсь, что это не доставит вам радости,— проворчал С. Брындзы-Пультусский.

— Что же вы мне посоветуете? — в отчаянии спросил Матеуш.

— Что я вам посоветую?..— Знаменитый детектив наморщил лоб.— Мой вам совет,— сказал он,— никогда не читайте писем, подписанных псевдонимом «Друг»...

Перевел с польского Н. ЛАБКОВСКИЙ.

А ВСЕ — ХОДЬБА!

Кабинет реабилитации здоровья... Работа этого кабинета кисловодской здравницы «X лет Октября», коллектив которой в год 60-летия Советской власти отметил свой полувековой юбилей, направлена на восстановление сердечно-сосудистой деятельности организма. Речь идет о восстановлении больного или переболевшего сердца, при котором оно вновь набирает силы, чтобы человек мог полностью вернуться в строй.

Врачи тщательно и всесторонне исследуют индивидуальные возможности самого организма больного, после чего постепенно начинают добиваться восстановления здоровья не столько лекарствами (хотя и они, разумеется, не исключены), сколько средствами бальнеологии с широчайшим использованием природных богатств Кисловодска, его прекрасной гористой местности, чистейшего воздуха, насыщенного кислородом.

Задолго до рассвета устремляются люди по извилистым горным тропам, идущим все вверх и вверх. Сперва назначается маршрут полегче, потом прогулка все более удлиняется и усложняется. И сразу же после каждой такой прогулки молодой врач Регина Казимировна Пенкославская тщательно изучает работу сердца, показатели кровеносного давления, выслушивает легкие — словом, полный контроль за состоянием больного, который утверждает, что чувствует себя совсем здоровым и бодрым.

Интересную творческую работу кабинета реабилитации энергично поддерживают и главный врач В. А. Карабанов и начальник медицинской части Л. А. Тихонова. Да, здесь в коллективе вообще не терпят рутины, равнодушного отношения к делу. Пациенты старейшей здравницы Кисловодска всюду это чувствуют, начиная от приемного покоя, где уже много лет подряд радушно встречает приезжающих А. И. Волосянков, кончая процедурным кабинетом И. Д. Яловой, обширным хозяйством старшей сестры П. О. Сазоновой...

— Мне уже недалеко до семидесяти, но взгляните, в каком отличном состоянии возвращаюсь я на работу в свой родной Ярославль,— говорит Алексей Ильич Муравьев.— Каждый день ходил в горы за четыре-пять километров и теперь чувствую себя прямо-таки богатырем!

— Не бросайте и дома выработанных в здравнице навыков,— советует на прощание Р. К. Пенкославская, осматривая А. И. Муравьева перед выпиской.

П. СЕРГЕЕВ

БЮРО

Г. РОЗОВ
Фото автора

И кто бы мог подумать, что это такой разбойник! Еще лет десять назад он жил себе молчком в родных местах, и про него мало кто чего знал...

А зовут его — ротан-головешка, и сам он — маленькая дальневосточная рыбка, чуть покрупнее нашего карася.

Так вот, с десяток лет назад один аквариумист попросил своего друга привезти ему нескольких ротанов. Оказавшись в московской квартире, «великолепная семерка» (именно столько их было) быстренько слопала своих соседей по «коммуналке». Увидев опустошенный аквариум, рассвирепевший любитель подводной фауны поймал ротанов сачком и отправил их в долгое странствие по подземным коммуникациям Москвы. Однако бравые головешки, пройдя воду и железные трубы, благополучно выплыли в речку Яузу и начали расселяться по Подмосковью с устрашающей быстротой. Сегодня ротан-головешка заполнил большинство прудов и озер европейской части страны и нацелился двинуть дальше на запад. Ротан-головешка — рыба вкусная, и все было бы ничего, да уж больно она мелка и зловредна: поедает икру и мальков леща, карася, сазана — словом, исконных обитателей водоемов и очень быстро становится единственной добычей рыбаков...

Эту печальную, конечно, историю о кровожадном пирате пресноводья рассказал мне один из посетителей выставки «Голубые нивы», где стояли огромные пятисотлитровые аквариумы, в которых красовались севрюжата, осетры, форель, крабы, креветки, морские звезды и множество других обитателей рек и морей. Здесь то и дело разгорались споры между любителями-рыболовами и не менее азартными любителями рыбных блюд.

Признаюсь, услышал я тут много и такого, что принято называть охотничьими, читай — рыбацкими, рассказами. Однако кое-что казалось и вполне правдоподобным. Разрешили мои сомнения организаторы выставки — работники Центрального производственно-акклиматизационного управления (ЦПАУ) Главрыбвода. ЦПАУ иногда в шутку называют «бюро рыбьих путешествий»,— ведь сотрудники этого управления занимаются переселением рыб из одних районов страны в другие. Вот что мне удалось узнать в уютном особняке на Кадашевской набережной, где разместилось ЦПАУ.

История необыкновенного путешествия ротана-головешки в основном оказалась верна — за исключением эпизода с заплывом по

Рыбка со странным названием — пинцет.

РЫБЬИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

подземным коммуникациям Москвы. На самом же деле ротанов выпустили в Тараканий пруд под Звенигородом. Во всем остальном рыбак с выставки был точен, даже в том, что такие случаи, к счастью, очень редки. И действительно, «дикарями» рыбы не путешествуют. Сотрудники ЦПАУ тщательно организуют их переселение.

Сначала проводится скрупулезное изучение ожидаемых последствий каждого такого шага и только после этого специально созданные консультативные советы при Ихтиологической комиссии Министерства рыбного хозяйства СССР разрешают или запрещают перевозку новоселов.

Рыбы нынче путешествуют с комфортом. К их услугам железнодорожные вагоны, самолеты, автомобили и даже спецрейсы вертолетов. На акклиматизационные работы ежегодно ассигнуется миллион рублей. Вызваны эти расходы заботой о восстановлении и приумножении природных ресурсов нашей страны.

Посетители выставки часто спрашивали экскурсоводов:

— Стоит ли заниматься дорогостоящим переселением рыб? Не лучше ли стимулировать воспроизводство местных пород?

Сотрудники ЦПАУ отвечали, что такие работы тоже ведутся, и весьма интенсивно. Однако ставка на аборигенов не всегда себя оправдывает. Например, строительство гидроэлектростанций столь резко меняет привычные для рыб условия, что многие раньше обитавшие здесь виды вымирают. Так случилось, скажем, в результате строительства севанского каскада электростанций. Уровень озера снизился на двадцать метров, обнажились галечники, где нерестилась обитавшая только в Севане озерная форель — ишхан, и рыба эта исчезла, даже не успев попасть в Красную книгу. Трудно сказать, что мы сейчас ловили бы в этом озере, если бы ранее, еще в двадцатые годы, сюда не вселили ладожского сига — рыбу вкусную и продуктивную. Я недаром упомянул продуктивность: каждое новое водохранилище для рыбовода то же, что пашня для земледельца. И он также стремится получать со своих голубых полей высокие урожаи.

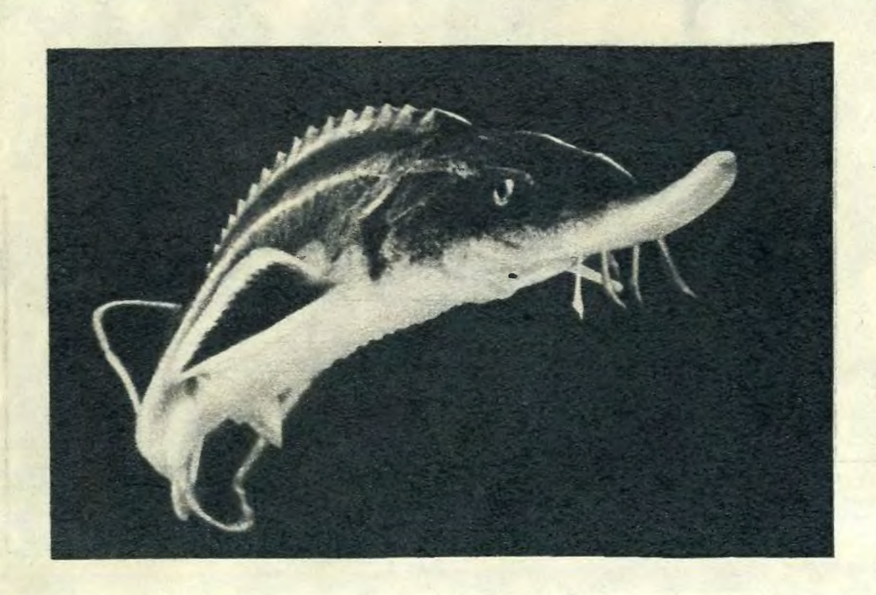
Но рыбоводство в водохранилищах ставит перед специалистами множество проблем. Вот пример из жизни сазана. Эта рыба любит зимовать на мелководье, прямо подо льдом. Зимой электростанции увеличивают расход воды, уровень ее падает, и на отмелях остаются мороженые сазаны. А весной сазан откладывает икру слишком поздно, как раз перед началом поливных работ в колхозах. Мальки не успевают еще появиться на свет, а вода уже уходит с отмелей. Икра сохнет. Рыбы становится все меньше. Возникла необходимость подыскать сазану замену. Вот тут-то и начинаются рыбьи путешествия. Ученые уже нашли подходящих жильцов для многих водохранилищ. Вы слышали о буффало? Эту рыбу к нам завезли из Америки и сейчас размножают в Краснодарском крае для вселения в Цимлянское, Волгоградское и Волжское водохранилища. Специалисты считают, что появление этой «иностранки» в наших краях обрадует даже гурманов. Но не только заботы о пропитании заставляют нас развивать рыбное хозяйство. Иногда переселенцам поручают работу, которая ни человеку, ни машине не под силу.

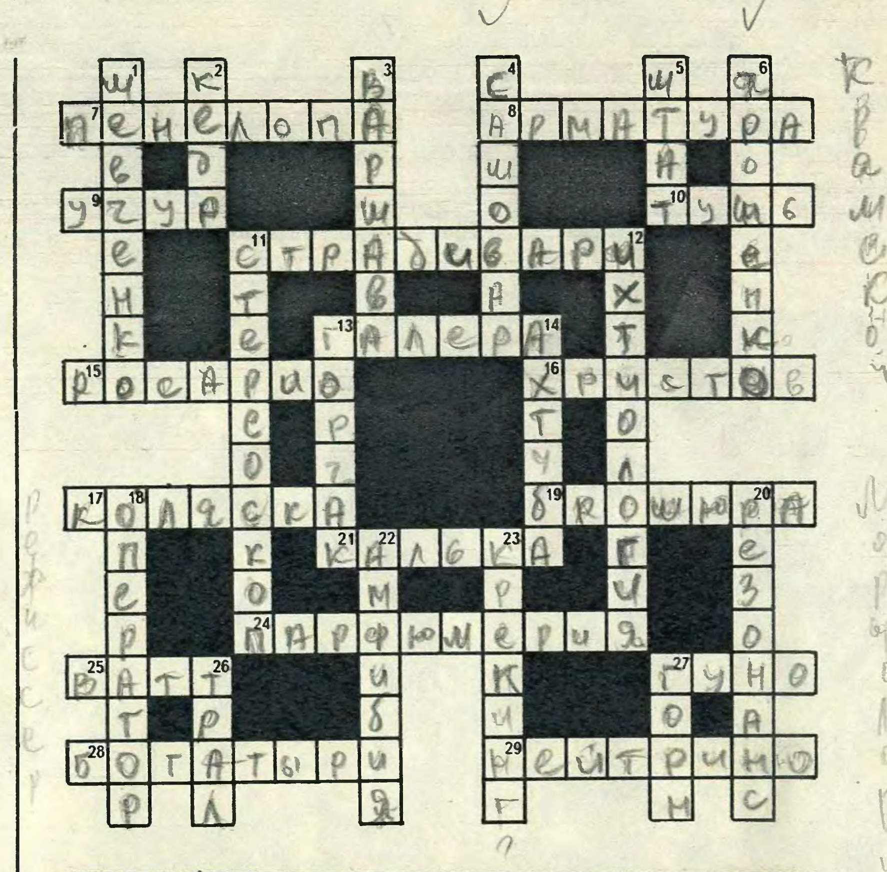
Несколько лет подряд Каракумский канал зарастал тростником. Это вроде бы безобидное растение так расплодилось, что стало помехой судоходству. Тростник пытались косить, жечь — не помогало. Канал зарастал все гуще. Эксплуатационники только разводили руками, не зная, что предпринять. И тогда кандидат биологических наук Джамар Самедович Алиев предложил натравить на зеленого захватчика белого амура. Сей прожорливый вегетарианец (он съедает двадцать килограммов травы на один килограмм привеса) не только быстро очистил канал, но и стал здесь вскоре промысловой рыбой. Только в Хаусханском водохранилище, которое входит в систему Каракумского канала, ежегодно добывают по пять тысяч центнеров белого амура. Вот какой неожиданно приятный подарок преподнес рыбакам в бывшей пустыне травоядный дальневосточник!

Сотрудники ЦПАУ, принимавшие участие в переселении белого амура, утверждают, что балык из него очень вкусен. А им можно верить и на слово: люди они деловые. Их всего триста человек, но сколь многого они успели достичь! Сегодня уже почти полмиллиона центнеров из улова внутренних водоемов страны дают рыбы-путешественницы. И цифра эта год от года будет расти. Сахалинская горбуша, например, прижилась в Баренцевом море, где обосновался и ее земляк — камчатский краб; ленский осетр переселяется в верховья Оки, Чудское озеро и Иссык-Куль; изумленным москвичам порой попадаются на крючок угри...

Узнав все это, я подумал: то ли еще будет! И необыкновенное путешествие ротана-головешки теперь не показалось мне таким уж необычным.

Его зовут бестер — по имени родителей: белуга+стерлядь. Вывести эту новую породу ученым удалось благодаря упорному труду.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Персонаж древнегреческой поэмы «Одиссея». 8. Железная основа бетонных сооружений. 9. Приток Алдана. 10. Принадлежность для черчения, рисования, письма. 11. Итальянский мастер смычковых инструментов. 13. Гребное военное судно. 15. Город в Аргентине. 16. Болгарский оперный певец. 17. Повесть Н. В. Гоголя. 19. Небольшая книга. 21. Прозрачная бумага или ткань, применяемая при черчении. 24. Ароматические и косметические изделия. 25. Единица мощности. 27. Французский композитор. 28. Картина В. М. Васнецова. 29. Элементарная частица.

По вертикали: 1. Великий украинский поэт и художник. 2. Хвойное вечнозеленое дерево. 3. Столица европейского государства. 4. Сказка М. Горького. 5. Государственно-территориальная единица ряда стран. 6. Русский живописец. 11. Оптический прибор. 12. Раздел зоологии. 13. Рыба семейства карповых. 14. Рукав Волги. 18. Один из создателей кинофильма. 20. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 22. Машина, передвигающаяся по суше и по воде. 23. Способ переработки нефти. 26. Орудие лова морских рыб. 27. Сигнальный духовой инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. Акстафа. 7. Углерод. 9. Дипломат. 10. Магнетит. 12. Буровик. 14. Лугано. 15. Олонец. 16. Голованов. 21. Бовари. 22. Ижевск. 23. Кульман. 26. Корчагин. 27. Габардин. 28. Сатирик. 29. Ирендык.

По вертикали: 1. Сталевар. 2. Карасу. 3. «Чудаки». 4. Телескоп. 6. Клинтух. 8. «Одиссея». 11. Половодье. 12. Боровик. 13. Коровин. 17. Гондола. 18. Наличник. 19. Пелерина. 20. «Устрицы». 24. Улитка. 25. Анализ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Уралмаш». Здесь собираются экскаваторы-гиганты. (См. в номере материал «Широкие плечи Урала»).

Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эти аквариумные рыбки экспонировались на выставке «Голубые нивы». (См. в номере материал «Бюро рыбьих путешествий»).

Фото Г. Розова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 9/I — 1978 г. А 01108. Подп. к печ. 24/I — 1978 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 296. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1644.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

АВТОМАТЫ...

Эта колли — шотландская овчарка,— наверное, хочет напомнить хозяину: «Ну, сколько можно! Идем гулять!»

Фото И. ГАВРИЛОВА

Самая свежая сводка для бабушки о самочувствии внука.

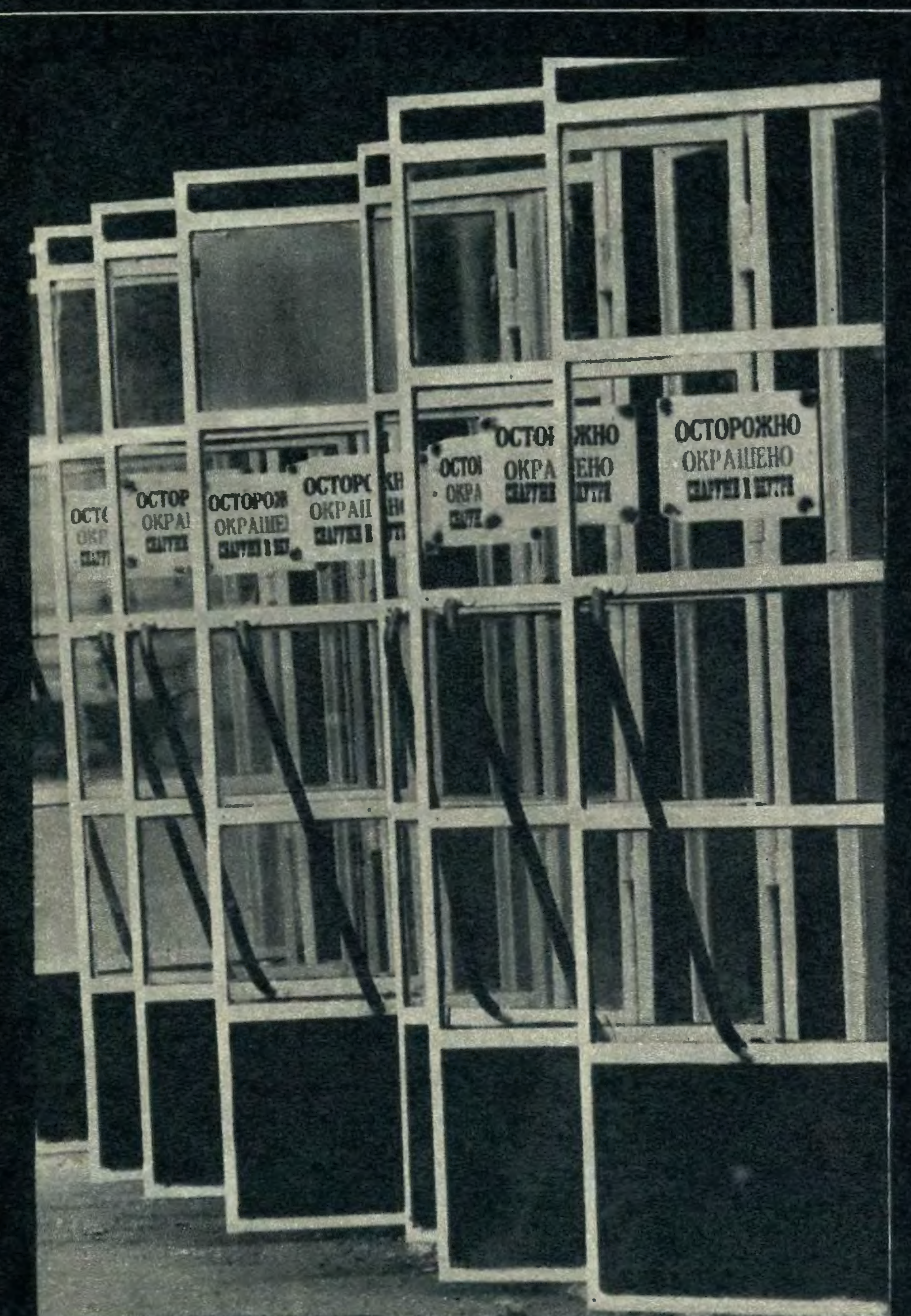

Будки иногда используются не по прямому назначению.

Можно подумать, что это не простой автомат, а видеотелефон, иначе зачем бы красить ресницы перед тем, как звонить!

Если бы всем доставалось так же трудно, правило трех минут соблюдалось бы неукоснительно.

Кто рискнет первым!

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663